

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КЛАССОВ

• МЫСЛЬ •

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КЛАССОВ

ПРОБЛЕМЫ
КЛАССОВОЙ ПСИХОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННОМ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1985

ББК 88.5
С 69

РЕДАКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

докт. филос. наук Ю. А. Замошкин,
канд. ист. наук А. Б. Вебер

ПРЕДИСЛОВИЕ

В социально-экономической и политической жизни капиталистического общества все более возрастает роль общественного сознания широких народных масс. В этом проявляются основные особенности нашей эпохи. Безвозвратно ушли в прошлое те времена, когда общественные представления и жизненные нормы трудящихся складывались исключительно под влиянием господствующей буржуазной идеологии. Революционные перемены в мире, завоевания реального социализма, многолетний опыт и традиции классовой борьбы в капиталистических странах, деятельность коммунистических партий — все это основательно подрывает идеологическую гегемонию буржуазии, расширяет сферу влияния прогрессивных идей, научного, социалистического мировоззрения. В том же направлении воздействует на массовое сознание и обострение социальных противоречий капитализма. «В противоположность буржуазной, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — коммунистическая идеология привлекает умы и сердца миллионов своей истинностью и честностью, цельностью и оптимизмом. Это идеология восходящего класса, идеология нового общества, идеология мира и дружбы между народами»¹.

Рост недовольства и протеста трудящихся, обусловленный социальным опытом, расширение их интеллектуальных горизонтов ослабляют основы мировосприятия, сформированные веками буржуазного господства. Это, однако, не означает сколько-нибудь легкого, «автоматического» распространения представлений, выражающих последовательно научное понимание общественных явлений и процессов. Во-первых, буржуазные идеологи всемерно приспособливают свои теории к современному уровню развития трудящихся, учитывая при этом особенности их общественно-политического поведения. Господствующий класс использует в интересах укрепления своей духовной гегемонии и намного увеличившийся по сравнению с прошлым пропагандистский аппарат, и разнообразные механизмы социально-экономической политики, которая в условиях государственно-монополистиче-

ского капитализма все более приобретает идеологические функции. Буржуазная идеология, как и прежде, навязывается трудящимся, но более изощренными и тонкими методами.

Во-вторых, современный капиталистический мир живет в обстановке резких изменений и потрясений во всех сферах жизни. Возрастание темпов общественного развития, его усилившаяся противоречивость создают значительные трудности для осознания массами своих интересов и перспектив, факторов, воздействующих на их положение. Эти трудности также широко используются буржуазными идеологами и политиками, нередко ведут к приливам консервативных общественных настроений, к оживлению примитивно-иррациональных, по сути реакционных типов массового сознания.

В силу отмеченных факторов отражение общественной действительности современного капитализма в сознании масс ныне носит более сложный, чем когда-либо раньше, характер. Оно отличается значительным многообразием тенденций и отнюдь не сводится к простому «копированию» противоборствующих идеологических систем. Социально-психологические процессы под воздействием всех сторон общественной жизни и идеологической борьбы развиваются в известной мере самостоятельно, своими собственными, присущими только им путями и в то же время оказывают возрастающее влияние на социально-экономическое и политическое развитие капитализма.

От направления и темпов развития этих процессов во многом зависят конкретные пути и перспективы революционного преобразования капиталистического общества. Еще в канун первой русской революции В. И. Ленин отмечал, что каждый из переходов в развитии революционного рабочего движения «подготавливался, с одной стороны, работой социалистической мысли... с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»². Психологические особенности субъекта революционного процесса — рабочего класса — являются, таким образом, по В. И. Ленину, столь же важным фактором революционного развития, сколь его объективное общественное бытие («условия жизни») и его вооруженность научной революционной теорией. Как отмечал К. У. Черненко на внеочередном февральском (1984 г.),

Пленуме ЦК КПСС, «Владимир Ильич Ленин всегда высоко ценил прямоту, жизненную обоснованность и ясность суждений рабочего человека, чутко прислушивался к его мнению, оценкам событий и людей, искал и находил в них ответы на самые злободневные вопросы»³.

В условиях капитализма конца XX в. значение социально-психологических факторов революционного процесса не только не уменьшилось, но даже существенно возросло. Всесторонний учет этих факторов занимает все более важное место в деятельности революционного авангарда трудящихся — коммунистических партий.

Изложенные соображения определяют цели и содержание настоящего исследования. Его авторы стремились выявить основные черты и тенденции массового сознания современного капиталистического общества. В незначительных пока марксистских работах по данной проблематике главное внимание обычно уделяется идеологическим аспектам сознания масс, механизмам воздействия на него идеологии. В данной работе исследуются прежде всего социально-психологические особенности сознания масс — те его компоненты, которые формируются на основе непосредственного отражения общественной действительности, а также механизмы его взаимодействия с идеологией. Авторов интересовали при этом главным образом наиболее глубокие уровни общественной психологии, ее относительно устойчивые и долговременные тенденции, определяющие отношение масс к основным проблемам их жизни.

Поскольку в антагонистических обществах такого рода структурные компоненты общественной психологии определяются прежде всего классовым положением людей, то их правомерно рассматривать как явления классовой психологии. Этот подход положен в основу настоящего исследования, что не исключает анализа таких социально-психологических процессов, которые проявляются в различных классах и слоях, в обществе в целом. Последнее соображение побудило авторов наряду с исследованием общественной психологии трудящихся — рабочего класса, средних слоев — включить в книгу главу, посвященную психологическим аспектам буржуазного сознания (ведь при капитализме присущие этому сознанию нормы, ценности, модели поведения неизбежно распространяются за рамки класса буржуазии).

В одной книге, разумеется, невозможно охватить все существенные аспекты столь сложной по своему содер-

жанию сферы общественной действительности, какую представляет собой массовое сознание. К тому же далеко не все его проблемы могут быть исследованы на основании фактических данных, которыми располагают авторы. Опираясь в основном на фактический материал о массовом сознании крупнейших промышленно развитых капиталистических стран Западной Европы и Северной Америки — США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, — авторы лишь в отдельных случаях привлекали данные по другим странам. Они полностью отдают себе отчет в том, что некоторые важные вопросы темы остались за рамками исследования. Это относится и к проблемам национальной специфики общественной психологии, и к особенностям массового сознания некоторых социальных слоев, и к ряду конкретных аспектов массового политического сознания.

Авторский коллектив книги:

Введение, глава I и Заключение — докт. ист. наук Г. Г. Дилигенский *.

Глава II — канд. ист. наук В. И. Борисюк, канд. ист. наук И. М. Бунин.

Глава III — докт. ист. наук Г. Г. Дилигенский, канд. ист. наук В. Б. Кувалдин, канд. ист. наук В. В. Песчанский **.

Глава IV — Е. П. Кирюшева, канд. ист. наук Н. В. Назарова.

Руководитель авторского коллектива — докт. ист. наук Г. Г. Дилигенский.

Авторский коллектив выражает признательность докт. филос. наук Ю. А. Замошину, канд. ист. наук Н. А. Косолапову и канд. ист. наук А. Б. Веберу, высказавшим ценные замечания по данной работе.

* При подготовке главы I были использованы материалы, предоставленные канд. ист. наук Г. И. Вайнштейном и докт. ист. наук В. П. Иерусалимским. Автор выражает им свою искреннюю благодарность.

** В. В. Песчанским написаны часть первого и часть второго параграфов главы и целиком третий параграф.

Обращение к столь сложной и относительно малоизученной сфере общественного сознания, какую представляет собой психология классов, выдвигает перед исследователем в качестве первоочередных задачи теоретического и методологического порядка. Первая из них — определение предмета исследования, т. е. той совокупности социально-психологических явлений и процессов, которые относятся к классовой психологии.

В современной марксистской литературе общественная психология обычно характеризуется как сознание массовое, т. е. как вид сознания, субъектом которого являются все члены данного общества, класса, социального слоя¹. Значение психологии классов (а также межклассовых, промежуточных слоев) в структуре массового сознания определяется ролью, которую классовая принадлежность людей играет в формировании их сознания. В разделенном на антагонистические классы капиталистическом обществе наиболее существенные, принципиальные черты бытия людей, объективные условия их жизни неразрывно связаны с их классовым положением.

По известному определению В. И. Ленина, классы — это «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»².

Различные отношения, в которые люди вступают в капиталистическом обществе — идет ли речь об отношениях в процессе труда или во внетрудовой сфере, об отношении к политическим, правовым или культурным учреждениям, — прямо или косвенно определяются их классовым положением. Обуславливая многие суще-

ственные стороны общественного бытия людей, оно определяет и существенные черты отражающего это бытие сознания.

Классовая обусловленность общественного сознания проявляется в двух основных формах отражения действительности: во-первых, в идеологии, поскольку, как известно, в классовом обществе идеология всегда выражает коренные потребности и интересы определенных классов; во-вторых, объективное бытие классов отражается в общественной психологии. Идеология и общественная психология представляют собой различные способы отражения действительности.

Любая идеологическая система — результат особого вида духовно-познавательной деятельности, подчиненной определенным целям. Создатели этих систем сознательно стремятся выработать обобщенный образ действительности, осмыслить ее в виде взаимосвязанных представлений, обосновать соответствующие таким представлениям общественные нормы, идеалы, цели практического действия. Классовые интересы являются ведущим мотивом идеологической деятельности, поэтому содержание идеологии подчинено этим интересам, выражает их.

Иначе складывается содержание и структура общественной психологии. Она, как неоднократно отмечалось в марксистской литературе, представляет собой стихийное, непосредственное отражение действительности. Если идеология оперирует абстрактно-теоретическими понятиями, то в общественной психологии преобладает конкретно-предметное мышление, основанное на отражении непосредственного опыта людей. Такое мышление не в состоянии освоить социальный опыт в виде целостной системы логически взаимосвязанных обобщенных представлений; оно «улавливает» отдельные, нередко противоречащие друг другу стороны опыта и формирует представления, оценки и т. д., соответствующие именно этим сторонам, но не объединенные общим, организующим их принципом. Одна и та же объективная социальная, в том числе классовая, ситуация в зависимости от «силы» отражения тех или иных ее аспектов может осознаваться людьми по-разному. Внутренняя противоречивость представляет собой поэтому одну из наиболее характерных черт многих сложившихся в ходе исторического развития типов массового сознания.

Речь идет об особенностях социально-психологических форм отражения действительности в условиях клас-

сово антагонистического общества. Реальное массовое сознание этого общества складывается на основе взаимодействия общественной психологии и идеологии; те обобщенные ценностные представления, общественные цели и идеалы, которые не могут быть выработаны в рамках общественной психологии как таковой, усваиваются массовым сознанием из идеологии. Не существует общественной психологии в «чистом виде»: в ней всегда имеется определенный идеологический компонент.

Важно в то же время учитывать, что отмеченные особенности общественной психологии оказывают сильное влияние на процесс усвоения идеологии социальными группами. В реальном массовом сознании идеологические представления тем или иным образом сочетаются с психологическими, основанными на собственном опыте масс, и это сочетание нередко носит противоречивый характер. В условиях капиталистического общества массовое сознание трудящихся испытывает сильнейшее воздействие господствующей буржуазной идеологии. Как подчеркивал В. И. Ленин, «наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология... стихийно всего более навязывается рабочему»³. В результате в сознании тех или иных социальных групп и даже отдельных индивидов установки и представления, отражающие их классовое положение и интересы, могут сочетаться с представлениями, чуждыми этим интересам, навязанными господствующей идеологией⁴. Подобная противоречивость сознания может преодолеваться лишь в ходе идеологической борьбы, все более глубокого усвоения массами идеологии, выражающей их истинные классовые интересы.

Собственный опыт масс и их идеологические представления являются, таким образом, основными источниками содержания массового сознания, знания об общественной действительности, о своем положении и интересах⁵. Понятно, что этот познавательный процесс носит групповой характер, осуществляется не изолированными индивидами, а людьми, объединенными определенными социальными связями: совместной деятельностью, общностью положения, языка, культуры. Поэтому решающая роль классовой общности людей в системе их групповых связей — одна из важнейших предпосылок формирования и развития классовой психологии, усвоения массами идеологии, выражающей их классовые интересы.

Классовая общность не является вместе с тем един-

ственной формой групповой общности. Люди принадлежат не только к определенным классам, но и к нациям и другим этническим группам, к различным внутриклассовым слоям и межклассовым общностям — культурным, профессиональным, демографическим. Такой межклассовой общностью является, например, крестьянство капиталистических стран: дифференцированное в классовом отношении на фермеров-капиталистов, мелкую сельскую буржуазию, пролетарские и полупролетарские слои, оно вместе с тем объединено общим «сельским» образом жизни, культурой, характером производственной деятельности. Другой пример — религиозные общности, которые включают представителей различных социальных слоев и играют большую роль в формировании их мировоззрения.

В зависимости от конкретных условий связи людей с различными общностями — классовыми, внутриклассовыми и внеклассовыми — в разной степени влияют на их сознание. Так, сознательный рабочий чаще всего является патриотом своей нации и интернационалистом; борясь за интересы определенной профессиональной или отраслевой группы пролетариата, он отчетливо сознает и защищает интересы всего рабочего класса как в национальных, так и в международных масштабах. Не менее реальна, однако, и другая ситуация: господствующий класс, его политики и идеологи активно используют внеклассовые — прежде всего национальные, религиозные — и иные общности в целях всемерного ослабления классовой солидарности и классового сознания трудящихся. Нередко интересы различных профессиональных групп осознаются принадлежащими к ним людьми яснее и отчетливее, чем более широкие общественные, классовые интересы, и на этой почве возникает своего рода «коллективный эгоизм», корпоративное, или цеховое, сознание.

Таким образом, множественность и разнородность групповых связей людей могут в той или иной мере ослабить воздействие на сознание их классового положения.

Рассмотренные особенности структуры и детерминации массового сознания капиталистического общества объясняют одно из важнейших его отличий от идеологической сферы общественного сознания. Классовая обусловленность многих типов массового сознания не выступает в «чистом виде» как выражение классовых потребностей и интересов. Она опосредована, а нередко даже искажена, извращена психологическим отражением дей-

ствительности, внеклассовыми или внутриклассовыми узкогрупповыми связями и — самое главное — буржуазной идеологией.

Этим определяется немалая трудность исследования классовой психологии в буржуазном обществе. В массовом сознании классов данного общества присущие каждому из них духовные образования тесно переплетены с установками, убеждениями, ценностями, разделяемыми представителями разных классов. Переплетение и нерасчлененность таких разнородных компонентов ставят перед исследователем классовой психологии сложную проблему: как в реально существующих типах массового сознания выявить их классовую основу.

В марксистской литературе формировались различные подходы к изучению массового сознания. В работах некоторых советских ученых оно исследуется преимущественно с точки зрения его идеологического содержания, связей с идеологией. Авторы одной из таких работ полагают, что, изучая содержание этого сознания, «исследователь вправе отвлечься от субъекта сознания (его психики, мотиваций его поведения) и пойти по пути реконструкции существующих в данном обществе убеждений и политических ориентаций...»⁶. Очевидно, такой подход, вполне оправданный при исследовании типов политического сознания, неприменим к задачам исследования классовой психологии и ее роли в массовом сознании: «отвлекаясь» от субъекта сознания, невозможно исследовать классовую обусловленность последнего, закономерности его движения, которые в значительной мере определяются социальными и социально-психологическими характеристиками субъекта.

По мнению Г. М. Андреевой, задача социально-психологического анализа больших социальных групп, в том числе классов, состоит в выделении черт группы, свойственных ей как субъекту социальной деятельности, таких групповых образований, «как групповые интересы, групповые потребности, групповые нормы, групповые ценности, групповое мнение, групповые цели»⁷. Сформулированный здесь подход представляется весьма плодотворным. Психология больших, т. е. действующих в масштабах всего общества, социальных групп проявляется прежде всего в их общественно-политической деятельности. Согласно марксистско-ленинской теории, классы являются основными субъектами исторического действия, и выявление психологических характеристик — одна из

важнейших задач исследования классовой психологии.

Однако в этом случае исследователь сталкивается с определенными трудностями. Во-первых, не все социальные группы являются субъектами действия, обладают необходимыми социально-психологическими характеристиками, которые придают их деятельности определенную направленность. К. Маркс писал о французских крестьянах середины XIX в., что они «неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени»⁸. Подобная ситуация нередко наблюдается (разумеется, в иных конкретных формах) и в современном капиталистическом обществе.

Во-вторых, даже в тех больших социальных группах, которые выработали определенные представления о своих интересах и целях, далеко не все члены этих групп разделяют такие представления. Часто бывает так, что в одной и той же группе сосуществуют разные представления о ее потребностях, интересах, целях в обществе. В таком случае группа может выступать в качестве субъекта социальной деятельности, но эта деятельность является неоднозначной, разнонаправленной. Поэтому выявление тех групповых, особенно классовых, черт психологии и поведения, в которых выражены объективные интересы группы, обычно связано с абстрагированием от многообразия ее социально-психологического облика. Так, В. В. Шаронов настаивает на необходимости различения «классовой психологии», направляющей *«практическую деятельность класса на достижение истинно классовых целей»*, и... «психологии класса»... представляющей собой «сложную целостную систему его массового сознания»⁹.

Можно согласиться с предлагаемым В. В. Шароновым принципом анализа психологии классов. Однако вряд ли можно считать удачной применяемую им терминологию. На наш взгляд, выделенные этим исследователем компоненты общественной психологии представляют собой разные уровни ее развития, сосуществующие в массовом сознании класса.

Исследование психологии классов капиталистического общества должно включать оба уровня ее проявления: как тех ее характеристик, в которых выражаются классовые интересы и цели, так и тех, которые в своей совокупности образуют «реальное», «наличное» (по терминологии А. К. Уледова)¹⁰ массовое сознание каждого класса. Первый из этих уровней возникает в результате

взаимодействия психологии и идеологии класса, когда последняя усваивается той или иной его частью. На втором уровне сильнее проявляется психологическое, зачастую противоречивое отражение действительности в массовом сознании.

Различия и взаимосвязи между этими уровнями неодинаковы в разных классах, во многом определяются их положением в системе общественных отношений капитализма. Так, в сознании буржуазии, поскольку ее классовые интересы связаны с защитой существующих порядков, «расхождение» между сформулированной идеологией обобщенным представлением об этих интересах и стихийно складывающимися психологическими установками не носит принципиального характера. Оно отражает чаще всего противоречия между долгосрочными интересами класса буржуазии и ближайшими, непосредственными интересами индивидуальных капиталистов или отдельных фракций буржуазии. Независимо от этих противоречий повседневная деятельность капиталиста — эксплуатация наемных работников, осуществление права частной собственности на средства производства, конкурентная борьба на рынке и т. д. — постоянно выявляет его классовые интересы.

В отличие от буржуазии пролетариат не может осознать свои истинные классовые интересы и цели на основе собственного непосредственного опыта. Соответствующие его интересам социалистические общественные отношения не даны ему в опыте; необходимость социалистического переустройства общества осознается лишь в результате научно-теоретического анализа действительности идеологами рабочего класса и усвоения социалистической идеологии пролетарской массой. Такой путь осознания классовых интересов создает наряду с другими, отмеченными выше факторами возможность значительных расхождений между классовым сознанием передовых отрядов рабочего класса и психологией его основной массы (см. гл. I).

Сказанное, однако, не означает, что существует некое «внеклассовое» массовое сознание, как о том говорят буржуазные социологи, противопоставляющие понятия «класс» и «масса»¹¹. Все образования массового сознания капиталистического общества — как истинно отражающие действительность, так и ложные, искаженные формы такого отражения — детерминированы объективными условиями жизни и деятельности классов и других

социальных групп. Если, например, те или иные слои рабочего класса заимствуют ценности и идеи буржуазии, то это объясняется не только интенсивностью воздействия буржуазной идеологии, но и особенностями бытия трудящихся, прежде всего моральным давлением на них системы эксплуатации, отсутствием или слабостью собственной классовой организации. Если, как отмечалось выше, в массовом сознании класса преобладают групповые ориентации, противоречащие классовым, то это также связано с теми или иными особенностями его положения и опыта.

Марксистское понимание классовой обусловленности сознания принципиально отлично от вульгарно-экономического или понимания его социологическими детерминистами. Еще в «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс отверг представление о механической «заданности» сознания внешними обстоятельствами, условиями материального бытия. «Материалистическое учение о том, — писал он, критикуя подобные взгляды, — что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан»¹².

Марксизм рассматривает человека как субъекта общественных отношений и процессов. Согласно этому представлению, сознание, в том числе массовое, формируется в процессе практической деятельности людей. Общественное бытие определяет общественное сознание и как совокупность условий материальной жизни людей в обществе (общественных отношений), и как их практику («общественная жизнь, — писал К. Маркс, — является по существу *практической*»¹³). Конкретное содержание сознания обусловлено, следовательно, конкретным содержанием практики его субъектов.

Распространенность и устойчивость различных форм ложного сознания марксизм объясняет идеологической деятельностью господствующего класса, а также и исторически обусловленными особенностями практики самих масс. Так, анализируя вопрос о корнях религиозных представлений, К. Маркс писал: «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой», когда люди установят

«сознательный планомерный контроль» над «общественным жизненным процессом»¹⁴. Пока же процесс функционирования и развития общества не освоен практически самими массами, т. е. неуправляем ими, сохраняется почва для иллюзорных, ложных форм сознания.

Массовое сознание трудящихся может проявляться, следовательно, как в истинных, так и в ложных представлениях о действительности. В основе тех и других лежит практика масс. «Действительное воспитание масс, — говорил В. И. Ленин, — никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»¹⁵.

В зависимости от практики, ее социального содержания и направленности, от степени усвоения массами идеологии, выражающей их интересы, одно и то же объективное положение класса может создавать почву для различных, в том числе противоположных, типов сознания. Совокупность этих типов, присущая каждому из основных классов и межклассовых социальных слоев капиталистического общества, образует их социально-психологический облик — то, что В. И. Ленин называл «психическим укладом» класса. Анализ конкретного, исторически обусловленного содержания такого рода типов и их детерминации является одной из задач исследования психологии классов.

Другая задача заключается в анализе тех черт массового сознания классов, в которых выражается их роль как субъектов общественно-исторической деятельности и в которых проявляется способность к групповому действию, к защите классовых интересов и целей. Эти черты обусловлены не только социально-экономическим положением классов, но и уровнем их развития в качестве организованных объединенных общностей.

Вернемся к упоминавшейся выше Марксовой характеристике французского крестьянства XIX в. «Поскольку миллионы семей, — писал К. Маркс, — живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, — они образуют класс. Поскольку между parcelными крестьянами существует лишь местная связь, по-

сколько тождество их интересов не создаст между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса»¹⁶.

Эта характеристика перекликается с известной ленинской мыслью о развитии класса. «Класс, — отмечал В. И. Ленин, — есть понятие, которое складывается в борьбе и развитии... Сказать, что пролетариат мог сразу объединиться в класс, — абсурд. Такое объединение может происходить десятилетиями»¹⁷. Эти положения К. Маркса и В. И. Ленина позволяют выделить в качестве особой характеристики конкретно-исторического облика каждого класса тип объединяющих его организационных, социально-психологических, идеологических связей, достигнутый им уровень групповой, классовой общности. К сфере духовных явлений и процессов, образующих психологию класса, относятся, таким образом, типичные для большинства его членов черты социально-психологического склада, отражение в их сознании общности класса, его интересов и целей. Эти черты психологии людей складываются на основе диалектической взаимосвязи общего — психологии класса и единичного — психологии личности.

Для идеалистических концепций «коллективной психологии» и «группового сознания» характерно абсолютное противопоставление этого сознания индивидуальному. Так, в социологии Э. Дюркгейма коллективные, или социальные, представления существуют в психике людей изолированно от их индивидуальных представлений и не влияют на них¹⁸. Автор ряда работ по «коллективной психологии», французский психолог А. Дюпрон видит в ней проявление «надысторического» и «сверхъестественного» элемента человеческой жизни¹⁹. Американский социолог М. Спенсер, критикуя с дюркгеймианских позиций марксизм, утверждает, будто К. Маркс не раскрыл специфическую природу социальной группы, а свел ее к совокупности одинаковых индивидов, к «массовой личности»²⁰.

В действительности марксизму чуждо как противопоставление индивидуального сознания групповому, так и сведение одного к другому. Критикуя К. Маркса, М. Спенсер ссылается на его приведенную выше характеристику французского крестьянства. Он не замечает при этом, что К. Маркс не дает здесь общее определение классов, а описывает совершенно конкретный класс, внутри которого внутригрупповые связи развиты крайне

мало (ограничиваются «местной связью»), и классовая общность выражается главным образом в типическом психологическом сходстве его членов. Здесь же К. Маркс называет и те условия, которые характеризуют развитую классовую общность («национальная связь», «политическая организация»).

Марксизм решает вопрос о соотношении индивидуального и группового, в том числе классового, сознания на основе исторического подхода. Это соотношение зависит от конкретного уровня развития класса и его сознания. Но в любых исторических условиях психология личности и психология больших социальных групп, классов взаимосвязаны. В психологии любой личности в той или иной форме присутствуют черты, детерминированные условиями жизни классов и других социальных групп. В то же время психология класса (как и общественная психология вообще) выражает то общее, что присуще психологии реальных людей, личностей. Разумеется, это не означает отождествления личной и групповой психологий: они представляют собой различные «системы», типы внутренней организации и связи психических черт и проявлений²¹. Л. П. Бueva утверждает, что «личность является... объективным представителем социальных групп, классов, разделяющим их образ жизни, деятельности, а следовательно, и мыслей... Как член класса, человек является носителем классовой психологии, которая формируется в специфических условиях бытия класса»²².

Можно выделить две основные группы личностных психических образований, в которых отражается классовая психология. Во-первых, в *мотивационно-волевой сфере личности* (ее потребностях, интересах, целях, нормах, ориентациях).

В марксистской литературе по проблемам социальной типологии личности в качестве наиболее обобщенной характеристики социально типичных психологических свойств чаще всего признается ее направленность²³. Направленность личности рассматривается как результат ее психологического приобщения к определенным сферам, видам деятельности, которые она отбирает из числа заданных социальными отношениями и обстоятельствами. Поскольку в капиталистическом обществе эти обстоятельства определяются прежде всего классовым положением людей, направленность представляет собой один из важнейших продуктов отражения условий жизни класса в психологии личности. Она выражает вместе

с тем отношением личности к этим условиям, и, поскольку такое отношение может быть различным, одно и то же классовое положение нередко порождает разные типы направленности.

К понятию направленности близко используемое в советской социологической литературе понятие жизненной ориентации личности. Оно означает, что в структуре личности проявляется ориентирующая, направляющая функция данного психологического образования и что результатом этой ориентации является интеграция различных сторон жизнедеятельности личности. Жизненная ориентация включает цели личности, иерархию ее интересов. Она предполагает относительную значимость для человека различных сфер деятельности. При анализе эмпирических данных о социально типичных мотивах людей удобнее использовать понятие жизненной ориентации.

Во-вторых, черты классовой психологии выражаются в *социальных представлениях личности* (знаниях об обществе, о факторах, направляющих общественные процессы, о социальной структуре и своем месте в ней), в ее отношении к данному общественному устройству, в убеждениях, в общественном идеале. В такого рода представлениях обязательно присутствует идеологический элемент, поскольку они складываются под влиянием различных идеологий, существующих в капиталистическом обществе. В то же время они отражают опыт больших социальных групп, к которым принадлежит личность, и прежде всего опыт класса, и именно от характера этого опыта — как прошлого, так и современного, — от его отражения в психологии класса зависит восприимчивость людей к той или иной идеологии.

В психологии индивидов и социальных групп мотивационные образования и процессы постоянно взаимодействуют с познавательными. Потребности и мотивы людей, их жизненные ориентации определяются как условиями и содержанием их деятельности, так и их знанием о возможностях, которыми они располагают в данных общественно-исторических условиях. По словам К. Маркса, «наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения»²⁴. «Общественная мерка», воздействующая на мотивы личности, складывается на основе социальных представлений; чем многообразнее источники этих представлений, тем более сложен и опосредован меха-

низм связи между классовым положением людей и типами их личностной мотивации.

Это важно учитывать при анализе социально-психологического облика классов и межклассовых слоев капиталистического общества. Каждый из них порождает, как отмечалось, различные типы личности, и нередко у людей, принадлежащих к различным классам, возникают сходные жизненные и ценностные ориентации. Данное обстоятельство было бы неправильно рассматривать как проявление «внеклассового» («эксгруппового») характера массового сознания. Оно свидетельствует скорее об относительной самостоятельности личностной структуры капиталистического общества по отношению к его классовой структуре²⁵.

Самостоятельность, с одной стороны, объясняется воздействием на массовое сознание общих для всех классов и слоев условий общественной жизни (например, товарно-денежных отношений, питающих индивидуализм, товарный фетишизм, культ денег и тому подобные явления). С другой стороны, ее обуславливают идеологические процессы и механизмы, также действующие в рамках всего общества, прежде всего распространение по различным каналам господствующей буржуазной идеологии. Но эта самостоятельность относительна, ибо существуют жизненные и ценностные ориентации, присущие представителям определенных классов и отражающие их место в системе общественных отношений. Кроме того, сходство ориентаций у представителей различных классов не означает их тождественности: психологическое содержание, внутренний личностный смысл²⁶ сходных по внешнему выражению мотивов неодинаков у людей, занимающих различное классовое положение, и определяется особенностями объективных условий их жизни.

Примером специфически классовой жизненной ориентации может служить установка буржуа-собственника на предпринимательскую деятельность²⁷: деловой успех, выражающийся в росте денежной прибыли, расширении «дела», достижении большей независимости, власти, влияния. Если же, как это нередко бывает, такую «предпринимательскую» ориентацию принимает представитель эксплуатируемого класса, ее смысл иной, чем у капиталиста: человек копит деньги, мечтает обзавестись собственной лавочкой или мастерской, чтобы избавиться от эксплуатации и социальной зависимости. Этот мотив определяется его социальным положением, но принимает

конкретную форму, обусловленную влиянием буржуазно-индивидуалистических ценностей и идеалов.

В пролетарских и полупролетарских слоях широко распространена ориентация, которая выражается в высказываниях типа «прожить как-нибудь», остаться на поверхности», «сохранить то, что есть». Как показывают конкретные социологические исследования, для людей, разделяющих такую ориентацию, характерны низкий уровень образования, доходов, квалификации, непрочное положение на производстве; у них нет планов на будущее, надежды на серьезное улучшение своего положения²⁸. Ее можно было бы назвать защитной или ориентацией на выживание, на «статус-кво». Очевидна ее обусловленность классовым положением наиболее эксплуатируемых слоев трудящихся.

Особый социально-психологический тип личности формирует ориентация, направленная на достижение определенных общественных целей и идеалов. Ее характеризует высокий уровень самоидентификации личности с социальной группой, например классом, нацией, обществом, партией, движением. Такая групповая ориентация, подчиняющая индивидуальные мотивы общественным, возникает главным образом в связи с социальными целями, идеалами, ценностями, которые побуждают личность к самоотдаче, к служению другим людям, т. е. несут в себе гуманистическое и коллективистское содержание. Из всех социальных групп капиталистического общества единственным носителем последовательно коллективистской психологии является рабочий класс, а поэтому данный тип личностной ориентации более всего распространен в пролетарской среде. Представители привилегированных классов и слоев способны принимать ее в той мере, в какой их мотивы определяются идеалами социальной справедливости, интересами широких народных масс. Именно ориентация на эти, в основе своей классовые интересы, подлинно гуманистическое, противостоящее индивидуализму и узкогрупповому корпоративизму мировоззрение формирует последовательно коллективистский общественно ориентированный тип личности.

Примером жизненных ориентаций, классовая обусловленность которых проявляется в максимально опосредованном, скрытом виде, могут служить распространенные в современном капиталистическом обществе потребительские и гедонистские типы мотивации личности. Ориента-

ции на потребление, досуг, развлечения всемерно стимулируются буржуазной идеологией, социальной тактикой монополистического капитала: идеалы «общества массового потребления», «цивилизации досуга» широко используются для ослабления антимонополистических настроений и социального протеста масс, отвлечения их внимания от неразрешимых в условиях капитализма общественных проблем. Массовая распространенность соответствующих ориентаций является для многих буржуазных теоретиков одним из доводов в пользу тезиса о стирании классовых граней и распаде классовой психологии, о возникновении «единого среднего класса», якобы охватывающего основную массу населения капиталистических стран.

В действительности за внешне универсальным, проникающим в разные классы и слои потребительством и гедонизмом кроются принципиально разные мотивы. В буржуазной и близкой к ней среде распространены «элитарные» потребление и развлечения, служащие, как доказано специальными исследованиями²⁹, символическим способом демонстрации социального престижа, привилегированного положения в обществе. В рабочем классе и пролетаризирующихся слоях населения достижение определенного потребительского стандарта, «гонка за потреблением» есть не более чем иллюзорное средство психологической компенсации социального неравноправия, подавляющего личность труда, узости жизненных возможностей и перспектив. Подобные примеры показывают, что даже наиболее унифицированные и стандартизированные типы личности не могут быть поняты без учета ее классового положения.

Многообразие конкретных типов личности, жизненных ориентаций, существующих в рамках одного и того же класса или слоя, в значительной мере обусловлено внутренней социальной неоднородностью классов и промежуточных слоев современного капиталистического общества. Развитие научно-технической революции, государственно-монополистического капитализма привело к значительному усложнению структуры основных классов и межклассовых групп, усилило разнородность видов деятельности и социальных функций людей, принадлежащих к одному и тому же классу. В настоящее время большинство исследователей-марксистов разделяют следующие представления о границах и структуре классов и средних слоев развитых капиталистических стран³⁰,

— современный пролетариат включает наемных индустриальных и сельскохозяйственных рабочих, а также низших и средних служащих; соответственно он состоит из трех основных отрядов: промышленного, торгово-конторского и сельскохозяйственного пролетариата;

— в класс буржуазии входят крупные и средние собственники-капиталисты, а также высший слой наемных управляющих, доходы которых, сохраняя видимость заработной платы, в действительности основаны на монополистической прибыли. Составной частью класса буржуазии являются также представители высшей административно-государственной и политической власти. Его наименее многочисленный и вместе с тем наиболее влиятельный слой — финансовая олигархия;

— к средним слоям капиталистического общества относится мелкая буржуазия³¹, включающая основную массу крестьянства (кроме крупных и средних капиталистов-аграриев, с одной стороны, и пролетарских и полупролетарских слоев сельских тружеников — с другой) и мелких собственников предприятий торговли и сферы обслуживания. Другую часть средних слоев образуют наемные работники, не владеющие средствами производства, но по ряду существенных признаков отличающиеся от рабочего класса (интеллигенция, наиболее квалифицированные группы служащих и специалистов, часть административного персонала и т. д.). В ряде марксистских работ различные группы мелких собственников города и деревни, а также лица свободных профессий (самостоятельно практикующие, но не использующие наемный труд врачи, адвокаты и т. д.) именуются «старыми», а занимающие промежуточное классовое положение наемные работники — «новыми» средними слоями.

Внутренняя разнородность основных классов и средних слоев связана с существованием социальных групп, различающихся по основным признакам своего классового положения, но сходных по характеру трудовой деятельности, формам ее организации, типу мобильности и иным социальным характеристикам. Это создает основу для сходных жизненных ориентаций групп, относящихся к разным классам. Например, к так называемым белым воротничкам — наемным работникам умственного и простого нефизического труда — относятся как определенные слои пролетариата, так и «новые» средние слои, а также принадлежащая к буржуазии верхушка управляющих. Организация их профессиональной

деятельности в условиях государственно-монополистического капитализма подчинена бюрократическому принципу; ее характеризует многоступенчатая иерархия должностей и статусов. Это создает почву для распространения в данной среде ориентации на карьеру, на «продвижение» к возможно более высоким постам.

Другим примером такой «межклассовой» личностной мотивации является ориентация на работу, психологически воспринимаемую не как средство достижения материальных или «статусных» целей, но как «самоценная деятельность», сфера приложения творческих потенций, «сущностных сил» личности. Носителями этой жизненной ориентации, которую можно назвать «творчески-трудо-вой», могут быть не только представители творческой, научно-технической и преподавательской интеллигенции, но и все те, чей труд содержит возможности для проявления индивидуальных способностей и знаний (например, квалифицированные рабочие). Подобные ориентации отражают особенности положения различных внутриклассовых и межклассовых групп, обусловленные общественным разделением труда в условиях современного капитализма.

Системы личных мотивов, выраженные в жизненных ориентациях, представляют собой наиболее элементарное проявление психологии классов и межклассовых слоев капиталистического общества. В тех случаях, когда классовая психология *ограничивается* данной формой своего проявления, можно констатировать, что психологическая общность класса находится на низшем уровне развития (этот уровень описан К. Марксом в его характеристике французского парцелльного крестьянства).

Более высокие ее уровни характеризуются существованием групповой, классовой мотивации. Это означает, что в мотивах людей, принадлежащих к классу, выражены не только их личные, но и осознанные классовые потребности, интересы, цели. Усвоение таких мотивов предполагает, что люди осознают свою принадлежность к данному классу. На наиболее высоком уровне классовой общности психологии членов класса присуще не только понимание классовых потребностей и интересов, но и готовность к их защите, к коллективному, солидарному действию.

Групповые мотивы обязательно выступают как определяющие и постоянно действующие характеристики сознания всех объединяемых группой личностей. Они со-

храняют значение групповых психологических характеристик, если они присущи хотя бы части — более или менее значительной — класса, принадлежат хотя бы к некоторым существующим в нем социально-психологическим типам.

Эти мотивы реализуются наиболее полно и широко в ситуациях группового действия; когда же таких ситуаций не возникает, мотивы находятся в потенциальном состоянии.

Так, в рабочем классе любой капиталистической страны есть люди, психологически ориентированные на активное участие в забастовочном движении, есть рабочие, не обладающие такой ориентацией, и даже такие, которые принципиально отрицают забастовочную борьбу. Однако в период обострения классовых конфликтов в забастовках принимают участие не только классово-сознательные рабочие, но и многие из тех, которые в «мирный» период были против забастовочной борьбы. Независимо от многообразия индивидуальных установок эта борьба является формой классового поведения и проявления классового сознания, присущих рабочему классу капиталистического общества. Классовая психологическая общность является, таким образом, самостоятельным, а в определенных ситуациях более действенным фактором поведения массы, чем индивидуальные мотивы и установки той или иной части людей, ее составляющих. В этом сказывается значимость социально-психологических связей, объединяющих разнородных по своей индивидуальной психологии людей, принадлежащих к одному классу.

Какие же факторы определяют уровень, конкретные формы проявления классовой социально-психологической общности? Как отмечалось выше, ее непосредственную основу образуют внутриклассовые связи. Отсюда ясно, что конкретно-историческое содержание и масштабы этих связей, выработанных каждым классом в ходе его развития, обуславливают уровень и степень зрелости классовой психологии. Внутриклассовые связи возникают и развиваются в процессе общения членов класса — как межличностного, так и опосредованного, осуществляемого через восприятие информации о «своей» группе и ее отношениях с другими группами.

Первичная, элементарная форма внутриклассового общения — межличностные связи в рамках *непосредственной социальной среды* (семейной, локальной, про-

фессиональной). Разумеется, лишь непосредственная среда не может сформировать общность класса в масштабах всего общества, однако и на относительно высоких уровнях развития такой общности эта среда играет важную роль в передаче индивидам классовых установок, норм, ценностей, представлений. Поэтому для развития и воспроизводства классовой общности наиболее благоприятны ситуации, в которых непосредственная социальная среда носит однородно-классовый характер. Так, во многих капиталистических странах группы рабочего класса, сосредоточенные в пролетарских кварталах или поселениях, чаще всего проявляют более высокую классовую сознательность, чем те, которые локализируются в районах со смешанным в социальном отношении населением. Хорошо известно, что потомственный пролетарий, сформировавшийся в рабочей среде, легче и быстрее усваивает классовые нормы и ценности, чем рабочий, вышедший из крестьян или мелкой городской буржуазии.

Важную роль в формировании, развитии и воспроизводстве общности класса играет *классовая культура*. Марксистская наука рассматривает культуру как социальный феномен, обусловленный «потребностью общества в закреплении и трансляции совокупного духовного опыта... и знаний в передаче сложившихся традиций и обычаев»³². Классы, а также внутриклассовые и межклассовые группы, выработавшие в ходе своего развития собственную культуру, приобретают тем самым действительную способность закреплять в массовом сознании и поведении свои нормы, ценности, способы и формы общественной деятельности, восприятия действительности.

В ряду объективных факторов, воздействующих на уровень классовой общности, в частности на возможность ее «материализации» в непосредственной социальной среде и единой классовой культуре, существенное значение имеет степень социальной и культурной однородности класса. Классам, разделенным на слабо связанные между собой профессиональные, культурные и этнические группы, обычно труднее выработать реальную общность, чем классам относительно однородным.

Не менее важное значение имеет определенность положения класса в системе производственных отношений капитализма. Поскольку такое положение характеризует прежде всего основные антагонистические классы — пролетариат и буржуазию, то у них классовая общность более развита, чем у мелкой буржуазии и средних слоев,

положение и интересы которых противоречивы, что затрудняет выработку единых групповых целей и идеалов.

Внутриклассовые связи, осуществляемые через механизмы непосредственной социальной среды и культуры класса, представляют собой важное условие конституирования и воспроизводства классовой общности. Однако сами по себе они не формируют высшего уровня такой общности — солидарности класса, его способности отстаивать свои интересы на общественно-политической арене. Свидетельством такой солидарности являются *идеология* класса и различные его *организации*. Идеология формулирует коренные интересы и цели класса, что делает возможным их последовательное и полное осознание классом в целом. Организации класса являются необходимыми орудиями борьбы за его интересы и цели и вместе с тем единственно возможным средством формирования и поддержания внутриклассовых связей в масштабах всего общества. Опыт коллективных действий класса, направляемых его организациями, сам по себе является мощным фактором развития классовой солидарности: он интенсифицирует и укрепляет внутриклассовые связи, а также более четко выявляет характер отношений класса с другими социальными группами. Как подчеркивал В. И. Ленин, рабочие черпают понимание солидарности своих интересов «из той самой борьбы, которую они начинают вести с фабрикантами и которая все больше и больше развивается, становится резче, втягивает большее число рабочих...»³³.

В результате взаимодействия выражающих классовую солидарность социально-психологических тенденций и идеологии класса возникает и развивается *классовое сознание*. По своему содержанию оно представляет собой совокупность представлений о положении класса в системе общественных отношений, о его интересах и целях, о средствах их осуществления. Формулирование этих представлений, их распространение в массе класса (слоя), их реализация в общественной практике являются задачей идейно-политических общностей (движений, партий). (Как известно, политическая деятельность всегда имеет классовую основу.) Зрелость, развитость классового сознания зависят от того, в какой мере оно является сознанием политическим.

Структура массового политического сознания, однако, не адекватно отражает социально-классовую структуру капиталистического общества. Зависимость здесь

гораздо более опосредованная. Классовое сознание и сознание политических общностей обладают по отношению друг к другу относительной самостоятельностью. Субъектами классового сознания являются все индивиды, в той или иной мере ориентированные психологически и идеологически на данную классовую группу. Такая ориентация означает, что в их сознании содержатся определенные общие компоненты, с большей или меньшей полнотой и последовательностью отражающие интересы класса. Так, нельзя представить буржуазное классовое сознание без таких компонентов, как установки на принцип частной собственности, на оправдание капиталистической эксплуатации. Пролетарское классовое сознание, каков бы ни был его конкретный уровень, содержит установку на борьбу с «хозяевами». Однако за пределами подобных, наиболее общих принципов в рамках классового сознания могут существовать различия в понимании конкретного содержания целей класса, средств их реализации, в политических установках и ориентациях.

Частично эти различия коренятся в неодинаковом положении внутриклассовых слоев и групп, частично выражают разный уровень осознания классовых интересов. Но чем бы они ни объяснялись, они создают почву для разных, часто резко расходящихся политических ориентаций и соответствующих им типов массового политического сознания.

В содержание классового сознания входят определенные представления об отношениях данной социальной группы с другими группами и соответствующие этим представлениям нормативные установки. Такого рода представления и установки, распространенные в каждом классе, различны: они могут включать либо принцип тотального конфликта, либо принцип компромисса, предполагающего учет и признание интересов другого класса. Это создает почву для существования «межклассовых» политических ориентаций. Так, современный реформизм выражает одновременно и «частичные» интересы рабочего класса, и такое понимание интересов буржуазии, которое исходит из необходимости известных уступок рабочему классу.

Классовое сознание, таким образом, опосредуется в массовых идейно-политических ориентациях, воплощающих его различные уровни и тенденции. Наиболее адекватно и последовательно его выражают те идейно-политические общности, которые ориентируются именно на

данный класс, на его ближайшие и перспективные интересы. Но это не значит, что классовое сознание и классовая солидарность вообще не существуют помимо политической общности. Они реально проявляются в массовых движениях и иных акциях, в которых на основе общего осознания интересов и целей класса в данной конкретной ситуации или по отношению к какой-то конкретной проблеме объединяются представители разных политических общностей.

Возникая на почве потребностей и интересов классов, политические общности вместе с тем играют решающую роль в развитии классового сознания. Оно представляет собой конкретно-исторический феномен: наряду с устойчивыми представлениями и принципами, выражающими наиболее общие черты положения и интересы класса в рамках определенной формации, оно отражает конкретные особенности этого положения в данный исторический момент, соответствующие ему потребности и интересы. Цели, ценности, способы действия, отвечающие конкретно-историческим условиям бытия класса, может определить только политическое сознание. Оно становится достоянием класса в результате деятельности политических партий по внесению этого сознания в массы.

Если политические партии недостаточно успешно осуществляют такую деятельность, то актуальные потребности и интересы класса выражаются в виде стихийных социально-психологических тенденций. Однако познание, осуществляемое на основе стихийного освоения массами собственного опыта, не в состоянии раскрыть глубинные связи общественных явлений и процессов, поэтому и сознание в этом случае имеет противоречивый, «разорванный» характер. Как отмечал В. И. Ленин, «о самостоятельной, самими рабочими массами... вырабатываемой идеологии не может быть и речи»³⁴. Развитие классового сознания предполагает познание действительности, социальных связей и отношений класса с помощью научной идеологии.

Представители современного антимарксизма приписывают В. И. Ленину отношение к массам как к пассивному объекту идеологического воздействия. В действительности одним из важнейших условий развития классового сознания пролетариата В. И. Ленин считал интеллектуальный и культурный рост самой массы рабочих, позволяющий им «овладевать знанием своего

века и двигать вперед это знание». «А чтобы рабочим *чаще удавалось это*, — подчеркивал В. И. Ленин, — для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки *«литературы для рабочих»*, а учились бы овладевать все больше и больше *общей литературой»*³⁵.

Соотношение между идеологией и массовым сознанием класса носит, таким образом, конкретно-исторический характер. Чем выше уровень образованности, интеллектуального развития масс, тем выше и уровень самостоятельности их общественно-политического мышления. Рост этого уровня повышает способность масс к активному творческому восприятию идеологических знаний. При исследовании развития массового сознания классов необходимо учитывать, следовательно, исторически обусловленные интеллектуальные потребности и возможности масс как субъекта познания. Психология классов представляет собой динамичное, развивающееся явление. Она развивается под влиянием изменений, происходящих в обществе, нового общественного опыта классов, развития их идеологии.

Чтобы понять тенденции этого развития, необходимо всесторонне исследовать собственное содержание классовой психологии, закономерности и механизмы ее формирования. Это содержание неверно было бы сводить только к эмоциональным и волевым явлениям и к представлениям, выработанным идеологией. Классовая психология, бесспорно, проявляется в социальных эмоциях и волевых установках, и ее формирование немыслимо без усвоения идеологии. Однако важную роль играет здесь и интеллектуальная, познавательная деятельность масс. «Над различными формами собственности, — писал К. Маркс, — над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений»³⁶.

Выработка классом своих представлений о действительности, своего отношения к ней составляет главный предмет исследования классовой психологии.

ПСИХОЛОГИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

1. Рабочий класс в социальной структуре и общественно-политической жизни капиталистических стран

Рабочий класс составляет большинство населения развитых капиталистических стран. Научно-техническая революция и ее последствия ведут к расширению его социально-профессиональных границ, к вовлечению в его ряды наемных работников ряда новых профессий и квалификаций, широких масс служащих.

Вопрос о динамике и составе современного рабочего класса вызывает острую полемику между учеными-марксистами и их противниками. Различные аспекты данной проблемы исследованы в многочисленных марксистских работах¹. Итоги этих исследований позволяют согласиться с выводом авторов коллективного труда по политической экономии современного капитализма: «...граница, разделяющая лиц наемного труда на пролетарские и средние слои, проходит между громадным большинством наемных работников и социально-профессиональными группами специалистов, выполняющих наиболее квалифицированные виды умственного труда. Определенная часть этих специалистов, больше других затронутая процессом пролетаризации, находится в полупролетарском состоянии»². Об удельном весе рабочего класса в капиталистическом обществе дают представление расчеты специалистов Института международного рабочего движения, по оценкам которых он составлял в середине 70-х годов от 61—66% (Япония, Италия) до 77—80% (США, Великобритания) самодеятельного населения капиталистических стран³.

Отличительная особенность развития рабочего класса капиталистических стран в современных условиях состоит в усложнении его внутренней структуры, в возрастающем многообразии производственных функций раз-

личных его групп. Если в XIX в. и в первых десятилетиях XX в. его основную массу составляли промышленные и сельские пролетарии, а его внутреннее членение определялось различиями между работниками неквалифицированного, малоквалифицированного и квалифицированного физического труда, то для современных условий характерна значительно более глубокая отраслевая, профессиональная и квалификационная дифференциация пролетариата. В его состав входят теперь, в частности, промышленные рабочие, фактически выполняющие квалифицированный умственный труд и обладающие необходимыми для этого научно-теоретическими знаниями, и широкие массы работников малоквалифицированного нефизического труда (прежде всего рядовые конторские служащие).

Процесс растущего сближения наиболее многочисленных групп пролетариата (рабочих и рядовых служащих) по ряду признаков их объективного положения (организация и характер труда, образование, размеры доходов) сопровождается сохранением унаследованных от прошлого и нередко культивируемых капиталистическим менеджментом различий в социальном статусе на производстве. Эти различия еще более усугубляются внутренней дифференциацией самого капиталистического производства: крупные монополистические фирмы, особенно представляющие новые отрасли, связанные с ведущими направлениями технического прогресса, строят свою социальную тактику, «политику персонала», т. е. по сути всю систему эксплуатации, во многом по-иному по сравнению со средним и мелким бизнесом, предприятиями старых отраслей.

Объективные факторы, определяющие развитие психологии рабочего класса, приобрели гораздо более многообразный, чем в прошлом, характер. С действующими в условиях каждой капиталистической страны современными детерминантами сознания переплетаются исторически сложившиеся межнациональные (а также межрегиональные, межотраслевые) традиционные идеологические и культурные различия. Все это значительно усложнило психологический облик рабочего класса развитых капиталистических стран.

В современном капиталистическом обществе нет ни одной социальной общности, которая привлекала бы столь пристальное внимание научной и политической мысли, как рабочий класс. В последние десятилетия в

капиталистических странах опубликовано множество эмпирических исследований, выдвинуты десятки теоретических концепций, так или иначе затрагивающих проблемы эволюции рабочего класса; эти проблемы занимают центральное место в литературе о путях развития буржуазного общества.

Интерес буржуазных ученых и идеологов к рабочему классу, разумеется, не случаен. Он отражает возросшую роль этого класса в общественно-политической жизни капиталистических стран, в борьбе за социальный прогресс. В буржуазных апологетических концепциях отрицается правомерность представления о современном рабочем классе как революционной, передовой силе общественного развития, они направлены на «опровержение» марксистско-ленинского учения о всемирно-исторической освободительной миссии пролетариата. Эти концепции являются одним из важнейших теоретических источников современного антикоммунизма.

Данной тенденции буржуазной общественной мысли в ряде капиталистических стран все более заметно противостоят исследования, авторы которых стремятся анализировать развитие рабочего класса с объективных, научных позиций. Среди них и исследователи-марксисты, и прогрессивно настроенные ученые, нередко связанные с левосоциалистическими и профсоюзными кругами. Далеко не все исследования этих ученых дают достаточно обоснованное и полное отражение процессов, происходящих в рабочем классе, однако в них содержится ценный материал для анализа этих процессов.

Аргументация и ведущие тезисы буржуазно-апологетических концепций менялись в зависимости от конкретных условий развития послевоенного капитализма. В обстановке экономического «бума» 50—60-х годов на первый план выдвинулись теории «депролетаризации» и «обуржуазивания» рабочего класса, превращения основной его массы в часть так называемого единого среднего класса, его «интеграции» в буржуазное общество. Подъем массового рабочего движения в конце 60-х — начале 70-х годов развеял миф об «обуржуазивании», а все более или менее объективные эмпирические исследования сознания и общественного поведения рабочих неизменно доказывали устойчивость классовых пролетарских установок.

В 70—80-х годах наиболее типичной для антимарксистских концепций становится идея исторической «обре-

ченности» рабочего класса, якобы predeterminedной научно-техническим прогрессом. Так, теоретики «постиндустриального» общества утверждали, будто этот прогресс ведет к превращению рабочего класса в постоянно уменьшающуюся социальную группу, все более отесняемую на обочину производственной и общественной жизни. В условиях экономических кризисов середины 70—80-х годов, сокращения занятости в ряде «традиционных» отраслей промышленности, усилившейся автоматизации, компьютеризации и роботизации производства эта точка зрения стала разрабатываться с особой интенсивностью. Рабочий класс, утверждают буржуазные социологи и политологи, окончательно утрачивает под влиянием технических и экономических изменений черты единой социальной общности. Он якобы распадается на множество гетерогенных групп, что облегчает его социальную и психологическую интеграцию с непролетарскими слоями, лишает его роли самостоятельного субъекта исторического действия⁴.

Попытки «похоронить» рабочий класс и тем самым идеологически разоружить рабочее движение опираются на всемерное раздувание определенных реальных социальных и социально-психологических процессов, связанных с последствиями структурной перестройки экономики капитализма в условиях кризиса. Такого рода процессы рассматриваются буржуазными учеными вне связи с порождающими их, нередко конъюнктурными, преходящими обстоятельствами, и при этом игнорируются как долговременные тенденции общественного развития, так и общая расстановка общественно-политических сил в капиталистическом обществе, место в нем рабочего класса. Именно таким способом конструируется, например, тезис о предстоящем «исчезновении» рабочего класса в результате развития научно-технической революции.

В действительности современная фаза технического прогресса вызывает значительные структурные (отраслевые и профессиональные) изменения в рабочем классе, рост массовой безработицы, ставит весьма острые проблемы перед рабочим движением⁵. Подобные явления неоднократно возникали и на предшествующих стадиях развития капитализма, однако они никогда не вели к сокращению численности и удельного веса пролетариата в самодеятельном населении. Напротив, его рост продолжался при всех изменениях его профессиональной

и отраслевой структур. Процесс пролетаризации продолжается и в условиях современных структурных сдвигов, хотя конкретные формы этого процесса, его социальные и социально-психологические последствия во многом иные, чем в предшествующие периоды. Независимо от таких последствий рабочий класс составляет и будет составлять основную массу трудящегося населения развитых капиталистических стран.

Провозвестники «исчезновения» рабочего класса «забывают» о том, что последствия технических изменений в огромной мере зависят от самого рабочего класса, от его борьбы против политики монополий, за использование технического прогресса в интересах трудящихся. В современных условиях, как справедливо отмечает Н. В. Загладин, сложились социально-экономические предпосылки альтернативных путей развития рабочего движения: монополистическая буржуазия толкает его на путь снижения уровня классовой борьбы; есть и другой путь, означающий «подъем рабочего движения в целом на качественно новый уровень как с точки зрения характера выдвигаемых им требований, так и форм его организации, средств борьбы»⁶. Реализация такого пути окажет мощное положительное воздействие на будущее рабочего класса как социальной общности.

Столь же тенденциозен выдвигаемый буржуазной наукой тезис о будто бы необратимом распаде классовой общности пролетариата, его неспособности выступать с единых классовых позиций на общественно-политической арене. Он основан на абсолютизации трудностей, переживаемых в современных условиях рабочим классом капиталистических стран, и порожденных ими негативных социально-психологических явлений. Подобные трудности, как подробнее будет показано ниже, связаны с особым характером современного периода развития рабочего класса, с резкими изменениями, происшедшими в экономике капитализма, в технической базе производства, обостряющими кризис капиталистического строя. Как отмечается в коллективном труде советских авторов по истории рабочего движения, «освоение» таких изменений рабочим классом, «выработка соответствующих им форм и направлений деятельности... является сложным, трудным процессом, включающим и развитие идеологии, стратегии и тактики революционного рабочего движения, и развитие общественного сознания, психологии рабочей массы, накопление движением в целом нового опыта

борьбы, на основе которого осознаются новые пути и возможности его деятельности»⁷.

Объективный анализ этого процесса буржуазные социологи подменяют раздуванием порождаемых им издержек, выдавая их за главное содержание эволюции сознания и общественного поведения рабочего класса. В действительности, каковы бы ни были особенности нынешней переходной фазы его развития, они не меняют главных, исторически сложившихся черт этого класса, характеризующих его социальный и социально-психологический облик и определяющих его место и роль в общественно-политической жизни капиталистического общества.

Каковы же эти черты?

Во-первых, из всех отстраненных от экономической и политической власти социальных групп капиталистического общества рабочий класс является наиболее развитой, наиболее организованной и объединенной классовой общностью. Только в семи крупнейших капиталистических странах организации рабочего класса — профессиональные союзы — объединяют, по данным на 1982 г., 73 млн. человек, или около $\frac{1}{3}$ (32%) всех наемных работников, а в некоторых странах (Великобритания, Италия) — большинство данной категории населения⁸. Конечно, эти цифры свидетельствуют о неполноте охвата рабочего класса его массовыми организациями, о громадных, еще не использованных резервах роста его организованности. Но они говорят и о том, что по этому показателю уровня классовой общности ни одна другая массовая социальная группа капиталистического общества не может сравниться с рабочим классом. Кроме того, в подавляющем большинстве капиталистических стран действуют крупные политические организации — партии, опирающиеся на рабочий класс и в той или иной мере выражающие его интересы.

Во-вторых, классовая общность, солидарность рабочего класса выражаются в массовом рабочем движении, основу которого образует борьба самих масс, направляемая классовыми политическими и профессиональными организациями. Из всех классов и слоев капиталистического общества только рабочий класс оказался способным создать массовое движение, выступающее как постоянно действующая, устойчивая система защиты классовых интересов.

Как известно, рабочее движение капиталистических стран не является единым: в нем существуют революционное и реформистское течения, расходящиеся в понимании интересов рабочего класса и способов их защиты. Однако, даже будучи расколотым в идеологическом и политическом отношении, рабочее движение представляет собой мощную общественно-политическую силу, в авангарде которой — его революционное течение. Оно является не только национальной, но и международной силой, опирается на союз со всеми революционными отрядами современности: с мировой системой социализма, с национально-освободительным движением. Рабочий класс, как было подчеркнуто на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., *«является главной движущей и мобилизующей силой революционной борьбы, всего демократического, антиимпериалистического движения»*⁹.

Массовый характер рабочего движения наиболее ярко выражается в такой специфически пролетарской форме коллективного действия, как забастовочная борьба рабочего класса¹⁰. Несмотря на колебания в динамике забастовочного движения в отдельных капиталистических странах и в отдельные периоды, в нем ежегодно участвуют десятки миллионов трудящихся. В забастовках, как и в других массовых действиях рабочего класса, проявляется коренная, главная особенность его психологии — пролетарский коллективизм, способность к самопожертвованию во имя общих интересов трудящихся.

В-третьих, рабочий класс вооружен собственной идеологией, научно обосновывающей его интересы и цели, определяющей стратегию и тактику его борьбы. Соединение этой идеологии — революционного марксистско-ленинского учения — с массовым рабочим движением осуществляют коммунистические партии капиталистических стран. В ряде стран Западной Европы и в Японии коммунистические партии являются сегодня массовой политической силой. Только в Западной Европе они объединяли в 1980—1981 гг. примерно 3 млн. коммунистов¹¹. За 70-е годы в ряды компартий развитых капиталистических стран влилось около 800 тыс. новых борцов¹².

В силу конкретных исторических условий развития рабочего движения в отдельных капиталистических странах существуют значительные межстрановые различия в

уровне массового влияния коммунистических партий. В одних странах за компартиями идет значительная часть рабочего класса; они широко представлены в парламентах и местных органах власти, в руководстве крупнейших профсоюзных объединений. В других странах их влияние выражается главным образом в ведущей роли коммунистов в массовых выступлениях трудящихся, в низовых профсоюзных и других организациях. Независимо от этих различий коммунистические партии повсюду объединяют сознательный авангард рабочего класса; их многосторонняя теоретическая и практическая деятельность, их работа в массах являются решающим условием роста классового сознания трудящихся, преодоления влияния буржуазной идеологии, изживания реформистских иллюзий. «К рубежу 80-х годов, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — международный рабочий класс и его политический авангард — коммунистические и рабочие партии — подошли уверенной поступью. Подошли как активные борцы за права трудящихся, за мир и безопасность народов.

Коммунистическое движение продолжало расширять свои ряды, укреплять свое влияние в массах... Это ли не свидетельство неодолимой притягательной силы коммунистических идей!»¹³

Борьба рабочего класса оказывает огромное влияние на экономические и политические процессы, происходящие в капиталистическом обществе. Она ограничивает всевластие и произвол монополистического капитала, вынуждает его строить свою техническую, экономическую, внутри- и внешнеполитическую стратегию с учетом требований, выдвигаемых рабочим движением, насущных потребностей рабочего класса. Без борьбы пролетариата за свои права господствующий класс никогда не пошел бы на те социальные реформы, которые были проведены в капиталистических странах в послевоенные десятилетия и которые оказали существенное влияние на положение трудящихся, на социально-экономическую структуру государственно-монополистического капитализма в целом. Без этой борьбы получило бы гораздо более широкое развитие присущее монополистическому капитализму стремление к всемерному ограничению и ликвидации демократических прав и свобод.

Современные исследователи отмечают, что борьба рабочего класса явилась фактором, вынудившим «бур-

жуазию делать ставку прежде всего на увеличение относительной прибавочной стоимости, на рост общественной производительности труда, что предполагает ускоренный технический прогресс, внедрение в производство новейших научных достижений». Она в течение ряда лет вела к расширению внутреннего рынка, «воздействовала тем самым на темпы и характер всего экономического развития»¹⁴.

Чтобы раскрыть влияние рабочего класса на политическую жизнь капиталистических стран, понадобилось бы излагать всю новейшую историю капитализма. Ограничимся лишь напоминанием о некоторых фактах и событиях послевоенных десятилетий.

В первые годы после окончания второй мировой войны рабочее движение добилось значительной демократизации политической жизни в ряде капиталистических стран. Там, где действовали наиболее сильные коммунистические партии (Франция, Италия), «монополистический капитал смог спасти свою власть лишь ценой ожесточенного сопротивления и серьезных уступок трудящимся»¹⁵. Под воздействием борьбы рабочего класса в некоторых капиталистических странах были приняты новые, более демократические конституции, расширившие права трудящихся. Рабочее движение многих стран Западной Европы добилось национализации ряда отраслей экономики и других прогрессивных социально-экономических реформ.

В последовавшие за тем годы контрнаступления империалистической реакции и проводившейся ею «холодной войны» против социалистических стран рабочий класс был единственной крупной общественной силой капиталистического общества, противостоявшей планам подготовки и развязывания новой мировой войны. Он сыграл решающую роль в подъеме массового движения за мир, против гонки вооружений, за предотвращение мировой термоядерной бойни.

Нарастание экономической и политической борьбы рабочего класса начиная с конца 50-х и в течение 60—70-х годов привело к серьезным сдвигам в соотношении политических сил во многих капиталистических странах, к ряду поражений наиболее реакционных и агрессивных фракций империалистической буржуазии. Так, боевые антифашистские выступления итальянского пролетариата в 1960 г. преградили дорогу фашизму, сорвали планы правящих кругов установить репрессивно-

полицейский режим в стране. Борьба французского пролетариата в начале 60-х годов сыграла решающую роль в политической изоляции ультраправых сил и в прекращении колониальной войны в Алжире.

В конце 60-х — начале 70-х годов мощные массовые выступления рабочего класса против политики государственно-монополистического капитализма привели к острым социально-политическим кризисам в ряде капиталистических стран (во Франции — в 1968 г., в Италии — в 1969 г., в Англии — в 1973—1974 гг.). В Англии массовая борьба шахтеров, поддержанная другими отрядами рабочего класса, вызвала падение консервативного правительства. В ФРГ массовые выступления рабочих ряда отраслей в конце 60-х годов оказали значительное влияние на изменение политической обстановки, в результате чего была отстранена от власти крупнейшая буржуазная партия ХДС/ХСС. В начале 70-х годов борьба западногерманского рабочего класса сыграла важную роль в принятии правительством страны нового внешнеполитического курса на нормализацию отношений с социалистическими странами.

Рабочий класс был одной из главных движущих сил революции в Португалии. Он внес решающий вклад в процесс демократизации политической жизни в Испании и Греции, где в 70-х годах также были ликвидированы фашистские режимы. Во Франции, Италии, ряде других капиталистических стран активизация антимонаполистического движения, возглавляемого рабочим классом, привела в 70-е годы к росту влияния левых политических сил. В США значительная часть организованного рабочего класса приняла вопреки сопротивлению реакционного профсоюзного руководства участие в движении против агрессивной войны во Вьетнаме.

Начавшееся с середины 70-х годов развитие кризисных явлений в капиталистической экономике, обострение международной обстановки, вызванное политикой империализма, усиление антирабочих правоконсервативных тенденций во внутривнутриполитической жизни ряда капиталистических стран значительно усложнили условия борьбы рабочего класса. Тем не менее и в этот период он продолжает оказывать серьезное влияние на политическую обстановку в капиталистическом мире. Политические позиции французского рабочего класса сыграли решающую роль в победе левых сил на президентских и парламентских выборах 1981 г. Значительное смещение

ние оси политической жизни влево произошло в начале 80-х годов в Греции, Испании, некоторых других капиталистических странах. В ряде государств рабочий класс и его организации принимают все более активное участие в ширящемся массовом движении за мир, против политики гонки термоядерных вооружений и обострения международной напряженности, проводимой американским империализмом и НАТО.

Таким образом, вопреки утверждениям буржуазных идеологов о «распаде» рабочего класса, об утрате им самостоятельной роли в общественном развитии он продолжает выступать как ведущая сила социального прогресса, как наиболее мощный и последовательный противник монополистической буржуазии во всех сферах общественно-политической жизни.

Оценивая роль рабочего класса капиталистических стран как субъекта исторического действия, нельзя вместе с тем не видеть, насколько труден процесс реализации им своих революционных потенций, осознания большинством трудящихся своих коренных классовых интересов, возможности и необходимости социалистического переустройства общества. Еще в начале 20-х годов нашего века В. И. Ленин, говоря о перспективах развития социалистической революции в странах капиталистического Запада, отмечал присущее им глубокое противоречие между зрелостью материальных предпосылок социализма и трудностью подведения масс к непосредственной революционной борьбе за социализм: «...в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию»¹⁶.

За истекшие десятилетия положение во многом изменилось в пользу революционных сил, однако отмеченное В. И. Лениным противоречие продолжает действовать в современных условиях. Причина заключается в тех экономических, социальных, идеологических ресурсах, которыми располагает господствующий класс развитых капиталистических стран, накопленном им опыте социального лавирования, подавления, обмана и раскола масс, подкупа той или иной части трудящихся. Располагая громадным разветвленным аппаратом идейно-пропагандистского воздействия на массовое сознание, монополистическая олигархия умело использует в своих интересах присущие этому сознанию противоречия, определенные тенденции в психологии трудящихся

масс. Поэтому анализ всей совокупности таких тенденций, умение, по словам В. И. Ленина, «понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. ...массы»¹⁷ имеют первостепенное значение в деятельности революционного авангарда рабочего класса капиталистических стран.

Коммунисты капиталистических стран уделяют возрастающее внимание изучению противоречивых процессов, происходящих в сознании рабочего класса. «Среди рабочих, — пишет Председатель Германской компартии Г. Мис, — наблюдаются признаки как растущей боевой готовности, так и отчаяния. Заметна тенденция к усилению антикапиталистической критики, но видны и негативные результаты массовой пропаганды, имеющей целью направить растущее недовольство на неверный путь с помощью раздувания антисоветизма и антикоммунизма, национализма и вражды к иностранцам»¹⁸. Активисты коммунистических партий отчетливо сознают, что борьба с буржуазной идеологией, с антикоммунизмом предполагает не только критику их теоретических построений, но и всесторонний анализ и учет психологии масс. На заседании Комиссии журнала «Проблемы мира и социализма» по проблемам науки, культуры и социологических исследований отмечалось, что «главная... особенность современного антикоммунизма заключается в том, что он переносит основное поле своей борьбы с коммунизмом, реальным социализмом из сферы теоретического в сферу *обыденного сознания*»¹⁹.

Сказанное определяет особую актуальность марксистского исследования современных тенденций пролетарского сознания, противоречий, характеризующих его развитие. Учеными-марксистами уже проделана определенная работа в данной области. Однако опубликованные в 60—70-х годах марксистские исследования сознания рабочего класса были посвящены в основном его отдельным крупным профессиональным группам, рассматриваемым в национальных рамках (например, французскому, американскому, западногерманскому промышленному пролетариату, английским служащим)²⁰. Задача данной главы — исследовать преимущественно общие тенденции общественной психологии современного рабочего класса в развитых капиталистических странах. Такое исследование, разумеется, также требует

учета национальных и социально-профессиональных особенностей этой психологии, но лишь в той мере, в какой это необходимо для решения поставленной задачи.

2. Пролетарий в «обществе потребления»

В XIX и первой половине XX в. наиболее явными, прочно запечатлевшимися в общественном сознании признаками рабочего класса были физический труд и материальная бедность. При всем различии национальных ситуаций (особенно между США и большинством стран Западной Европы), при всей внутренней многослойности пролетариата (от высокооплачиваемой «рабочей аристократии» до полунизших неквалифицированных промышленных и сельских рабочих) низкий жизненный и образовательный уровень прочно ассоциировался с понятием «рабочий класс». Закономерные процессы возвышения потребностей пролетариата, роста жизненного уровня ряда его групп не изменяли в принципе ситуацию. Уже в 20—40-х годах XX в. «великий» экономический кризис, а в ряде капиталистических стран лишения, вызванные войной и послевоенной разрухой, вновь и вновь воспроизводили крайнюю бедность, абсолютное обнищание широких пролетарских масс. Удовлетворение элементарных потребностей физического существования, естественно, занимало в этих условиях доминирующее положение в мотивах и стремлениях большинства рабочих.

Существенные изменения в социально-экономическом положении рабочего класса, нараставшие в течение послевоенных десятилетий, создали во многом новые условия формирования его сознания. Не останавливаясь подробно на характеристике этих изменений, обстоятельно исследованных в специальной литературе²¹, напомним, что в 50-х — середине 70-х годов в промышленно развитых капиталистических странах происходил рост средней реальной заработной платы, значительно изменились структура и объем личного потребления рабочих. В их быт вошли новые материальные блага: многим стало доступно жилье с удобствами, современные средства информации (радио, телевизор) и индивидуального транспорта.

В ряде стран рабочий класс в этот период добился у правящих кругов серьезных уступок в области социального обеспечения и общедоступного медицинского

обслуживания. Сокращение рабочего времени, введение оплачиваемых отпусков привело к распространению в рабочей среде новых форм досуга. В связи с развитием систем всеобщего среднего образования стал расти образовательный уровень рабочих. Однако эти процессы развивались неравномерно: многие группы рабочего класса продолжали испытывать жестокие материальные лишения либо даже снижение жизненного уровня. Тем не менее в результате научно-технической революции, усилившегося влияния успехов социализма процесс возвышения потребностей рабочего класса значительно ускорился, причем вначале и наиболее явным образом это выразилось в сфере материального потребления.

В эволюции потребностей пролетариата немалую роль сыграли и изменения в его структуре. Пролетаризация массовых слоев служащих, их сближение с рабочими по уровню и образу жизни; развитие личных контактов между ними²² привели к тому, что потребности и ожидания многих пролетарских групп стали формироваться на гораздо более широкой, чем раньше, социальной основе. Эта ситуация существенно отличается от тех исторических условий, при которых потребительский стандарт и культурные нормы рабочего складывались в рамках замкнутой и однородной социальной среды. В частности, работники нефизического труда — «белые воротнички» привнесли в пролетарскую среду традиционное для них пристрастие к внешним, материальным признакам социального статуса (одежда, оборудование квартиры и т. д.).

• При анализе социально-психологических последствий этой эволюции важно учитывать то, что возрастающая в ряде важных аспектов общность социального положения пролетарских и полупролетарских слоев сочетается с сохранением многих внутриклассовых различий, в том числе по уровню дохода. Нормативный, воспринимаемый как «необходимый» потребительский стандарт сплошь и рядом оказывается труднодоступным рядовому рабочему и служащему. Это увеличивает психологическую напряженность, связанную с удовлетворением соответствующих потребностей, повышает их значимость, удельный вес в мотивации личности.

Объективные изменения в материальном потреблении и потребностях рабочего класса послужили основанием для концепций, провозглашавших наступивший якобы коренной перелом в сознании рабочего класса,

его «обуржуазивание»²³. Подобные концепции буржуазных социологов в определенной степени отражают реальную тенденцию в развитии сознания современного рабочего класса. В той мере, в какой более или менее широкие его слои освобождаются от крайней материальной бедности и приобретают возможность расширить свое личное потребление в значительно больших, чем прежде, масштабах, элементарные потребности физического существования уже не могут, очевидно, играть доминирующей роли в их мотивации. Отсюда возникает вопрос: как эта новая ситуация сказывается на системе потребностей пролетариев, на их сознании в целом?

Массовые опросы, как правило, не дают ясного ответа на этот вопрос. Они свидетельствуют о том, что материальные заботы, стремление к обеспечению стабильного или более высокого жизненного уровня продолжали оставаться типичными чертами психологии рабочих и мелких служащих развитых капиталистических стран на протяжении всех последних десятилетий; деньги, заработок воспринимаются многими из них как главная жизненная ценность. («Деньги, — по словам молодого французского рабочего, — определяют различие между счастливыми и менее счастливыми»²⁴.)

Однако за подобными суждениями скрывается значительное разнообразие объективных ситуаций, типов психологии и поведения. Во многих случаях они отражают все ту же бедность, но уже в ее современных параметрах, определяемых недоступностью исторически обусловленного, общественно необходимого масштаба материального потребления. Даже в США — стране с наиболее высоким в капиталистическом мире уровнем заработной платы — почти половина рабочих семей, по данным некоторых исследований, еще до наступления кризиса середины 70-х годов испытывала жестокую нужду²⁵.

Деньги, заработок являются для трудящихся гарантией относительной стабильности их положения в ближайшем и отдаленном будущем. («Я беспокоюсь о количестве денег. Это действительно так, но ведь я должен думать о старости»²⁶, — говорил рабочий крупного предприятия на юге Англии.) Достигнутый уровень дохода не только низкооплачиваемых, но и более состоятельных слоев общества находится под постоянной угрозой обеспечения из-за роста инфляции. Наконец, утверждая, что «деньги — высшая ценность», человек может

просто механически повторять одну из наиболее расхожих и «общепринятых» в капиталистическом обществе истин, которая совсем необязательно соответствует его реальным мотивам и поведению.

Грань между стремлением избежать бедности и лишений, обеспечить всем необходимым семью и превращением материального потребления в смысл жизни, вообще говоря, подвижна и относительна (так же как относительны сами понятия «бедность», «жизненный минимум», «необходимые потребности»²⁷). Тем не менее развитие «потребительства» в качестве особой личной жизненной ориентации можно считать реальной и достаточно типичной психологической тенденцией для определенной части рабочего класса капиталистических стран.

Подобная ориентация описывается, например, в основном на интервью с американскими рабочими исследовании леворадикальных социологов Р. Сеннета и Дж. Кобба. Многие из этих рабочих копят деньги на покупку предметов длительного пользования: относительно дорогой автомашины, сборного летнего домика, моторной лодки и т. д. Как показывают Сеннет и Кобб, удовольствие, доставляемое использованием таких вещей, не является ни единственной, ни основной причиной их привлекательности: ведь ради них рабочие жертвуют другими, также вполне реальными потребностями. По словам одного из них, он чувствует себя виноватым, если позволит себе более двух банок пива («Я не хочу тратить на себя»), он хотел бы покупать красивые платья для своей жены, но они оба подавляют подобные желания, отказывают себе во многом, чтобы купить дорогую машину вместо дешевой²⁸. Сверхурочная работа, которую рабочий выполняет, чтобы достичь своей цели, разрушает его здоровье и нередко семейную жизнь.

Социально-психологический смысл потребительской ориентации части пролетариата может быть правильно понят лишь в связи с особенностями его социального положения в условиях современного капитализма. Изменения в уровне и образе жизни рабочего класса, рост образования²⁹ не «отменяют» действие законов капиталистической эксплуатации. Экономя на стоимости рабочей силы, капиталисты стремятся максимально ограничить сферу применения квалифицированного, относительно высокооплачиваемого труда. Они проводят такую

техническую политику, в результате которой даже на базе передовой автоматизированной техники постоянно воспроизводится малоквалифицированный, бессодержательный, монотонный труд³⁰. Разделение функций между крупными монополистическими предприятиями и выполняющими их подряды мелкими фирмами, между «новыми» и «традиционными» отраслями производства, наличие наряду с трудовым законодательством «черного» труда (вплоть до использования в некоторых странах труда детей), не поддающегося какому-либо общественному контролю, — все это усугубляет дифференциацию условий жизни и труда рабочего класса.

Расширившиеся знания работников зачастую рассматриваются хозяевами лишь как своего рода «резерв», который можно будет использовать в случае, если появится необходимость обновления техники и технологии производства. Поэтому уровень образованности все большего числа работников оказывается в разительном несоответствии с их «частичными», «измельченными» трудовыми функциями³¹. Подобное использование рабочей силы ведет к систематическому подавлению творческих способностей трудящихся, к «омертвлению» их знаний.

Одна из особенностей эволюции социального положения рабочего класса в послевоенные десятилетия состоит в ослаблении четкой в прошлом специфики пролетарских форм потребления и образа жизни, образования, каналов общественно-политической и культурной информации³². Это свидетельствует о том, что резкие различия между классами в этих сферах стали как бы менее заметными, чем это было в прошлом, и не столь ясно отражаются в массовом сознании³³.

В рамках традиционных образа жизни и культуры рабочего класса формирование самосознания и потребностей рабочего определялось единством, взаимным соответствием условий его производственной и внепроизводственной деятельности. Межличностные связи и отношения рабочего ограничивались его профессиональной и социальной группой, кругом товарищей по работе. Критерии статуса личности складывались на основе ролевых норм, принятых в той же социальной среде; главным из них было профессиональное мастерство, базирующееся на личном и групповом непосредственном опыте. Тот же опыт являлся основным источником знаний о окружающем мире. Труд рабочего был крайне

тяжелым и плохо оплачиваемым, но во многих профессиях он мог совершенствовать свое мастерство в процессе труда, и это питало «профессиональное сознание», «рабочую гордость». Духовные потребности рабочего в той или иной мере удовлетворяла его собственная трудовая деятельность, тесно связанные с нею отношения в первичных группах.

В послевоенные десятилетия механизмы формирования потребностей и самоутверждения личности рабочего подвергались значительным изменениям. С одной стороны, с развитием механизации и автоматизации производства, с ослаблением значения личных трудовых навыков и мастерства самоутверждение в труде в ряде профессий стало для многих менее возможным, чем раньше. В трудовой деятельности возросла роль образования, формируемых на его основе знаний, но эти знания, как отмечалось, сплошь и рядом в ней не используются. С другой стороны, изменения в образе жизни, культуре (огромную роль здесь играют современные средства массовой информации), в социальных связях и коммуникациях создают новые критерии самооценки, социального статуса личности рабочего.

Ослабление былой культурной изоляции рабочего класса, освоение им форм потребления и образа жизни, тяготеющих к среднеобщественному стандарту, заставляют его острее ощущать социальное неополноправие, безынициативный и безрадостный труд³⁴. Этим объясняется стремление к личному возвышению, «росту», образующее психологическую основу ряда жизненных ориентаций, проявляющихся в рабочем классе. Реализация этого стремления требует принятия личностью некоего долгосрочного жизненного проекта. Этот тип поведения не был свойствен «традиционному» пролетариату, личные потребности и интересы которого были сосредоточены главным образом на «сегодняшнем дне». Содержание его жизни составляли борьба за кусок хлеба, умелый труд, общение с товарищами и доступные развлечения (что дало основание некоторым западным социологам объявить неспособность «жертвовать настоящим ради будущего» отличительной особенностью сознания рабочих³⁵). Одним из наиболее явных признаков отхода рабочих от подобного психологического типа стал в послевоенные десятилетия их возросший интерес к проблемам «продвижения», профессиональной карьеры. «Подняться наверх, чего-то добиться» (чертежник

29 лет, посещающий вечерние курсы прикладного искусства); «Успех означает для меня работу, которая дает мне личное удовлетворение... Успех — это не деньги... Я хочу быть хозяином самому себе» (молодой американский рабочий, который собирается уйти с завода и учиться, чтобы стать менеджером)³⁶. Подобные ориентации приобрели в 50—70-х годах широкое распространение в среде трудящейся молодежи.

Кристаллизации установки на «продвижение» способствовала общая социально-психологическая атмосфера, складывавшаяся под воздействием роста образования, лозунгов профессионального роста трудящихся, выдвинутых правящими кругами, политики фирм, связанных с передовыми отраслями производства и заинтересованных в быстрой подготовке персонала, способного обслуживать новую технику. Все это привело к распространению в пролетарской среде мнений типа «общество состоит из ступенек, по которым каждый человек, обладающий достаточными способностями и трудолюбием, может подняться». Опросы, проводившиеся в различных странах, неизменно выявляли более или менее значительную долю рабочих, разделявших подобные оптимистические оценки возможностей социального «продвижения»³⁷.

Эмпирические исследования по проблемам профессиональной карьеры показывают вместе с тем, что установки на карьеру распространены весьма неравномерно в различных группах рабочего класса. Более других склонны к принятию «карьерных» проектов служащие, а также рабочие тех предприятий и отраслей, на которых существуют курсы повышения квалификации и другие формы подготовки и переподготовки рабочих и служащих.

Возможности «карьеры» рядового рабочего или служащего в подавляющем большинстве случаев крайне ограничены. Для рабочих низкой квалификации переход в более высокую, но тоже рабочую квалификацию более доступен, чем для техников — в инженеры, квалифицированных рабочих — в техники, а для рядовых служащих — в административные кадры: для этого необходимы новые дипломы, жестокая конкуренция с теми, кто их уже имеет. По данным исследования французских социологов К. и М. Дюран, в начале 70-х годов оптимистически оценивали возможности своей «карьеры» 51% опрошенных ими «специализированных» (полуквалифици-

цированных) рабочих, но только 39% квалифицированных, 37% техников³⁸. Для более квалифицированных трудящихся, таким образом, характерно ощущение достигнутого ими «потолка» своей карьеры³⁹.

Американские социологи на основе проведенного в начале 70-х годов обследования одиннадцати основных отраслей промышленности в США констатируют, что широкие возможности для продвижения имелись только у 37,2% американских рабочих, у 28,5% рабочих существовали весьма умеренные возможности для продвижения и у 34,3% рабочих эти перспективы практически отсутствовали⁴⁰. Другое обследование, проведенное в США в 1973 г., показало, что 51,5% рабочих отрицают наличие у них «хороших возможностей для продвижения». В 1977 г. уже 58% опрошенных наемных работников считали, что у них нет или мало шансов на «продвижение»⁴¹. Аналогичные данные были получены и в ходе исследований, проводившихся в 70—80-х годах среди западногерманских, английских, канадских, австралийских, бельгийских рабочих⁴².

Узость жизненных возможностей рабочего или мелкого служащего, закрепляемая всей системой социально-классовых отношений капитализма, делает редким, маловероятным продолжительный профессиональный рост, чаще всего ограничивая его несколькими годами трудовой жизни⁴³. Так, во Франции лишь 23% юношей из рабочих семей, начавших трудовую жизнь в качестве рабочих, становятся затем техниками, мастерами, служащими и т. д., при этом не более 3% сыновей рабочих удается перейти в категорию работников квалифицированного умственного труда⁴⁴. Небольшие шансы на повышение профессионального статуса обуславливают неустойчивость, относительно быстрый распад этой ориентации у тех трудящихся, у которых она возникает на том или ином этапе их учебы или производственной деятельности. Тем не менее она свойственна определенной части рабочей молодежи.

Иной путь изменения социального статуса предполагает жизненный проект, ориентированный на приобретение «собственного дела». Такого рода ориентация, также получившая определенное распространение в пролетарской среде, выражает прежде всего стремление избавиться от зависимости, подчиненности чужой власти. Ее реализация обычно не связана с действительным улучшением экономического и социального положения

человека. Становясь собственником мелкого предприятия в сфере торговли или услуг, он получает примерно тот же, что и раньше, или даже меньший доход за более напряженный и продолжительный труд, остается, как правило, на низших ступенях социальной лестницы, нередко разоряется и возвращается на завод или в контору. В условиях господства крупного капитала в производстве и оптовой торговле независимость мелкого предпринимателя весьма относительна, во многом иллюзорна. Минимальные размеры капитала, необходимого для открытия мелкого предприятия, постоянно возрастают, что увеличивает трудности осуществления подобного проекта. По этим причинам его роль в системе жизненных ориентаций современных пролетариев достаточно ограничена. Например, в ФРГ лишь 12—13% опрошенных в 1980 г. рабочих и рядовых служащих собирались обзавестись «собственным делом»⁴⁵.

Бесперспективность личной судьбы рабочего, рядового служащего порождает специфическую для пролетарской среды форму долгосрочного проекта — ориентацию на социальное возвышение детей. «Вся моя жизнь в том, — говорил американских рабочий, отец четырех сыновей, — чтобы заработать достаточно денег, чтобы мои ребята достигли того, чего не достиг я сам». По словам «специализированного» (малоквалифицированного) рабочего завода «Рено» под Парижем, он сделает все, чтобы его сын «никогда не пошел на завод... чтобы он был кем-то, не рабочим, не «специализированным», как я... Ради него я способен на все, даже продать мою машину»⁴⁶.

Данные о межгенерационной социальной мобильности за послевоенные десятилетия свидетельствуют о том, что развитие системы среднего и высшего образования, рост потребности в работниках умственного труда высокой квалификации в известной мере расширили возможности перехода выходцев из рабочего класса в другие социальные слои. Вместе с тем эти возможности остаются весьма ограниченными: в США примерно 1/4, а в Западной Европе менее 10% сыновей рабочих переходят в средние слои (специалисты, чиновники и т. д.).

Гораздо более распространенное явление — переход детей рабочих в мелкие служащие, что по сути дела не является «возвышением» и в рабочей среде часто не рассматривается как таковое. Дети мелких служащих переходят в более высокую социальную категорию чаще,

чем дети рабочих, и вместе с тем действует обратная тенденция — отток детей служащих в категорию рабочих⁴⁷.

Таким образом, подавляющее большинство выходцев из пролетарских семей остаются в рамках своего класса, отличаясь от родителей лишь уровнем квалификации, характером трудовых функций и внешними, постепенно теряющими свое значение признаками «беловоротничкового» статуса. Разветвленная система социального отбора, охватывающая среднюю и высшую школу (путем дифференциации образовательных учреждений на более и менее привилегированные), механизмы трудоустройства и профессиональной карьеры (в которых ведущую роль играют происхождение и социальные связи), резко снижает действие объективных факторов, способствующих росту вертикальной социальной мобильности.

Важно иметь в виду, что приведенные данные относятся в основном к периоду относительно быстрых темпов экономического роста, когда расширение производства в определенной мере стимулировало внутри- и межгенерационную вертикальную мобильность. В условиях кризиса, сокращения производства в ряде отраслей и роста массовой безработицы (середина 70-х — 80-е годы) трудности «продвижения» рядовых рабочих и служащих и их детей еще более возросли.

Ограниченные возможности индивидуального «продвижения», роста профессионального и социального статуса личности — одна из главных причин, порождающих потребительскую ориентацию и поведение определенной части эксплуатируемых капиталом трудящихся. На деле потребительский проект оказывается наиболее реальным — объективно и психологически — из всех доступных пролетарию проектов улучшения жизни, способных придать ей определенную осознанную цель.

Это не означает, что психология трудящегося в современном капиталистическом обществе обречена развиваться по пути «потребительства». Такой вывод означал бы упрощение реального процесса, раздувание одной из его тенденций. Тем не менее «потребительство» является типичной для современного капитализма формой морально-идеологического закабаления пролетариата.

Разумеется, грань между мотивацией, направленной на обеспечение необходимых в конкретно-исторических условиях материальных потребностей физического суще-

ствования, и мотивацией, направленной на приобретение вещей как символов успеха, статуса, благополучия, достаточно подвижна и относительна. Но эта грань существует: рабочий, потребности которого сводятся к удовлетворению материальных нужд, психологически отличается от рабочего или служащего, видящего в потреблении смысл жизни. В первом случае человек утверждает себя, пытаясь выбиться из нищеты, создать человеческую жизнь для себя и своих близких. Во втором случае ориентация на материальное потребление обусловлена не материальной бедностью: ее питает бедность жизненных возможностей, человека, узость тех границ, в которых он осуществляет «выбор» индивидуальных целей и реализует личностные потенции.

Такая ориентация представляет собой результат процесса «овеществления» в массовом сознании общественных отношений капитализма, который К. Маркс исследовал на примере товарного фетишизма. Стремясь к возвышению своего положения как индивида, пролетарий нередко склонен воплощать это стремление в значениях, привычно представляющих для него силы, которые господствуют над его жизнью. Таким значением являются потребительные стоимости, вещи⁴⁸ и их всеобщий эквивалент — деньги. Именно отсутствие этих вещей и потребность в них вынуждают пролетария на подневольный труд и наиболее остро выражают его зависимое, неравноправное положение. Овладение вещами создает иллюзию преодоления этого положения, «возвышения» их обладателя. Иными словами, на ту конкретную форму, которую принимает развитие потребностей пролетария, оказывает воздействие система ценностей, господствующих в буржуазном обществе, а эти ценности в той или иной мере представляют собой продукт фетишизации и символизации (в вещах и деньгах) господствующих общественных отношений.

3. Труд и сознание

Потребительская ориентация является одним из возможных, но не единственным психологическим последствием возвышения массовых потребностей. Наряду с такой ориентацией формируются и другие, в том числе противоположные по своей направленности, мотивационные системы. Возрастающая «многовариантность» пролетарской психологии выражается не только в рас-

ширении спектра жизненных ориентаций, но и в многообразии их внутреннего содержания, проявляющегося на более глубоких уровнях психической структуры личности.

Выявить это содержание можно лишь при правильной постановке вопроса о его детерминации. Буржуазные и «лево»радикальные теоретики, рассматривающие современного пролетария как «человека-потребителя», ставят этот вопрос крайне упрощенно: они исходят из представления о доминирующей роли сферы потребления в формировании его психологии⁴⁹. В действительности содержание труда, социальные отношения в трудовом процессе занимают центральное место среди условий деятельности, детерминирующих личностную мотивацию пролетария, и характер этой детерминации заслуживает специального анализа.

Конкретные исследования данной проблематики подтверждают реальность воздействия трудовой деятельности — прежде всего наличия или отсутствия в ней элементов творчества, возможностей применения способностей и знаний работника, его самоутверждения в труде — на систему личных потребностей, жизненных ориентаций. Уже говорилось о растущей бессодержательности и обезличенности труда как ведущей и наиболее массовидной тенденции производственной деятельности пролетариата в условиях современного капитализма. Эта тенденция развивает отношение к труду как к способу заработка. Однако на тех участках производства, где научно-техническая революция порождает связанные с новым типом квалификации творческие профессии (или где она еще не вытеснила имеющие те же качества «старые» профессии), роль труда в формировании потребностей иная.

Свидетельством этому может служить проведенное в 70-х годах в Шотландии английским социологом Г. Дэвисом сравнительное исследование сознания трех групп трудящихся: палачиков-ремонтников нефтеперерабатывающей промышленности (высокая квалификация нового типа), сталелитейщиков (высокая традиционная квалификация) и клерков страховой компании (монотонный, рутинный нефизический труд). При существенных различиях в содержании и условиях труда, профессиональной подготовке, общей социально-экономической ситуации и перспективах (благоприятных для рабочих первой группы, связанных с предстоящей модернизаци-

ей отрасли, угрозой безработицы и деквалификации для рабочих второй) для рабочих обеих групп характерны удовлетворенность и гордость своим трудом, отсутствие карьерных устремлений, невыраженность «потребительской» психологии (например, наладчики отрицательно относятся к сверхурочной работе, хотя она значительно повышает их заработок). Это не значит, что они не придают значения заработку и материальному благополучию, но не деньги и вещи, а прежде всего труд является основой их самоутверждения в обществе. Труд, а не внешние статусные символы обеспечивает возвышение личности: у наладчиков — благодаря расширению знаний, необходимых для освоения часто обновляющейся техники, у сталелитейщиков — в силу совершенствования мастерства в процессе накопления трудового опыта.

Что касается клерков, то характер труда и слабые шансы на достижение карьеры выводят их жизненные ориентации на статусные потребление и общение: в качестве символов достоинства личности для них выступают потребительский стандарт, квартира в «престижном» районе, «престижные» знакомства и спортивные занятия, привилегированные школы, в которые они отдают своих детей, марка машины и т. д.⁵⁰ Сходные различия в ориентациях выявило проведенное американским социологом Дж. Лоу-Биром исследование психологии работников итальянского предприятия по производству и обслуживанию телекоммуникационной аппаратуры. Для конторских служащих этого предприятия характерны индивидуалистические «карьерные» устремления, для квалифицированных рабочих и техников — отсутствие карьеризма, интерес к труду, расширение профессиональных знаний, коллективизм⁵¹.

Как показывают массовые опросы рабочих в капиталистических странах, восприятие труда лишь как средства заработка не тождественно примирению с бессодержательным, подавляющим личность трудом. Напротив, признание чисто служебных функций труда значительной частью рабочих и служащих тесно сопряжено с ростом у них неудовлетворенности трудом, относительно независимой от размеров получаемого материального вознаграждения. При этом в системе факторов, определяющих отношение к выполняемой работе, возрастает значение интеллектуального содержания труда по сравнению с его оплатой.

Эта эволюция прослеживается особенно отчетливо при сопоставлении восприятия труда различными поколениями рабочего класса. Так, проведенное в начале 70-х годов исследование жизненных установок нескольких сот американских рабочих в штатах Пенсильвания и Мичиган показало, что если среди рабочих старшего поколения 66% опрошенных выражали согласие с тезисом «все, чего человек должен желать от работы, — это безопасного, не слишком тяжелого труда с оплатой, достаточной для того, чтобы иметь хорошую машину и дом», то среди опрошенных молодых рабочих подобные установки были свойственны лишь 37%⁵².

Американские социологи А. Кэмпбелл, П. Конверс и У. Роджерс, исследуя на основании проведенного в тот же период общенационального опроса по поводу отношения американцев к труду, обнаружили, что для рабочих-операторов, конторских служащих и продавцов характерна в среднем относительная удовлетворенность оплатой труда и неудовлетворенность его содержанием (оцениваемым по тому, насколько он интересен и насколько способствует развитию личных способностей). По принятой авторами шкале, удовлетворенность этим аспектом трудовой деятельности измеряется у рабочих-операторов минус 33 пункта (самый низкий показатель из всех профессиональных категорий), у продавцов и конторских служащих — минус 12 пунктов по сравнению с плюс 35 пунктов у ИТР и плюс 40 пунктов у менеджеров (все цифры — средние по каждой категории). Работники по обслуживанию, выполняющие малоквалифицированный и низкооплачиваемый труд, неудовлетворены его оплатой и содержанием. Трудящаяся молодежь 18—24 лет особенно низко оценивает содержание труда (минус 38 пунктов). Из групп населения, различающихся по уровню образования, более всего неудовлетворены трудом люди, проучившиеся несколько лет в колледже, но не окончившие его⁵³.

Последующие исследования, проведенные в США, подтверждают общую тенденцию роста неудовлетворенности трудом. Так, по данным исследовательского центра Мичиганского университета, доля наемных работников, удовлетворенных своим трудом, уменьшилась в 1973—1977 гг. с 52 до 46,7%; считающих свой труд интересным — с 43 до 32%; доля тех, кто предпочел бы другую работу, увеличилась с 51,7 до 60%. Об источниках этой тенденции говорит увеличение за тот же период

с 25,1 до 35,6% доли тех, кто считает, что не может использовать на работе свою квалификацию, и с 27,7 до 32,2% — полагающих, что они «слишком образованны» для выполняемой ими работы⁵⁴. В 1977 г. 66% опрошенных — в большинстве люди, имеющие законченное среднее образование, — выразили желание сменить работу⁵⁵.

Очевидно, не только содержание труда, но и противоречие между характером трудовых функций и более высоким уровнем общей и профессиональной подготовки трудящихся, особенно младшего поколения, обуславливают рост неудовлетворенности трудовой деятельностью. По мнению американских экспертов по трудовым отношениям, новое поколение рабочих хочет «восьми часов осмысленной, квалифицированной, направляемой самим работником и дающей ему личное удовлетворение работы за соответствующий заработок»⁵⁶. Сходные процессы происходят и в других капиталистических странах. В конце 70-х годов неудовлетворенность трудом выражали 70—80% опрошенных рабочих в Японии, 60% — в ФРГ⁵⁷.

В странах буржуазного Запада, где отношение к труду складывалось на основе капиталистических отношений, морально-этическая ценность трудовой деятельности («труд-долг», «труд-добродетель») была связана в единый комплекс с «денежной» системой ценностей. Как известно, эта взаимосвязь была наиболее последовательно развита протестантской этикой, согласно которой работа ради денег выступает в качестве морального долга. Тот факт, что современное массовое сознание в капиталистических странах обнаруживает способность противопоставить подобному восприятию труда отношение к нему как сфере выявления и развития личности (даже учитывая, что это противопоставление стимулируется методикой опросов), свидетельствует о распаде буржуазной нормативно-ценностной системы как регулятора поведения личности.

В этом плане весьма симптоматично, что общее направление сдвигов в отношении к труду оказывается сходным в обществах с различными культурными и ценностными традициями. Так, по свидетельству японских исследователей, работа для японцев традиционно была «не только трудом для добывания средств к существованию, но и самоцелью... моральной ценностью»⁵⁸. Однако в 1975 г. лишь 6% опрошенных японцев назвали в качестве главной жизненной ценности работу⁵⁹. Отход

от традиционной «трудовой этики» порождает здесь те же явления, которые наблюдаются в капиталистических странах Запада: к началу 80-х годов в Японии усилились нарушения трудовой дисциплины, неявки на работу, наблюдалось снижение производительности труда⁶⁰.

Восприятие трудовой деятельности как самоценной перерастает у многих трудящихся в осознание творческого содержания труда как более значимого по сравнению с его оплатой. Общенациональный опрос, проведенный в США в начале 80-х годов, показал, что 75% опрошенных не хотели бы выполнять хорошо оплачиваемую, но неинтересную работу; 78% отказались бы перейти с работы, которая им нравится, на другую, с более высокой зарплатой; 56% заявили, что больше не разделяют убеждения своих родителей, что «глава семьи должен выбирать работу, которая лучше оплачивается, а не ту, которая дает больше удовлетворения, но оплачивается хуже»⁶¹.

Аналогичные результаты были получены и в ходе исследований, проводившихся в ряде других капиталистических стран. Более половины опрошенных в середине 60-х годов западногерманских рабочих выразили согласие перейти на ниже оплачиваемую работу, если бы она была более интересной и разнообразной⁶². В 1967 г. 64% опрошенных наемных работников ФРГ выражали удовлетворение своей работой, к 1980 г. их доля снизилась до 46% (в том числе среди неквалифицированных рабочих — 30%, среди квалифицированных рабочих — 47 и среди рядовых служащих — 44%)⁶³. В 1978 г. 1/3 опрошенных французских рабочих и около 2/3 работников со средним образованием (т. е. в основном рядовых служащих и рабочих младших поколений) выразили желание выполнять ниже оплачиваемую, но более интересную работу⁶⁴.

Суждения типа «труд важен лишь как способ заработка» все чаще выражают отношение современного рабочего в капиталистических странах к данному конкретному труду в том случае, если его содержание не отвечает способностям, знаниям, творческим возможностям работника. В то же время труд в его обобщенном понимании остается для широких пролетарских масс главной сферой деятельности. В 1980 г. 63% опрошенных в ФРГ неквалифицированных, 66% квалифицированных рабочих и 70% рядовых служащих ответили отрицательно на вопрос: «Была бы жизнь более приятной, если бы

не было необходимости работать?»⁶⁵ 45% опрошенных французских рабочих в 1983 г. заявили, что, если бы у них было больше свободного времени, они использовали бы его для свободной, творческой трудовой деятельности (делали бы сами нужные им вещи)⁶⁶.

Общий процесс возвышения потребностей рабочего класса конкретизируется в росте заинтересованности работника в содержательном, творческом, самостоятельном труде. Это проявляется в усилении неудовлетворенности содержанием труда, его нетворческим характером, системой капиталистических трудовых отношений, отводящих рядовому работнику роль механического исполнителя, робота, лишаящих его права на инициативу и активное участие в трудовом процессе, на целостное видение производства.

Такой тип отношения к труду — это не только абстрактная модель, сконструированная на основе определенных устойчивых тенденций. При всем многообразии конкретных психологических характеристик пролетариев данный тип вполне может быть обнаружен и на индивидуальном уровне. Так, рабочий-сварщик на конвейере автомобильного завода, опрошенный американским публицистом С. Терклом, говорит о своей работе: «Как же я буду гордиться? Мастеру укажешь на ошибку, на бракованный инструмент, а он мимо ушей пропускает. Ну и скоро понимаешь, что ему наплевать... Так что выполняешь свою операцию, и все. Ну а без гордости никак нельзя. И поэтому находишь для себя что-нибудь другое. Я вот марки коллекционирую... А по-настоящему я хочу быть каменщиком... Я бы обе ноги позволил себе сломать, если бы за это мне доверили какую-нибудь сложную работу»⁶⁷.

Как видно, у этого рабочего острая потребность в интересном труде, в активном участии в производственной жизни в целом сочетается с индифферентным отношением к собственной обезличивающей работе, с восприятием досуга, хобби как компенсации обезличивающего труда. Такое сочетание дает куда более реальное представление о психологическом облике современного рабочего капиталистического производства, чем умозрительно-схематические модели, изображающие его «человеком-потребителем», равнодушным к содержанию и смыслу своей трудовой деятельности.

4. Потребности и ценностные ориентации

Рассмотренные явления в психологии современного пролетариата отражают сдвиги в структуре массовых потребностей, обусловленные новым опытом трудящихся, противоречиями между трудовой, познавательной и внеуродовой сферами их деятельности, обостренными современным капитализмом. Суть этих сдвигов заключается в возвышении социальных и духовных потребностей. Оно может проявляться в слабоосознанном, недифференцированном виде (стремление к «лучшей жизни»), в искаженном виде («потребительство») или в ценностных ориентациях личности, выражающих значение для нее духовных потребностей.

В данной связи возникает вопрос о мере устойчивости и интенсивности взаимосвязей между вновь возникающими потребностями и ценностями: именно взаимное соответствие между ними обеспечивает регулирующую роль ценностных ориентаций, их способность выражать потребности личности и влиять на ее жизненную ориентацию. Степень такого соответствия определяет в конечном счете характер воздействия комплекса «потребности — ценности» на реальное поведение. Потребности, не нашедшие адекватного и достаточно четкого выражения в ценностях, и ценности, усвоенные человеком, но не имеющие прочной основы в соответствующих потребностях, могут оказывать такое воздействие лишь спорадически и в ограниченной мере.

Возвышение потребностей масс, очевидно, является одним из важнейших факторов, дестабилизирующих сложившуюся ранее систему ценностей. Первоначальным проявлением этой дестабилизации чаще всего становится противоречие между новыми потребностями и усвоенными ранее ценностями.

Исследуя жизненные притязания молодежи, французский социолог К. Леви-Лебуайе провел в конце 60-х годов опрос юношей 19 лет рабочего происхождения. В большинстве своем они назвали в качестве объекта своих притязаний заработок, богатство, преуспевание в жизни, обеспечение комфорта для себя и своей семьи. Однако интервью показали, что для этих юношей подлинным мотивом, определяющим их жизненные планы, является содержательная жизнедеятельность, заработок же воспринимается как необходимое условие сохранения достигнутого материального положения («Хочу

зарабатывать столько же, сколько отец, но жить лучше») ⁶⁸.

Таким образом, словесно выражаемые мотивы деятельности трудящихся нередко тяготеют к системе ценностей и норм, укоренившихся в данной социальной среде. Те же мотивы, которые выражают потребность в более свободной, интересной, содержательной жизни, часто не высказываются четко, поскольку они или не вполне осознаны, или явно противоречат ранее принятым ценностям.

Можно вместе с тем привести примеры, показывающие, как жизненные планы трудящихся непосредственно стимулируются осознанной потребностью в интересной, содержательной деятельности и соответствующими ей ценностями. Такой мотив неизменно называет значительная часть опрошенных, говоря о целях продвижения; звучит он и в индивидуальных интервью («Я буду получать удовольствие от того, чем занимаюсь», — говорит рабочий; с которым беседовал С. Теркл в начале 70-х годов).

Стремление личности к содержательной деятельности далеко не всегда «прорывается» на уровень жизненной ориентации, потому что планы изменений профессионального и социального положения связаны для пролетария часто с непреодолимыми трудностями. Многие трудящиеся воплощают это стремление в попытках освоения культуры, в приобретении новых знаний. Так, секретарша, мечтающая «подняться выше», стремится лишь к культурному росту («Культура поможет мне выйти из моей раковины») ⁶⁹.

Подобная направленность потребностей порождает тягу широких слоев трудящихся, особенно молодых, к продолжению образования. По данным опроса, проведенного объединением западногерманских профсоюзов в 1972—1973 гг. среди рабочих и служащих, 57% опрошенных, в том числе 71% рабочих моложе 24 лет, выразили желание продолжить образование. Если в 1969 г. образовательные курсы в ФРГ посещали только 3% рабочих, то к середине 70-х годов их посещали 14% квалифицированных и 6% прочих рабочих ⁷⁰. 60% французских рабочих из числа опрошенных в 1983 г. назвали постоянное образование среди наиболее важных социальных требований ⁷¹.

Эти данные свидетельствуют, в частности, о роли образовательного уровня пролетариата в эволюции его

потребностей. Многие социологические исследования показывают, что ориентация на продолжение образования прямо зависит от числа лет, проведенных человеком в образовательных учреждениях.

Потребности, которые не могут реализоваться в основной сфере жизнедеятельности пролетария — в труде, воплощаются в стремлении к продолжению образования и освоению культуры. Такие потребности оказываются в значительной мере подавленными, подчас выражаясь главным образом в мечтах или в чисто словесных установках. Почтовая служащая сообщает, что она «хотела бы изучать психологию, геологию, историю»; другая служащая вышла, по ее словам, «из рабочей среды с очень ограниченным горизонтом и хотела бы иметь другие связи, знания»⁷². Сослагательное наклонение в обоих случаях весьма выразительно: стремление к культурному росту оборачивается тоской по культуре.

Опросы трудящейся молодежи 16—25 лет, проведенные в США Д. Янкеловичем, показывают, что в 1969—1973 гг. доля тех молодых людей, кто высказывался за «меньшее влияние денег», возросла с 54 до 74%, причем этот сдвиг широко затронул молодых рабочих⁷³. Одно из наиболее ярких событий конца 60-х — начала 70-х годов — подъем массового студенческого движения против культа денег и потребления, против традиционной морали, выдвинутые им новые ценности, наметившийся процесс формирования молодежной субкультуры способствовали ценностной переориентации значительной части трудящейся молодежи. Конечно, принятие ею «студенческих» ценностей не могло бы иметь места, если бы они не попали на благоприятную почву, сформированную эволюцией психологии молодых трудящихся. К началу 80-х годов уже подавляющее большинство американцев (75—78%) считали в принципе неприемлемой хорошо оплачиваемую, но неинтересную работу и отвергали перспективу перемены удовлетворяющей их работы на лучше оплачиваемую, но менее привлекательную по своему содержанию⁷⁴.

Дальнейшее развитие и утверждение антипотребительских, «антиденежных» ценностей в рабочем классе в значительной мере стимулировалось тем, что в 70-х годах они стали широко распространяться институтами, формирующими общественное мнение. Как известно, поразившие поначалу студенческие лозунги в отношении ценностей, образа жизни и т. д. быстро превратились

в компонент коммерческой «массовой культуры», органически вошли в том или ином виде в содержание телепередач, прессы, популярных песен и т. д.

Принятие антипотребительских ценностей рабочими связано с идеалами интересного, содержательного, творческого труда, более демократической и гуманной организацией трудового процесса. Протест против обезличивающего труда направлен по сути против неравноправия пролетарских масс, т. е. ставит проблемы, неразрешимые на индивидуальном уровне. Поэтому он перерастает в требование трудящихся изменить иерархические принципы управления производством.

Протест нередко принимает и иные формы. Его стихийное, наиболее массовидное проявление — ухудшение качества труда, производственный саботаж⁷⁵. Экономический кризис, рост массовой безработицы во второй половине 70-х — начале 80-х годов не сузили существенно масштабы этих явлений, а в некоторых странах, например в Японии, они даже расширились⁷⁶. Это побудило представителей крупного бизнеса и связанные с ним научные круги обратить внимание на новые потребности трудящихся, искать совместимые с принципами капиталистического производства способы «гуманизации» производственного процесса.

На уровне индивидуального поведения и сознания усиливающееся негативное восприятие опустошающей личностью работы (при невозможности другой, более интересной работы) может перерасти в стремление свести до необходимого минимума роль труда в жизнедеятельности, бюджете времени. Установка на уход от производственной деятельности в «собственную, частную, интимную жизнь» определяет мотивацию соответствующего типа поведения. Иными словами, психологическое обесценение денежно-материальных целей трудовой деятельности, антипотребительство может порождать установку типа: «меньше работать, больше жить для себя: отдыхать, общаться с семьей». По данным опросов, проведенных в ряде капиталистических стран в конце 70-х — начале 80-х годов, многие рабочие готовы меньше зарабатывать, чтобы иметь больше свободного времени⁷⁷. В социологических исследованиях отмечается, что даже в Японии, где восприятие труда как высшего долга является традиционной чертой национальной психологии, его значение в системе жизненных ценностей резко ослаблено.

Беспокойство коммунистов капиталистических стран вызывает опасная тенденция психологической «люмпен-пролетаризации» части рабочей молодежи. Недоступность интересной работы способна порождать в некоторых ее слоях своего рода «антитрудовую этику». Помимо отмеченных факторов здесь сказывается и разлагающее влияние массовой безработицы, о чем пойдет речь в последнем параграфе данной главы.

В целом динамика личности современного пролетария несводима ни к возрастающему потребительству, ни к психологическому освобождению от материальных забот. Характерное противоречие этой динамики состоит в том, что интенсификация потребностей в творческом труде, в профессиональном, культурном, социальном росте не находит у многих трудящихся выражения в адекватных устойчивых формах поведения. Причины этого коренятся в социальных отношениях капитализма, в объективном положении рабочего класса. С одной стороны, трудности достижения современного потребительского стандарта и необеспеченность, неустойчивость достигнутого жизненного уровня постоянно воспроизводят заботы и потребности материального характера. С другой стороны, недоступность широким пролетарским массам творческих видов трудовой деятельности, социальные барьеры, препятствующие реализации проектов «возвышения», подчиняют реальный образ жизни пролетария принципам «труда ради заработка» и «заработка ради потребления». В условиях современного капитализма процесс возвышения потребностей пролетариата переплетается с процессом их подавления.

Психологические продукты взаимодействия этих процессов достаточно многообразны. В одних случаях духовные потребности, достаточно четко осознанные и воплощенные в определенные ценности, не образуют устойчивых, направляющих реальное поведение жизненных ориентаций. Напротив, подчас такая ситуация порождает неустойчивое, асоциальное, отклоняющееся поведение (наркомания, хулиганство, алкоголизм и т. п.). В других случаях эти потребности оказывают заметное влияние на структуру внеуродового времени пролетария, стимулируя содержательный досуг (например, самообразование, чтение серьезной литературы, интерес к подлинному искусству, размышления, участие в общественной деятельности)⁷⁸. Подобные ситуации могут вести к возникновению и укреплению особых ценностных и жизнен-

ных ориентаций, типичных, например, для активистов рабочего и других прогрессивных движений, либо воздействовать на интересы личности, не оказывая решающего влияния на ее цели и жизненную ориентацию.

Наконец, достаточно типична ситуация, когда пробудившиеся, но не укрепившиеся (в виде устойчивых ценностей) потребности подавляются. Это обычно сопряжено с психологической адаптацией человека к данному положению, принимающей форму удовлетворенности теми или иными его аспектами. Данная ситуация обусловлена низкой оценкой личностью своих возможностей как-либо воздействовать на собственное положение. Но неудовлетворенные потребности дают о себе знать, то как бы «прорываясь» в сознание, то проявляясь в спонтанных, немотивированных, часто не вписывающихся в основную «жизненную линию» актах поведения.

В ходе опроса, проведенного в 1973 г. Всеобщей конфедерацией труда Франции среди молодых рабочих (16—24 лет), 76% опрошенных заявили, что работа удовлетворяет их своим содержанием, 62% выразили удовлетворение размером получаемой зарплаты, 77% — объемом рабочего времени (62% работали более 40 часов в неделю), 78% — условиями труда, 55% — перспективами профессионального роста, 43% сообщили, что они не собираются менять профессию. Лишь 21% надеялись стать в будущем мастерами, техниками или служащими. В то же время 93% высказались в поддержку коллективного требования о повышении зарплаты, 90% — об улучшении условий труда, 83% — о 40-часовой рабочей неделе и 67% поддержали мнение о необходимости «изменений в обществе, соответствующих нашим стремлениям», в том числе 46% — путем «коренных изменений политической, экономической и социальной системы» (при этом лишь 2% состояли в политических партиях или молодежных организациях и 20% — в профсоюзах). Относительная удовлетворенность различными аспектами положения на производстве контрастирует с реальным поведением: 46% хотя бы один раз меняли по своему желанию место работы, причем большинство из них не смогли назвать причины, по которой они это сделали⁷⁹.

Очевидно, низкий потолок «жизненных притязаний» рабочей молодежи и ее «удовлетворенность» условиями труда представляют собой результат психологической

оценки личных возможностей, ведущей к подавлению разносторонних потребностей рабочего. Но одновременно те же потребности, не находя выхода в индивидуальных проектах, увязываются с коллективными требованиями, с перспективой крупных общественных изменений. Однако на поведенческом уровне они чаще всего проявляются лишь в неосознанном поиске «лучшей доли».

Взаимодействие процессов возвышения и подавления потребностей обуславливает своеобразие типов личности, характерных для пролетарской среды. Это своеобразие неправильно было бы усматривать в каких-либо жизненных ориентациях, присущих рабочему классу, и только ему. Жизненная ориентация пролетария может быть защитной или потребительской, семейной или гедонистской, трудовой или направляемой групповыми интересами. Она может быть в определенном смысле «карьерной», если рабочий стремится к повышению социального статуса и даже нацеленной на «предпринимательские» ценности (стремление к обзаведению «собственным делом»). Специфика личности пролетария выражается в соотношении различных ориентаций и в их классово обусловленной динамике, которая выявляется как на индивидуальном, так и особенно на групповом уровне при анализе типичных мотивационных тенденций.

«Защитная» жизненная ориентация является своего рода полюсом притяжения и полюсом отталкивания для пролетарской психологии. Отталкивания — поскольку поиск форм бытия, свободных от подчиненности мотивам простого выживания, образует характернейшую тенденцию этой психологии в современных условиях. Притяжения — ибо личность чаще всего не в состоянии полностью порвать с этой подчиненностью. Ее воспроизводят низкие жизненные возможности пролетария во всех областях, выходящих за пределы поддержания его собственного существования (интересная работа, образовательный или культурный рост и т. д.). Поэтому различные ориентации, возникающие в его психике и поведении, связаны с мотивами выживания, защиты, приспособления к реальной ситуации. В этом их отличие от сходных ориентаций людей, принадлежащих к привилегированным социальным группам. «Я думаю, что мне повезло... — пишет 29-летний служащий, обладающий стандартным набором материальных благ (домик, машина, телевизор). — Иногда я говорю себе, что это слишком прекрасно, чтобы продолжаться»⁸⁰. Такой тип

настроенный лишь один из возможных вариантов психологии личности пролетария, но ощущение ненадежности, случайности личного благополучия типично для многих из них.

Новые духовные потребности, порожденные современными процессами общественного развития, сочетаются в психологии пролетария с теми, которые диктуются его социальным положением. Они нередко противоречат друг другу, и это порождает сосуществование несовместимых установок. Так, 84% молодых французов, опрошенных в конце 70-х годов, заявили, что главное в труде — это размер заработка, и те же люди (75%) считали, что преуспеть в жизни означает для них выполнять интересную работу⁸¹. Иными словами, интересный труд в идеале представляется большинству опрошенных высшей ценностью, но отступает на второй план по сравнению с заработком, поскольку речь идет о потребностях, коренящихся в наличной реальной ситуации.

Приведенный выше материал показывает, что новые, отражающие возвышение потребностей пролетариата мотивационные тенденции оказывают ограниченное воздействие на жизненные ориентации и реальную деятельность личности. Однако психологические механизмы, тормозящие это воздействие, могут доминировать, пока и поскольку процесс возвышения потребностей разворачивается в русле индивидуальных жизненных проектов. Как отмечалось, изменения в положении рабочего класса и тактика современного капитализма в известной мере расширили это русло. Но в то же время такой «индивидуалистический» путь реализации возвысившихся потребностей приводит личность в тупик. Опыт пролетария вновь и вновь доказывает, что подлинная реализация его потребностей неотделима от коренных изменений в положении рабочего класса в обществе, от борьбы за эти изменения.

В силу самого положения рабочего класса в системе общественных отношений капитализма в его среде постоянно воспроизводится социально-психологический тип активного борца за классовые интересы. Для него характерна четко выраженная классовая ориентация, подчиняющая индивидуальные цели и стремления, формирующая в личности такие качества, как бескорыстие, беззаветное служение делу своего класса.

У рабочего-активиста отношение к собственной трудовой деятельности определяется не только и часто не столько тем, что она дает ему лично (с точки зрения оплаты, содержания труда, жизненных перспектив и т. д.), сколько принятыми им классовыми ценностями. «Физический труд, — размышляет рабочий-судостроитель, профсоюзный активист из французского города Сен-Назера, — не отталкивает меня, а совсем наоборот. Не знаю, получал бы я такое же удовлетворение, если бы выполнял умственный труд, когда видишь, как некоторые инженеры эксплуатируют или пытаются эксплуатировать рабочий класс... С моральной точки зрения я предпочитаю быть там, где наковальня, а не у молота... Я не жалею ни о чем», — заключает этот рабочий, которому в юности пришлось прервать свое образование и пойти работать на завод.

Теми же классовыми критериями оценивает этот рабочий и конкретное место работы. В молодости он перешел из химической промышленности на судостроительный завод, где зарплата была выше. Однако работа на верфи нравится ему не только из-за материальных преимуществ — здесь выше боевитость трудящихся, «жизнь активиста намного интереснее». Участие в борьбе своего класса составляет главный смысл его жизни. «Это вечная борьба с эксплуататорами. Она будет продолжаться, пока существует капиталистический строй. Борьба дает смысл нашему существованию»⁸².

Судостроитель из Сен-Назера сформировался как личность в пролетарской среде, на которую оказывала сильное влияние революционная социалистическая идеология. Однако сходные социально-психологические черты мы обнаруживаем и у рабочих-активистов, чье мировоззрение сложилось в иной идеологической атмосфере. Так, английская исследовательница П. Фош, изучавшая мотивы активного участия в профсоюзной деятельности рабочих сталелитейной промышленности — сторонников лейбористской партии, обнаружила неправомерность представления (распространенного в буржуазной социологии) об индивидуалистически-материальном характере таких мотивов. «Убеждение, — пишет она, — которое мотивирует активное участие (в профсоюзе. — Г. Д.)... это вера в цели тред-юнионов как общественного движения, а не отношение к тред-юнионизму как средству достижения индивидуальных целей»⁸³.

Один из рабочих, опрошенных Фош, так объяснил

причины своей активной деятельности в профсоюзе: «Главная причина очень проста: я думаю, что... рабочие должны быть вместе, единым целым, чтобы суметь защищать свою точку зрения перед лицом менеджмента и страны в целом»⁸⁴.

Общественная активность, стимулируемая психологией пролетарского коллективизма, служит наиболее надежным путем подлинного обогащения жизни личности, преодоления духовной нищеты «потребительского» существования. «Всемогущий доллар — это не единственная ценность, — говорит профсоюзный активист завода «Дженерал моторс» (Лордстаун, США). — Для меня важнее, как со мной обходятся, что я могу сказать о том, что я делаю... Меня интересует прежде всего социальный аспект труда, мои права, права моих товарищей по работе»⁸⁵. Подобная жизненная позиция выражает такой способ реализации новых потребностей и ценностей трудящихся, который наиболее соответствует положению рабочего класса в условиях капитализма.

В свое время К. Маркс писал: «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать»⁸⁶. Это положение, разумеется, не свидетельствует о том, будто марксизм (как пытаются уверить некоторые его современные критики) не придает значения целям, которые сознают и ставят перед собой пролетарии, их реальному сознанию. Оно лишь означает, что, анализируя это сознание, важно иметь в виду те его компоненты, которые с необходимостью порождаются объективным положением пролетариата. Таким компонентом является пролетарский коллективизм, образующий психологическую основу классового сознания пролетариата. Современный процесс возвышения потребностей рабочего класса, динамика личности пролетария не могут быть поняты вне связи с этим основным компонентом его психологии, с развитием его классового сознания в целом.

5. Рабочий класс как социально-психологическая общность

Жизненные ориентации, характеризующие типы личности современного пролетария, разумеется, не исчерпывают содержания его индивидуального сознания. Они

выражают лишь личностное самосознание — осознание индивидом своих собственных потребностей и жизненных возможностей, т. е. его отношение к самому себе и к тем людям, в непосредственных связях с которыми он реализует свои потребности (семья, а также в той или иной мере другие первичные социальные группы). В то же время в индивидуальном сознании отражаются и общественные (внеличностные) связи индивида. Это значит, что в индивидуальном сознании представлено и сознание групповое, или, говоря точнее, сознание тех групп, в которые человек входит.

Уяснить содержание, уровень и тенденции развития группового сознания рабочего класса, уровень его социально-психологической общности — значит прежде всего установить, как в сознании рабочих и служащих отражаются их связи с классом, отношения их класса с другими группами общества.

Определенная сложность проблем сознания рабочего класса в теоретическом плане связана с тем, что в последовательно развитом виде оно может быть только сознанием *научным*. Понимание пролетарской массой коренных, перспективных интересов и целей исторической деятельности рабочего класса — осуществление социалистической революции, построение социализма и коммунизма — не рождается из его непосредственного опыта при капитализме. Осознание таких интересов представляет собой продукт научного анализа, результат внесения социалистической идеологии в массу. Это ни в коей мере не означает, что пролетарская масса не является носителем классового сознания и что его развитие есть результат лишь научно-теоретической деятельности. Определенные — и весьма существенные — элементы пролетарского классового сознания формируются в процессе накопления пролетариатом собственного общественного опыта в борьбе против буржуазии. Как отмечал В. И. Ленин, понимание необходимости борьбы «с классом капиталистов и фабрикантов», солидарности интересов рабочего класса, необходимости «добиваться влияния на государственные дела», понимание всего этого рабочие приобретают, «постоянно почерпая его из той самой борьбы, которую они начинают вести с фабрикантами и которая все больше и больше развивается, становится резче, втягивает большее число рабочих...»⁸⁷. Это понимание создает необходимые предпосылки восприятия рабочей массой научной идеологии.

В конце XIX — начале XX в. социальное положение рабочего класса отождествлялось в массовом сознании с физическим трудом и низким уровнем образования, с условиями материальной жизни, которые отчетливо воспринимались либо как бедность, либо по меньшей мере как резко отличные от условий жизни всех других классов и слоев — буржуазии, служащих, мелких предпринимателей. Эти представления закреплялись также существованием особой «рабочей культуры». На них базировался и «дихотомный» образ общества, присущий массовому пролетарскому сознанию: «мы» — рабочие, «они» — хозяева, капиталисты. Этот образ, адекватно отражая основное классовое членение общества, вместе с тем создавал предпосылки для групповой самоизоляции, психологического отделения своей социальной группы не только от буржуазии, но и от всех, кто не был, подобно рабочим, обречен жить трудом своих рук, кто не подвергался эксплуатации хозяевами производства.

Такой тип восприятия социальной действительности был широко распространен в рабочем классе еще в 50 — 60-х годах и, очевидно, продолжает существовать в настоящее время. Французские социологи Г. Мишля и М. Симон, анализируя записи бесед с рабочими, проведенных в 1966 г., констатируют их четкую самоидентификацию со своим классом, пронизывающую «всю систему представлений и аффективных ориентаций». В качестве «других», противостоящих данной группе, выступают хозяева, а сфера политики воспринимается исключительно с точки зрения опыта и проблем повседневной жизни рабочих («Я знаю, что цены растут, а заработки им не соответствуют, помимо этого я о политике ничего не знаю и не интересуюсь ею») ⁸⁸.

На эволюцию социальных представлений промышленного пролетариата, вообще наемных работников физического труда заметное влияние оказало их приобщение (или по меньшей мере приближение) к сформированному современным капитализмом «среднему», «массовому» потребительскому стандарту, сдвиги в их семейных и других межличностных связях (выход последних за рамки рабочей и рабоче-крестьянской среды), в культуре досуга и быта, наконец, в способах освоения знаний и получения информации. В результате этих изменений произошло уменьшение былой социально-культурной изоляции рабочего класса, значительное сужение сферы «рабочей культуры».

Для части рабочих классовая идентификация утратила самоочевидный характер, стала менее ясной. За пределами рабочего класса картина общественной структуры усложнилась: вместо былого, более или менее чуждого пролетарскому миру и единого в этой отчужденности от него «образованного класса» — людей из контор, банков, учреждений, школ и университетов — появилась гораздо более дифференцированная и переплетающаяся с пролетариатом масса «работников в белых воротничках». Вместо персонифицированного хозяина — капиталиста — все чаще выступает безличный многоголовый менеджмент, наемные директора, неизвестно кому подчиненные, кем назначаемые и снимаемые. Словом, облик и границы группы, противостоящей рабочему классу, на уровне общественной психологии также потеряли былую ясность.

На классовое самоотождествление трудящихся влияет также их усилившееся стремление к социальному возвышению. Оно может порождать потребность в возвышении формально-статусном, в более «престижной», «нерабочей» идентификации. В свете изложенного нетрудно понять, почему, по данным опросов 60—70-х годов, часть рабочих капиталистических стран затруднялась в определении своей классовой принадлежности, а другая часть относилась к так называемому среднему классу. Однако, как свидетельствуют данные по всем странам и периодам, последнее суждение высказывает лишь меньшинство рабочих — факт тем более показательный, что именно такое представление об изменении классового положения пролетариата активно навязывается ему буржуазной пропагандой. Те рабочие, которые могли ответить на вопрос о своей классовой принадлежности, в подавляющем большинстве относили себя к рабочему классу⁸⁹.

Изменения в социальной структуре капитализма ведут к тому, что в массовом сознании происходит определенная перестройка дихотомного образа общества. Одно из направлений этой перестройки связано с отходом от представлений, основанных на резком отделении наемных работников физического труда не только от непосредственно противостоящих им хозяев — капиталистов, но и от всех других социальных групп. Например, около половины французских рабочих, опрошенных в 1983 г., считали, что по своему социальному положению они не больше отличаются от инженеров и административных работников, чем последние — от капиталистов⁹⁰.

Различия между «старым» и «новым» представлениями рабочих о своем классе ясно видны из их собственных высказываний. «Рабочий класс, — по определению молодого французского металлурга, — это те, кто получает низкую зарплату, кто с трудом удовлетворяет свои нужды. Тот, кто получает пять тысяч в месяц (у этого рабочего зарплата — 2200 франков. — Г. Д.), может быть симпатичным человеком, но существует пропасть между этими людьми и нами». Другой французский рабочий дал следующее определение рабочего класса: «Парни, которые не носят галстука (на работе. — Г. Д.), одеты в синие блузы и начинают работать в 6 часов, а не в 8»⁹¹. Материальный уровень жизни, условия и характер труда, по мнению этого рабочего, выступают в качестве определяющих признаков классовой принадлежности, а «нерабочий» мир (в том числе и служащие в галстуках, приступающие к работе на два часа позже) рассматривается как посторонний.

Проявлением иного типа представлений можно считать мнение, к которому обычно присоединяется большинство опрошенных рабочих: «рабочий — это наемный работник»⁹², он принадлежит к классу людей, работающих «на других»⁹³. Подобные суждения выражают более высокий уровень обобщенного, несводимого к внешним критериям осознания классовой принадлежности. Весьма характерно, что, по мнению многих рабочих, они не отличаются существенно по своему положению от рядовых служащих, принадлежат к тому же классу, что и они⁹⁴. Более 40% западногерманских рабочих считали уже в конце 60-х годов, что дистанция между ними и служащими сокращается⁹⁵.

Какое же влияние оказывают эти изменения в социальных представлениях на развитие классового сознания рабочей массы? Прежде всего они значительно меняют социально-психологические основы этого сознания. «Традиционное» пролетарское мышление пронизано ощущением принадлежности рабочего класса к резко отделенным от остального общества социальным низам. Это ощущение может порождать стремление покончить с отверженностью класса путем радикального изменения его положения, но может формировать и чувство безнадежности, психологическую подчиненность господствующим отношениям.

В современном капиталистическом обществе распространенное в рабочем классе понятие «мы» включает раз-

народную, составляющую основную массу населения категорию — «наемные работники». Например, по данным исследований, проведенных в Англии и Италии, многие рабочие считают себя принадлежащими к «центральному», или «нормальному», классу, охватывающему большинство наемных трудящихся⁹⁶. Независимо от того, каким понятием обозначает рабочий свое классовое положение, он ощущает свою принадлежность к большинству, к «основному» классу, а это не может не влиять на структуру его самосознания.

Многие буржуазные авторы трактуют данное изменение в представлениях трудящихся о классовой структуре как «распад» классового сознания рабочего класса, его психологическую интеграцию в капиталистическое общество. В действительности само по себе оно не разрушает классовое сознание, а свидетельствует о том, что рабочий класс иначе, чем прежде, понимает свое место и роль в общественном организме — не только как производительной силы, создателя материальных благ, но и как центрального и основного компонента общества.

Такой тип классового самосознания отличается от «традиционного» более обобщенным пониманием сущности классовых различий, а поэтому и большей абстрактностью. Осознать общность интересов разнородных групп наемных работников во многих случаях значительно труднее, чем рабочих в узком смысле слова. Кроме того, данный тип сознания усиливает внутреннюю противоречивость социальных представлений масс. Он одновременно выражает ощущение рабочим классом и его возвышения в социальной структуре, и его социальной обделенности; «наемные работники» — это нечто иное, чем просто «рабочие», но основная масса их все равно «внизу», они несвободны, зависимы.

Как было показано, для французских рабочих характерно чувство отчужденности от капиталистической общественной системы. В то же время, по данным общенационального опроса, проведенного во Франции в 1977 г., 40% опрошенных рабочих считают, что «рабочие более ценимы в обществе», чем в начале 60-х годов, а 64% — что, «будучи рабочим, можно гордиться своим положением»⁹⁷.

Данные суждения отражают противоречивость положения рабочего класса в условиях современного капитализма: приобщение к более высокому уровню материальной и культурной жизни не избавляет его от капитали-

стической эксплуатации. В то же время в рабочем классе формируется понимание своего возрастающего веса, влияния в обществе. В таком понимании отражается совокупность социального опыта класса как в национальном, так и в международном масштабе: победа социалистических революций в ряде стран и успехи реального социализма, завоевания рабочего движения капиталистических стран, обусловленные ими изменения в положении трудящихся. В результате в рабочем классе усиливается чувство *группового социального достоинства*, сознание его права на обладание материальными и духовными благами современной цивилизации, на обогащение и возвышение всей его деятельности в обществе. Это сознание выражается в тех требованиях, которые высказывают трудящиеся во время массовых опросов.

Так, еще в 1969 г. 31% опрошенных французских рабочих высказались за то, чтобы рабочие сами решали вопросы найма, 17% — увольнения, 38% — распределения прибылей, 67% — заработной платы, 48% — продолжительности рабочего времени, 23% — вопросы распределения трудовых функций. 33% считали желательным передать управление предприятиями в руки трудящихся или профсоюзных организаций, 47% назвали «очень важным» или «достаточно важным» требование национализации ряда отраслей производства. Такого рода требования поддерживали, хотя и в разной мере, рабочие различных политических взглядов; например, за переход управления предприятиями к трудящимся или профсоюзам высказалось 48% избирателей Французской компартии и 38% — ряда правых партий, за национализацию — соответственно 90 и 75%⁹⁸.

По мнению американских специалистов по трудовым отношениям, в рабочем классе растут требования расширения его прав на производстве, в том числе «бóльшего голоса в политике компании». Большинство рабочих-автомобилестроителей фирмы «Дженерал моторс», опрошенных в 1971 г., высказались за практику консультаций менеджмента с персоналом по поводу важных решений, принимаемых компанией. 10 лет спустя 28% опрошенных американских рабочих-сталелитейщиков считали необходимым национализировать предприятия их отрасли, а 46% — передать их в собственность трудящихся⁹⁹. В ФРГ за «экономическую демократию», участие трудящихся в решениях, принимаемых на производстве, высказывается большинство рабочих и служащих¹⁰⁰.

Требование «участия в решениях» по сути дела направлено против основы капиталистических отношений — власти собственников средств производства. Тот факт, что это требование вошло в сознание широких пролетарских масс, достаточно знаменателен. Оно выражает протест пролетариата против капиталистических отношений господства и подчинения, развитие антикапиталистических тенденций в его общественной психологии.

Протест против существующей системы власти на производстве вырастает на основе непосредственного опыта рабочего класса и выражает его отрицательную реакцию на капиталистические производственные отношения. Этот протест является показателем общего психологического настроения пролетарской массы, уровня ее социальных потребностей, но не устойчивых идейно-политических ориентаций. Этот настрой несет на себе печать присущего современному пролетариату возросшего осознания своих прав на производстве и в обществе — права на труд, на постоянный рост жизненного уровня, на социальное обеспечение, на участие в решении вопросов, затрагивающих интересы трудящихся, наконец, права на полноценную человеческую жизнь.

Особенности современного социально-психологического склада рабочего класса капиталистических стран еще более ярко проявляются в его реальном общественном поведении. С этой точки зрения особый интерес представляют социально-психологические аспекты массового забастовочного движения конца 60-х — начала 80-х годов. Забастовка во всех случаях является групповым, коллективным действием, она материализует коллективистские черты пролетарской психологии, те стремления и настроения масс, которые не могут быть воплощены в индивидуальных действиях. Забастовочное движение данного периода обстоятельно изучено в специальной литературе¹⁰¹, и мы ограничимся лишь упоминанием некоторых его основных черт и тенденций.

Прежде всего значительно расширились мотивы и цели забастовочного движения. Общим направлением сдвигов в требованиях забастовщиков, констатируется в исследовании советских авторов, является «перенесение акцентов с последствий капиталистической эксплуатации на сам ее процесс»¹⁰². Трудящиеся стремятся добиться таких изменений в организации труда, его условиях и способах оплаты, которые ослабили бы их всестороннее подчинение власти и произволу капитала,

стабилизировали бы их материальное положение, сделали бы трудовую деятельность более содержательной и интересной, облегчили бы профессиональный и квалификационный рост. Значительно усилился политический характер забастовочного движения — оно все чаще направляется на завоевание законодательных гарантий жизненного уровня трудящихся, пенсионного и других видов их социального обеспечения, против антирабочих акций государственной политики. Во многих забастовках выдвигаются требования введения тех или иных форм рабочего контроля, демократизации отношений на производстве.

В 70-х — начале 80-х годов трудящиеся стали все чаще выступать против безработицы — явления, которое еще недавно считалось находящимся вне воздействия стачечной борьбы. Творчество масс выработало способ борьбы против увольнений — занятие заводов трудящимися, сопровождающееся самостоятельной организацией производства, выпуском и сбытом продукции. Такая практика равносильна «явочному» изменению режима собственности на предприятии. Вместе с тем ширится борьба за изменение государственной политики в области занятости. Данная тенденция массового рабочего движения отражает серьезный психологический сдвиг — безработица перестает восприниматься как фатальное неодолимое явление, в своем отношении к проблеме занятости массы все чаще исходят из укрепившегося в их сознании представления о праве на труд.

Будучи вынужденным противостоять давлению капитала на свой жизненный уровень, выдвигать прежде всего и главным образом материальные требования, современный рабочий класс ведет борьбу во многом иначе, исходя из иных, чем прежде, коллективных психологических установок. Речь идет не только о предотвращении абсолютного ухудшения условий жизни и даже не только об их улучшении; в требовании повышения зарплаты трудящиеся выражают возросшее социальное достоинство своего класса, осознание своего права на долю общественного богатства, соответствующую их вкладу в его создание.

Современные тенденции в развитии группового самосознания рабочего класса находят выражение в уровне его организованности, в характере отношений между рабочей массой и представляющими ее организациями. Как известно, охват наемных трудящихся профсоюзными ор-

ганизациями весьма неодинаков в разных странах: в одних, например в Швеции, в профсоюзы входит основная масса рабочего класса, а в других, например в США, Японии, Франции, — от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ его состава. Во многом эти различия объясняются исторически сложившимися в различных странах особенностями профсоюзного движения: степенью его единства, правовым статусом профсоюзов, тактикой господствующего класса и т. д. Следует также учитывать, что условия жизни пролетария (ограниченность дохода, переутомление на работе, повышающаяся ценность досуга) затрудняют для него участие в профсоюзной деятельности. Вместе с тем рядовые члены профсоюзов во многих странах не обладают какими-либо материальными преимуществами по сравнению с остальными трудящимися¹⁰³; закрепляемые в коллективных договорах и в законодательных актах завоевания профсоюзов в области оплаты труда и прав наемных работников становятся достоянием всех трудящихся. В этих условиях сам факт участия в профсоюзах десятков миллионов рабочих и служащих (84 млн. в 18 капиталистических странах в 1975 г.¹⁰⁴, 73 млн. только в семи крупнейших капиталистических странах в 1982 г.¹⁰⁵) достаточно показателен: он свидетельствует о силе коллективистской ориентации в сознании и поведении пролетарских масс.

В течение последних десятилетий в рамках профсоюзного движения развивалось сближение основных отрядов рабочего класса, прежде всего промышленных рабочих и служащих. В разных капиталистических странах отношения служащих с организованным рабочим движением складываются неодинаково. Ведущей тенденцией, однако, является рост организованности рядовых служащих и объединение их с рабочими в общих профсоюзных организациях. Этот процесс является важным фактором укрепления и развития классового сознания служащих. Он содействует пониманию общности положения и интересов различных групп трудящихся, облегчает преодоление корпоративистских традиций и представлений.

Не менее важное значение имеет с этой точки зрения развитие забастовочного движения служащих, их совместных с рабочими стачечных выступлений, которые приняли весьма широкие масштабы в последние десятилетия. Это свидетельствует о том, что формы общественного поведения ядра рабочего класса — промышленного пролетариата — все в большей мере играют роль «моде-

ли», примера для других групп трудящихся. Практика совместной борьбы за общие интересы является важнейшей основой пролетарского коллективизма и солидарности, она укрепляет эти психологические черты в рабочем классе.

Масштабы профсоюзной организованности в какой-то мере отражают социально-психологическую и идеологическую неоднородность рабочего класса капиталистических стран. Как показывают данные конкретных исследований, часть рабочих и служащих, отрицательно относящихся к профсоюзам, — это люди, настроенные индивидуалистически и лишенные классового самосознания, проявляющие конформизм по отношению к капиталистической системе. Отчужденность от классовых организаций часто коррелируется с отказом от самоотнесения к рабочему классу, а в политике — с поддержкой буржуазных партий ¹⁰⁶. Однако эта отчужденность нередко объясняется и такими причинами, как недовольство оппортунистической, соглашательской политикой многих профсоюзов, их бюрократической структурой. Профсоюзы воспринимаются многими трудящимися как одна из «больших организаций», в которых рядовой человек не имеет голоса и все решает наемный аппарат и профсоюзные боссы ¹⁰⁷. Рост профбюрократии, ее антидемократическая практика (а в США также и коррупция в ряде ее звеньев) содействуют формированию подобного представления о профсоюзах.

В отношении масс к профсоюзам проявляются определенные тенденции, общие для стран с весьма различным характером профсоюзного движения. Поскольку речь идет о роли профсоюзов в защите социально-экономических интересов трудящихся, их деятельность в большинстве случаев оценивается положительно как их членами, так и неорганизованными трудящимися. В ФРГ 75% трудящихся старше и 64% — моложе 30 лет, опрошенных в 1982 г., считали профсоюзы «необходимыми» ¹⁰⁸. Даже в США, где вовлеченность в профсоюзы одна из самых низких в капиталистическом мире, в 1977 г. 83,5% опрошенных рабочих заявили, что профсоюзы защищают их от «несправедливой практики» администрации, и 86,5% — что профсоюзы добиваются повышения их зарплаток ¹⁰⁹.

Однако суждения становятся гораздо менее единодушными, когда речь заходит об оценке роли профсоюзов

на общественно-политической арене. 68% членов британских тред-юнионов в 1977 г. согласились с формулировкой опроса «тред-юнионы имеют слишком много власти в Британии»¹¹⁰. Во Франции в 1979 г. доверие профсоюзам выразили 57% лиц наемного труда, но в то же время значительная их часть считала, что деятельность профсоюзов не отвечает интересам общества. В 1983 г. 42% опрошенных французских рабочих высказались «за» и 45% — «против» расширения «власти профсоюзов»¹¹¹. Суждение, что профсоюзы «обладают слишком большим влиянием», высказала в 1979 г. половина опрошенных итальянских трудящихся¹¹².

Как видно, отношение широких слоев рабочего класса капиталистических стран к профсоюзам противоречиво: даже в странах с высоким уровнем развития классовой борьбы многие рабочие и служащие проявляют податливость к восприятию антипрофсоюзных стереотипов, насаждаемых буржуазной пропагандой. Эта противоречивость проявляется и в показателях организованности трудящихся: если в 1965—1975 гг. численность членов профсоюзов в 18 капиталистических странах возросла на 15 млн., или на 22,7%¹¹³, то в конце 70-х — начале 80-х годов ее рост затормозился, а в ряде стран она стала уменьшаться¹¹⁴.

Из профсоюзов выходят прежде всего безработные, поскольку они не в состоянии платить членские взносы. Кроме того, в условиях кризиса на сознание и поведение части трудящихся оказывают воздействие ограниченные возможности профсоюзов помешать развитию таких явлений, как безработица и снижение жизненного уровня. Сказываются и вызванные кризисом ограничения запросов, страх перед будущим, опасение «потерять то, что есть». Реакционные силы используют эти опасения для раздувания антипрофсоюзных настроений: борьбу профсоюзов в защиту материальных требований трудящихся они изображают «опасной», «нарушающей стабильность экономики».

В сознании части трудящихся специфическое преобразование получают изменения в характере деятельности профсоюзов, которая приобретает все более политический характер, все чаще сосредоточивается на уровнях, казалось бы далеких от цеха и предприятия: на отношениях с предпринимательскими организациями и правительством, на участии в различных договорных процеду-

рах и консультативных органах. В сознании рядового рабочего или служащего сосуществуют ощущения возросшей силы его профессиональной организации и ее принадлежности к «верхним», недоступным и отчужденным от него «этажам» общественного здания, равно как и недостаточной «эффективности» ее деятельности. Поэтому он нередко склонен распространять на профсоюзы недоверие, которое он питает к политике. Не случайно в массовых опросах заметно звучит мотив осуждения «политизации» профсоюзной деятельности¹¹⁵.

В целом коллективистский тип восприятия классовой организации характеризует массовое сознание рабочего класса, уровень его социально-психологической общности. Но в то же время общие сдвиги в духовном мире пролетариата — прежде всего возвышение его потребностей, рост интеллектуальной и поведенческой самостоятельности «массового» пролетария — воздействуют на психологические основы отношения масс с организациями.

Так, по данным эмпирического исследования западно-германского марксиста И. фон Хайзелера, младшее поколение трудящихся (люди до 31 года) отличается от других возрастных групп одновременно более высоким уровнем боевитости (готовности к участию в забастовочной борьбе) и более критическим отношением к профсоюзам¹¹⁶.

Отношение трудящихся к представляющим их организациям, очевидно, уже не может строиться только на принципе «делегирования» ими классовых интересов, неограниченного доверия; трудящиеся предъявляют высокие требования к деятельности своих организаций, стремятся контролировать ее. Так, итальянские рабочие, недовольные деятельностью профсоюзов, ссылаются на «недостаточное участие низов в принятии решений»¹¹⁷. Объективные и субъективные трудности реализации таких требований порождают неудовлетворенность и противоречивость в отношении трудящихся к профсоюзам. Организованная борьба за классовые интересы, предполагающая активное участие пролетарской массы как в самих боевых действиях, так и в определении их целей, представляет наиболее эффективный способ преодоления подобных противоречий.

6. Отражение классовых отношений в сознании трудящихся

Положение пролетариата в капиталистическом обществе всегда порождало в его среде противоположные типы общественного сознания и поведения: стремление к борьбе с эксплуатацией и социальным гнетом и склонность к примирению, приспособлению к ним. Уже на ранних стадиях развития рабочего класса первый тип обычно сочетался с коллективизмом и ярко выраженной враждебностью к хозяевам. Второй тип выражал индивидуализм и социальный конформизм. Последующее историческое развитие, видоизменив конкретные механизмы формирования этих «полярных» типов, отнюдь не сделало их достоянием прошлого. Мощным фактором укрепления и обогащения социального протеста масс стала пролетарская классовая идеология.

Формирующийся под влиянием этой идеологии рабочий-коммунист или активист боевого профсоюза наиболее последовательно воплощает классовое сознание пролетариата. Однако представителем сходного по системе социальных представлений и поведению психологического типа может выступить и пролетарий, не имеющий столь четких идеологических позиций.

«Надо пробить такую модель соуправления, — говорит западногерманский рабочий, — чтобы ты как рабочий не испытывал ежедневно, что тебе все время дают по физиономии. Затем профсоюз должен сделать так, чтобы отнять у работодателя дивиденды, т. е. пусть они остаются у кормушки, но получают не больше того, что необходимо для жизни»¹¹⁸. У этого рабочего нет социалистического мировоззрения, он не помышляет об устранении капиталистической собственности. Однако его наивно-утопическое требование лишить капиталистов прибылей и стремление добиться социального полноправия рабочих выражают классовую направленность его сознания, враждебность господствующему классу.

Иллюстрацией противоположного типа может служить позиция другого западногерманского рабочего — младшего десятника в небольшой фирме. Он голосует на выборах за христианских демократов, настроен враждебно к профсоюзам и забастовкам, вообще ко всем «левым». «Если бы моя зарплата, — говорит он, — упала бы до того уровня, который выторговал профсоюз, то я должен был бы со всем моим семейством паковать чемо-

даны. Все, что я получаю в качестве надбавок, дополнительных выплат и льгот, — все это по инициативе шефа»¹¹⁹.

Механизм социального конформизма здесь предельно обнажен. Это элементарный подкуп, цель которого состоит в том, чтобы привязать рабочего к фирме, поставив его в привилегированное положение по сравнению с основной массой членов данной социальной группы. Такой метод широко применяется и на крупных предприятиях (системы оплаты труда и продвижения, основанные на критериях «усердия» и «лояльности», установление помимо профсоюза уровня зарплаты, более высокого по сравнению с другими предприятиями района или отрасли, и т. д.)¹²⁰. Не случайно конформистский тип сознания и поведения наиболее характерен для мастеров и подобных им категорий низших администраторов, выдвинувшихся из рядовых работников. Такие формы подкупа нацелены на формирование слоя, аналогичного по своим функциям традиционной «рабочей» аристократии.

Подобные «полярные» психологические типы выявляются и в ходе массовых национальных опросов. Так, французские социологи Ж. Капдевель и Р. Мурио выделили на основании проведенного в 1969 г. опроса группы рабочих, враждебно относящихся к классовым организациям (14% опрошенных французских рабочих). Психологическая основа их позиций — установка на разрыв со своим классом: они надеялись, продвинувшись в рамках предприятия или создав «собственное дело», избежать судьбы рабочего. На противоположном «полюсе» находятся группы «активистов» и «солидаристов» (также составлявшие в совокупности 14% опрошенных рабочих). Они олицетворяют «коллективное сопротивление» власти капитала, из них выходят профсоюзные работники, они «идентифицируют себя с рабочим классом, принимают его культуру и историю». «Активисты» политически примыкали в основном к компартии или вообще к «левым», к классовым профсоюзам Всеобщей конфедерации труда; рабочие же, враждебно настроенные к профсоюзам, голосовали за правых, чаще всего за голлистов¹²¹.

Своего рода «подосновой» психологии «подкупленного» рабочего является неверие в силу своей социальной группы, в ее способность добиться большего, чем можно получить ценой полного подчинения хозяевам,

Еще Ф. Энгельс отмечал, что пролетарское положение ведет к деморализации части рабочих. Они «смирненно подчиняются своей судьбе, живут как честные обыватели, плывут по течению, не интересуются тем, что происходит на свете, помогают буржуазии еще крепче заковывать рабочих в цепи»¹²².

Не только подкуп, но и убеждение некоторой части трудящихся в собственном бессилии, невозможности изменить капиталистические порядки продолжают и в современных условиях питать конформистское, приспособительное сознание и поведение. В Великобритании представителей этого типа называют «почтительными» рабочими. Излагая высказывания одного из них, английские социологи Т. Никольс и П. Армстронг отмечают, что он убежден в слабости профсоюза, в невозможности эффективных коллективных действий в интересах рабочих. Он считает, что рабочие лишены достаточных способностей для принятия важных решений и поэтому руководить должны те, кто обладает деньгами и имеет образование. Этот рабочий никогда не сомневается, что «умные» имеют все права на получение высоких доходов¹²³.

Ж. Капдевьер и Р. Мурио описывают сходный по основным характеристикам тип сознания, определяя его как «маргинальный» (по отношению к классовым организациям пролетариата). Представители этого типа (14% опрошенных французских рабочих) отличались «странной покорностью судьбе», отсутствием стремления к продвижению, «всякие изменения представляются им угрожающими, они хотят сохранения существующего порядка, дисциплину предпочитают инициативе»¹²⁴.

Для «полярных» типов характерна относительная согласованность личных жизненных ориентаций, поведения на производстве, идейно-политических позиций.

Так, «подкупаемым» конформистам присущ карьеризм либо стремление к повышению индивидуального материального статуса — индивидуалистические ориентации, нацеленные на выделение из своей социальной группы, приверженность буржуазно-охранительной идеологии и политике. Рабочие, ориентирующиеся на борьбу с капиталистической эксплуатацией, каковы бы ни были их собственные жизненные цели и проекты, психологически связывают свои личные судьбы с «коллективной силой» своего класса: они участвуют в классовых организациях и классовой борьбе, а во многих случаях, становясь актив-

вистами рабочего движения, принимают последовательно классовую жизненную ориентацию. Политически и идеологически они примыкают к силам, представляющим интересы рабочего класса (конечно, в той форме и мере, которые обусловлены масштабами их собственного общественно-политического кругозора и особенностями обстановки в стране, национальной политической культуры, партийной структуры и т. п.). Идеологический и политический выбор, осуществляемый представителями «полярных» типов, служит осознанию и тем самым укреплению и развитию установок, сложившихся на психологическом уровне.

Значительная согласованность социальных представлений, жизненных ориентаций и поведения характерна и для «почтительных» конформистов. Пассивно-фаталистическому восприятию общественной действительности соответствуют «приспособительные», нацеленные на защиту «статус-кво» жизненные ориентации. По данным английского опроса рабочих автомобильной промышленности, для многих из них типично следующее высказывание: «Я просто приспособился к этому. Эта работа ужасна, но ее нужно выполнять. Что можно поделать?»¹²⁵ Тот же тип восприятия экстраполируется и на понимание возможностей и перспектив борьбы своего класса. «Люди, которые имеют в своей собственности средства производства, имеют и власть в нашем обществе. И тут уж ничего не поделаешь» (из высказываний западногерманских рабочих)¹²⁶.

Такое восприятие общественных отношений питает соответствующий тип политической ориентации: не имея активных, глубоко усвоенных идейно-политических позиций, «почтительные» рабочие нередко поддерживают консервативные силы, боясь нарушить «стабильность». Так, в Англии они голосуют за тори, во Франции около 1/3 представителей этого типа поддерживают буржуазные партии¹²⁷.

Развитие социального протеста трудящихся, экономической и политической борьбы рабочего класса расширяет психологию «почтительности», ориентацию на «статус-кво». Интересен в этом отношении пример ФРГ, где в 1967—1972 гг. доля рабочих, позитивно оценивающих способность «приноравливаться» к существующей действительности, к принятым «правилам и порядку», уменьшилась, по данным опросов, с 58 до 45%, а к 1975 г. вновь поднялась до 52%¹²⁸. Рост этой доли рабочих в

середине 70-х годов явно отражает реакцию на «вползание» страны в экономический кризис, вызвавший, как отмечали западногерманские марксисты, снижение боевой активности и уровня запросов трудящихся, прилив консервативных и индивидуалистических настроений¹²⁹.

Однако такого рода реакция на кризис носила в ФРГ, как и в других капиталистических странах, в значительной мере временный, конъюнктурный характер, и уже в 1978—1979 гг. в обстановке нарастающих экономических трудностей в стране произошел новый подъем забастовочного движения. Стачки этого периода отличались высоким уровнем боевой активности, организованности и дисциплины трудящихся (например, в металлообрабатывающей промышленности ФРГ забастовку поддерживали 85—90% рабочих и служащих), причем наличие массовой безработицы не снизило масштабы движения. Центральными требованиями большинства стачек было сокращение рабочего времени и гарантии занятости¹³⁰. Это один из многих фактов, показывающих необратимость тех сдвигов в психологии трудящихся, которые отражают осознание ими силы своего класса.

Вместе с тем под влиянием этих сдвигов усиливается противоречивость социальных представлений и поведения относительно широких слоев рабочего класса. Материалы многочисленных опросов и интервью свидетельствуют о том, что значительная часть, а в ряде стран, возможно, большинство рабочих и служащих выражают взгляды, в которых трудно выделить какую-либо преобладающую тенденцию. По данным опроса 1969 г., большая часть французских рабочих (58%) сочетала в своих воззрениях благоприятное отношение к организованной борьбе рабочего класса с представлениями, распространяемыми буржуазной пропагандой¹³¹. Другой общенациональный опрос, проведенный во Франции в 1976 г., обнаружил, что многие из опрошенных рабочих разделяли мнение о том, что «капиталисты озабочены в большей мере своими прибылями, чем условиями жизни их работников», и вместе с тем высказывали «благоприятное отношение к системе свободного предпринимательства в целом»¹³².

Западногерманские социологи, проводившие так называемые углубленные интервью с рабочими, отмечают, что в ходе бесед опрашиваемые постоянно переходили с одной позиции на другую «в зависимости от того, какая проблема обсуждается и какой интерес принимается во

внимание. . . Так, например, при определенном повороте разговора выдвигается требование обобществления предприятий, в другой же связи решительно защищается частная собственность. . . Почти соседствовать могут убеждение в законности «диких» забастовок и настойчивое подчеркивание нерушимости принципов права и порядка»¹³³.

Один из английских рабочих, опрошенных Т. Никольсом и П. Армстронгом, говорил: «Несправедливо, что они (капиталисты. — Г. Д.) должны извлекать деньги из моих усилий». И он же утверждал: «Они должны получать прибыль, чтобы руководить». Другой рабочий, выражая протест против власти эгоистичного «высшего класса», в то же время убежден, что «хозяин должен быть хозяином», он отрицательно относился к забастовочным действиям¹³⁴.

В целом создается впечатление, что такого рода противоречия оказываются как бы определяющей характеристикой особого типа сознания, в котором конформизм по отношению к существующей общественной системе уживается с протестом против нее. Противоречивость массового пролетарского сознания не новое явление в развитии рабочего класса. Ф. Энгельс еще в 40-х годах прошлого века констатировал существование в пролетарской среде двух противоборствующих психологических тенденций — покорности власти капитала и возмущения против нее¹³⁵. Эти тенденции уже тогда порождали «полярные» типы поведения и сознания. Они проявлялись также в стихийных колебаниях массовых настроений — в переходах «от воодушевления к отчаянию»¹³⁶. Организованное рабочее движение и пролетарская идеология значительно видоизменили формы проявления этих тенденций. Сформировались сознательная революционность масс, а также массовое тред-юнионистское и реформистское сознание.

Объективную основу противоречий пролетарского сознания образует опыт классовых отношений при капитализме. Этот опыт по природе своей противоречив: он способен одновременно внушать эксплуатируемому классу представления как о силе власти имущих, невозможности сопротивляться эксплуатации и подчинению, так и о необходимости коллективной борьбы против эксплуатации. Последовательно классовое и конформистское сознание основано на психологически противоположных «оценках» соотношения классовых сил; тред-юнионистское и реформистское сознание выражает в психологиче-

ском плане представление о возможности сопротивляться капиталистам, добиваться от них тех или иных уступок и одновременно — чувство бессилия перед их властью.

Особенность противоречий современного пролетарского сознания на психологическом уровне состоит в том, что противоположные ориентации не только «распределяются» по различным типам и различным преходящим состояниям массовой психологии, но и нередко сочетаются в одном и том же наличном сознании, оставаясь противоположными и взаимоисключающими, не подвергаясь взаимной «подгонке» и согласованию. Понимание факторов, обуславливающих данное явление, и его механизмов представляет существенный интерес для уяснения тенденций современного этапа развития массового пролетарского сознания.

Усложнение образа общества, отраженного в массовом сознании, во многом есть результат расширения интеллектуальных горизонтов пролетариев, развития их знаний. Говоря о деятельности революционной партии рабочего класса по внесению в массы классового политического сознания, В. И. Ленин подчеркивал, что оно «может быть принесено рабочему *только извне*, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам»¹³⁷. Современные общественные представления трудящихся развиваются в направлении познания более широкого, чем «сфера отношений рабочих к хозяевам», комплекса социальных связей и процессов. Внимание трудящихся привлекают развитие экономики в целом, деятельность по организации и управлению, приобретающая все большую роль в хозяйственной жизни капиталистических стран.

Зависимость положения трудящихся от функционирования капиталистической экономики, отражаясь в массовом сознании, всемерно раздувается и абсолютизируется буржуазной идеологией и пропагандой, они стремятся внедрить в сознание трудящихся такой образ общества, в котором различия между классами предстают как различия функциональные, а отношения между ними — как основанные на общности интересов.

Во время опроса, проведенного в 1976 г. среди наемных работников ФРГ, 39% полуквалифицированных рабочих, 43% квалифицированных и 46% рядовых служащих и чиновников согласились с мнением, что «конфликты между различными группами определяют общественную жизнь и что общего блага не существует».

Соответственно 43, 42 и 45% высказали противоположную точку зрения: «в большинстве сфер общественной жизни существует общее благо»¹³⁸. Среди последних, несомненно, много таких, у кого представление об «общем благо» выражает конформистский, «почтительный» тип сознания, вполне соответствующий дихотомному образу общества. Вот как, например, мотивирует гармонию интересов один западногерманский рабочий: «Верно, конечно, что богатство создается рабочими... Но не будь тех, других... не будь предпринимательского духа, честолюбия, и мы не могли бы работать... Каждый должен иметь место как раз в том классе, к которому он принадлежит»¹³⁹.

Однако в современных условиях установка на «общее благо» возникает не только из подобных иерархически-«почтительных» представлений. В исследовании, посвященном профсоюзным активистам английской сталелитейной промышленности, отмечается, что в их сознании противоречиво сочетаются представления о противоположности и общности классовых интересов. Веру в «общий интерес» рабочих и предпринимателей нередко порождает распространенное в рабочем классе (в том числе и у многих сознательных его представителей) мнение о зависимости материального положения трудящихся от экономического положения капиталистического предприятия, от состояния капиталистической экономики в целом¹⁴⁰.

Развитие национальной экономики подчинено в условиях современного капитализма интересам монополистической буржуазии, но в то же время оно объективно необходимо для реализации непосредственных материальных интересов рабочего класса. Именно поэтому компартии ряда капиталистических стран, как отмечает В. В. Загладин, «поставили вопрос о возможности участия в буржуазных правительствах своих стран не только до свершения социалистической революции, но и вне зависимости от наличия революционной ситуации». Смысл этого участия — «содействовать здоровому экономическому развитию своих стран и защитить права трудящихся»¹⁴¹.

Капиталистический менеджмент обслуживает систему эксплуатации, вместе с тем выполняет в извращенной этой системой форме общественно необходимую функцию управления экономикой. Трудности «освоения» массовым сознанием этого внутреннего противоречия современного

капиталистического общества порождают возможность гиперболизации отдельных его сторон.

Современный уровень интеллектуального развития рабочего класса формирует у него потребность в рациональном осмыслении общественной деятельности. И эта потребность, и новый социальный опыт масс делают все менее возможным такой тип отражения действительности, который основан на простой экстраполяции на все ее уровни эмпирически воспринимаемых классовых отношений, существующих в капиталистическом производстве. Массовое сознание стремится освоить явления, выходящие за пределы непосредственного опыта, но в процессе этого освоения такие явления нередко отрываются от отношений эксплуатации и антагонизма, теряют связь с ними. Данная ситуация выражает специфическое состояние массового сознания: оно уже способно выделять процессы, происходящие вне сферы отношений «рабочих и хозяев», но еще не освоило научных знаний, позволяющих осмыслить взаимосвязь различных уровней и сфер общественной действительности.

Такие знания может дать массам только марксистско-ленинская теория, за внесение которой в массовое сознание ведут упорную борьбу коммунисты капиталистических стран. Борьба эта сопряжена в условиях капитализма с громадными трудностями, и, пока коммунистам не удастся решить данную задачу, сохраняется возможность для «улавливания» новых интеллектуальных потребностей масс буржуазными идеологами. В результате представления и знания, почерпнутые ими из практики антагонистических отношений на производстве и из восприятия — через посредство буржуазных средств массовой информации — более отдаленных от непосредственного опыта сфер, нередко механически наслаиваются друг на друга, образуя внутренне противоречивый конгломерат.

Стремление рабочих к более широкому обобщенному познанию социального мира подчас выдается за отрицание их классового сознания. Характерна в этом отношении концепция А. Турена, который считает, что по мере становления «индустриального общества» принцип классового антагонизма в сознании рабочих вытесняется «принципом тотальности», представлением об обществе как едином целом¹⁴². В данном утверждении абсолютизирована реальная тенденция массового пролетарского сознания: отражение в нем все более широкого круга

взаимосвязей, образующих единство, целостность общественного организма, познание собственного класса как органической части этого единства.

Капиталистическое общество как социальная система представляет собой диалектическое «единство противоположностей». И если в массовом сознании адекватно не отражается эта диалектика капитализма в виде целостного образа общества, то она отражается в его внутренней противоречивости. Это отнюдь не равнозначно размыванию сознания классового антагонизма, которое, как свидетельствуют многочисленные факты, вновь и вновь воспроизводится отношениями капиталистической эксплуатации, практикой классовой борьбы пролетариата.

Опросы, проводимые среди различных национальных и профессиональных групп пролетариата, неизменно показывают, что большинство опрошенных в той или иной форме сознают противоположность интересов собственников производства и трудящихся. Своекорыстие эксплуататоров, их стремление нажиться за счет трудящихся, несправедливость распределения общественного богатства осознаются широкими массами рабочего класса США, Великобритании, Франции, ФРГ и других капиталистических стран, трудящимися «процветающих» и приходящих в упадок отраслей, высококвалифицированными и не имеющими квалификации работниками, обладающими разным уровнем дохода. Доля опрошенных, высказывающих такие мнения, как правило, превышает половину, а во многих случаях достигает 70—80% ¹⁴³.

Ярким примером современного противоречия массового пролетарского сознания служит так называемое социально-партнерское сознание в ФРГ, глубоко исследованное западногерманскими марксистами и советским историком В. П. Иерусалимским ¹⁴⁴. Идея «социального партнерства», много лет внедрявшаяся в сознание западногерманского рабочего класса как откровенными апологетами капитализма, так и реформистами, несомненно, оказывает на него определенное влияние. Установки на сотрудничество трудящихся и предпринимателей, по оценкам марксистских авторов, разделяет в той или иной форме большинство рабочих и служащих ФРГ ¹⁴⁵.

Как показало проведенное в 1976 г. эмпирическое исследование взглядов низового профсоюзного актива, преимущественно позитивное отношение к социальному партнерству выражает около половины (48,7%) этой части западногерманского рабочего класса. В то же вре-

мья большинство профсоюзных активистов, стоящих на этих позициях, высказались за жесткие методы стачечной борьбы (70,3%), за национализацию ключевых отраслей экономики и монополистических предприятий (54,1%). Они составили более 1/3 опрошенных, высказавшихся за развитие ФРГ «в направлении социализма». Многие же активисты, принимая идеи «социального партнерства», тем не менее считают, что сотрудничество между капиталом и трудом невозможно из-за отношений капиталистической эксплуатации¹⁴⁶.

Так же противоречиво выглядят данные общенациональных опросов в ФРГ об отношении трудящихся к забастовочной борьбе. Несмотря на широкое распространение «социально-партнерских» идей, число трудящихся, признающих забастовку необходимым средством отстаивания своих интересов, растет: после снижения в первый период экономического кризиса оно повысилось к 1979 г. до 74%. В 1982 г. за забастовку как средство борьбы высказались 85% членов профсоюзов, а также 78% трудящихся 19—30 лет и 70% — 31—60 лет. Доля трудящихся, готовых или, «возможно, готовых» принять участие в забастовке, возросла с 59% в 1970 г. до 69% в 1978 г.¹⁴⁷

Видимо, в «социально-партнерских» представлениях трудящихся ФРГ находит выражение ориентация на своего рода «конфликтное сотрудничество», т. е. стремление совместить капиталистические механизмы и стимулы экономического развития страны с обеспечением интересов рабочего класса и его участием в управлении экономикой.

Такое же стремление проявляется в рабочем классе других капиталистических стран. Так, 41% рабочих и 58% служащих итальянских заводов фирмы ФИАТ считают, что «сотрудничество между трудящимися и предпринимателями необходимо, поскольку оно идет на благо всем»; 33,3% рабочих и 27,3% служащих полагают, что «оно возможно в рамках коллективно-договорных отношений», а 25,6% первых и 14,7% вторых отрицают возможность классового сотрудничества «в силу противоположности интересов». При этом сторонниками сотрудничества являются 40—41% избирателей Итальянской коммунистической партии¹⁴⁸. Иными словами, у значительной части трудящихся крупнейшего итальянского промышленного предприятия, имеющих большой опыт классовой борьбы, ориентация на сотрудничество с ка-

питалистами сочетается с пониманием необходимости организованной борьбы за свои интересы (результаты которой закрепляются в коллективных договорах) и с классовыми политическими позициями.

Противоречивое сознание усваивает, таким образом, идеи, восходящие к различным, даже противоположным идеологическим системам. В результате его противоречия воспроизводятся на идеологическом уровне.

Развитие потребностей масс усиливает и углубляет их конфликт с капиталистической системой, но расширение их опыта, повышение интеллектуального уровня углубляют понимание ими реальной сложности проблем общественной жизни и ее преобразования. Их внимание все больше привлекают возможные последствия тех или иных мер, направленных против власть имущих, как для их собственного положения в настоящем и будущем, так и для общества в целом — для состояния экономики, социальных отношений, политической системы. Иными словами, стремление понять взаимосвязи многообразных общественных процессов и явлений порождает у трудящихся потребность в научно обоснованном, конкретном познании возможной альтернативы существующему положению вещей. Один из рабочих завода «Альфа-Ромео» так сказал корреспонденту газеты «Унита»: «Наша (рабочая. — Г. Д.) политика должна быть интеллектуальной»¹⁴⁹.

Во многих случаях развитие такого рода потребностей связано с высоким уровнем классового сознания. Наиболее активных, классово сознательных представителей современного пролетариата все в большей мере отличает стремление к знаниям, высокий уровень интеллектуального и культурного развития, широта и разносторонность интересов.

Так, западногерманский исследователь-марксист Г. Вернер установил, что среди профсоюзных активистов, разделяющих, по его классификации, «классовые взгляды», 41% регулярно читают художественную, общественно-политическую и специальную литературу, 52% посещают театры, концерты, выставки. Среди опрошенных активистов, чье сознание сформировано под влиянием «клише господствующей идеологии», ни один не ходит в театры и т. д. и только 12% читают литературу¹⁵⁰.

Проведенное в 1978 г. исследование сознания и политического поведения финских рабочих-судостроителей

показало, что рабочие — сторонники компартии обладают в большинстве своем более высоким уровнем знаний по сравнению с избирателями социал-демократической и буржуазных партий¹⁵¹.

В Италии избиратели компартии значительно превосходят по своему образовательному уровню избирателей наиболее крупной буржуазной партии — ХДП, а $\frac{4}{5}$ членов ИКП имеют среднее и высшее образование, приобретенное ими в чрезвычайно трудных условиях (большинство их вышло из малообеспеченных и малообразованных слоев; такой же уровень образования имели только 9,6% отцов членов ИКП)¹⁵².

Возможно, что именно рост интеллектуального и культурного уровня части рабочего актива является одним из факторов явного усиления антикапиталистических тенденций в некоторых звеньях реформистских партий и профсоюзных организаций ряда капиталистических стран. Характерно, что основным носителем этих тенденций является, например в ФРГ и Великобритании, не столько относительно пассивная масса рядовых членов профсоюзов и избирателей социал-демократических партий, сколько низовые профсоюзные и партийные активисты, молодые, более образованные члены партий. Очевидно, вовлеченность в общественно-политическую жизнь, часто совпадающая с относительно высоким уровнем интеллектуального развития и интересов пролетариев, становится в современных условиях все более существенным фактором радикализации сознания, выхода из-под влияния оппортунистически-реформистских установок.

7. Динамика массового политического сознания рабочего класса

Нынешний уровень политического сознания пролетарской массы в целом отстает от уровня практической борьбы рабочего класса, развития его протеста против капиталистических отношений.

Подавляющее большинство рабочих и служащих различных капиталистических стран ощущают необходимость общественно-политических изменений, но в основном выбирают реформистский путь таких изменений.

Этот вывод подтверждается данными о партийной ориентации различных отрядов рабочего класса. При всех межнациональных различиях большинство рабочих и служащих в капиталистических странах голосуют на выбо-

рах за социал-демократические и буржуазные партии¹⁵³.

Вопреки распространенным на Западе представлениям отношение пролетарской массы к политике отнюдь не характеризуется индифферентностью. Общий рост социальных требований масс, происходящий в условиях политизации всех уровней социально-экономической жизни, выражается и в повышении уровня требований к политике, к деятельности государства. Возрастает интерес масс к политическим явлениям и процессам. Современный опыт политической жизни капиталистических стран укрепляет в массах убеждение о тесной связи сил, господствующих в политике, с силами, господствующими в экономике.

Так, меньшинство (42%) опрошенных в 1971 г. американских рабочих высказали мнение, что государственная политика отражает интересы многих групп и не отдает предпочтения ни одной из них. 32% полагали, что политика отражает интересы большого бизнеса, 22% — «коалиции экономической, военной и политической элит», 80% считали, что «закон благоприятствует богатым», 48% согласились с идеей, что «Америка нуждается в новой политической партии, исходящей из интересов рабочих людей»¹⁵⁴. В 1981 г. за создание самостоятельной рабочей партии высказалось 56% опрошенных американских рабочих-сталелитейщиков¹⁵⁵. В ФРГ в 1975 г. 54% рабочих-станочников, 40% высококвалифицированных рабочих и 30% конторских служащих согласились с мнением о том, что в конечном счете все в политике определяет капитал. Настоящая демократия может развиваться только после того, как исчезнут капиталисты¹⁵⁶.

Таким образом, значительной части трудящихся присуще критически-оппозиционное отношение к буржуазной и социал-реформистской политике. Однако это отношение не ведет у большинства трудящихся к формированию или принятию активных политических позиций, соответствующих их оппозиционным настроениям. Наиболее явное и массовидное выражение этих настроений — рост отчуждения от политики, недоверие к партиям и государству, неучастие в выборах и тому подобные явления.

В целом создается впечатление, что, ощущая потребность в существенных политических переменах, многие трудящиеся не в состоянии найти удовлетворяющую их альтернативу курсу правящих в обществе сил. Именно по этой причине их политические ориентации и поведение принимают в значительной мере инерционный харак-

тер, противоречат их актуальному опыту и социальным представлениям, как бы подчиняются привычным, унаследованным от прошлого стереотипам. Как отмечает Б. Н. Пономарев, «буржуазия, находясь у власти, опирается на свои господствующие экономические позиции, на вездесущий, охватывающий все сферы жизни общества бюрократический государственный аппарат, на гигантскую пропагандистскую машину, наконец, на силу вековых традиций, на «социальную инерцию», которая до поры до времени сковывает политическую активность трудящихся, удерживает их в колее буржуазной идеологии и политики»¹⁵⁷.

Одним из возможных проявлений такой «инерции» можно считать влияние консервативно-националистической идеологии и политики на те слои рабочего класса, которые по своему психологическому настрою не принадлежат ни к «подкупленным», ни к «почтительным». Так, для американских рабочих, поддержавших на президентских выборах 1968 г. кандидатуру махрового реакционера и расиста Уоллеса, было характерно представление о том, что рабочий человек оказывается «забытым» в американском обществе. Социальное недовольство этих рабочих приняло форму, predetermined индивидуалистическими и расистскими традициями американского сознания: причину своих бед они видели, в частности, в правительственных социальных программах, нацеленных на оказание помощи неграм и беднейшим слоям населения¹⁵⁸.

Социальное недовольство, выражаемое в реакционном или консервативном политическом поведении, нельзя считать наиболее распространенной формой проявления конформных ориентаций. Гораздо чаще воздействие этих ориентаций обусловлено низким уровнем политической осведомленности¹⁵⁹, превращающим человека в легкую «добычу» средств массовой информации. Так, французская служащая, постоянно голосующая за правые партии, настроенная враждебно к рабочему движению, осуждающая правительство за «чрезмерные» уступки профсоюзам, не смогла сколько-нибудь ясно выразить свое отношение к конкретным политическим вопросам. «Я не знаю, — говорила она, — не могу ответить... В доме почти не читают газет». В то же время она недовольна тем, что правительство недостаточно заботится о пенсионерах, об обеспечении занятости, одобряет такие завоевания рабочего движения, как оплачиваемые отпуска. Со-

вершено очевидно, что основные источники политических взглядов этой женщины — механически усвоенные обрывки представлений, распространенных в определенной социальной среде, и стереотипов телевизионной пропаганды (ей нравился В. Жискар д'Эстэн, потому что он был похож на ее брата!) ¹⁶⁰.

Американский социолог Р. Ботч, интервьюировавший рабочих мебельной фабрики в маленьком городке штата Северная Каролина, обнаружил, что они совершенно не ощущают связи между проблемами, которые их затрагивают, и политикой ¹⁶¹. В других случаях сила идейно-политической традиции поддерживается мировоззрением личности. Например, традиционно правые политические позиции характерны для многих религиозных трудящихся, особенно католиков.

В целом масса сторонников буржуазных политических сил из пролетарской среды в социально-психологическом отношении достаточно разнородна. Сюда относятся люди, глубоко впитавшие «почтительное» отношение к существующей системе власти; политически индифферентные трудящиеся, принимающие формы поведения, навязываемые им буржуазной пропагандой; наконец, те рабочие и служащие, которые пытаются соединить консервативные представления с ориентацией на защиту своих классовых интересов, всерьез воспринимают современные буржуазные партии (ХДС — в ФРГ, ХДП — в Италии, партию голлистов — во Франции) как «общенародные», способные якобы осуществлять социально-прогрессивную политику.

Рост социального недовольства и социальных требований рабочего класса обостряет противоречие между политическими ориентациями многих консервативно настроенных трудящихся и их восприятием капиталистических общественных отношений. Очевидно, это противоречие явилось причиной того сдвига влево, который характеризовал эволюцию политических взглядов избирателей-пролетариев в конце 60-х — первой половине 70-х годов (а в ряде стран происходил и в последующий период). Характерно, что этот процесс охватил немалую часть религиозных трудящихся. Так, в ФРГ на выборах 1972 г. за СДПГ впервые проголосовало абсолютное большинство рабочих-католиков ¹⁶². Во Франции в 70-х годах происходил массовый приток активистов религиозных организаций в Социалистическую партию. Накануне парламентских выборов 1973 г. лишь 1/3 католиков заявила,

что христианская вера играет значительную роль в их профессиональной, профсоюзной и политической жизни¹⁶³. Влияние социально-групповых консервативных традиций на политическое сознание и поведение трудящихся ослабевает, что особенно заметно на примере рядовых служащих. В последние десятилетия в ряде стран — в Великобритании, ФРГ, Франции, Японии и др. — наблюдается массовый и устойчивый, хотя и медленный, переход служащих от правых к левым, главным образом социал-демократическим и социалистическим партиям.

У тех рабочих и служащих, которые поддерживают социал-демократические партии, реформистские установки в политике в большей или меньшей мере соответствуют «компромиссной» позиции по отношению к капиталистической общественной системе; они одновременно и принимают, и отвергают ее, но при этом не хотят и опасаются крутой ломки существующего строя. Их политический выбор отражает известный уровень развития классового сознания: они считают, что социал-демократия более близка к «простым людям», чем буржуазные партии, и в той или иной степени защищает интересы рабочего класса.

В то же время представление рабочих о социал-демократии вполне реалистично: в целом она часто воспринимается как часть господствующей общественно-политической системы, обладающая некоторой спецификой по сравнению с консервативными политическими течениями, но не стоящая в оппозиции к существующим отношениям. Рабочие, мотивирующие свою поддержку социал-демократии «классовыми» соображениями, оценивают ее деятельность в весьма умеренных тонах: «партия, которая хоть немного думает о нас» (западногерманский рабочий о СДПГ)¹⁶⁴; партия, которая способна «дать немного больше» трудящимся (английские рабочие о лейбористской партии)¹⁶⁵.

Другая часть западногерманских и английских трудящихся хотя и голосует за социал-демократов, но считает, что они перестали быть рабочей партией. Эти избиратели в своем политическом выборе руководствуются представлениями о приоритете «общенациональных» интересов над групповыми, для них социал-демократия — это просто «хороший управляющий»¹⁶⁶.

И в том и в другом случае мотивы поддержки социал-демократии не особенно отличаются от тех, которыми

руководствуются многие сторонники буржуазных партий, например американские рабочие, голосующие на выборах за демократическую партию, поскольку она, в их представлении, является «меньшим из двух зол»¹⁶⁷. И даже если в этих мотивах выражается чувство солидарности («рабочий класс держится вместе и голосует за лейбористов!»¹⁶⁸), то такой политический выбор все же является скорее результатом следования определенному стереотипу, традиции социальной среды, чем сознательной поддержкой идеологии и политики социал-демократии.

Таким образом, реформистская политическая ориентация и соответствующее ей политическое поведение оказываются неспособными выразить антикапиталистические тенденции в сознании современного рабочего класса, его оппозицию политике государственно-монополистического капитализма. В среде членов и избирателей социал-демократических партий, в их пролетарском активе развиваются течения, направленные против установок и практики правой социал-демократии, против антирабочих аспектов ее социально-экономического курса, пронатовских, противоречащих интересам мира и разрядки компонентов внешней политики. Эти течения свидетельствуют об углубляющейся идейно-политической дифференциации социал-демократии, следствием чего является рост левых фракций в социал-демократических партиях ряда стран.

Так, среди молодых (вступивших в партию в 1970 г.) западногерманских социал-демократов 34% не исключают для себя возможности голосовать за партию «слева от СДПГ»¹⁶⁹. Для младшего поколения рабочих-активистов партии в целом характерно критическое отношение к ее официальной политике¹⁷⁰. Сходные настроения звучат и в опубликованных Х. Дженкинсом интервью с рядовыми членами лейбористской партии Великобритании. «Если бы они (лейбористские лидеры. — Г. Д.), — говорит 28-летняя лейбористка из Патни, — проявили такую же решимость в борьбе за социализм, как и рядовые члены партии; если бы они без околичностей заявили, что являются социалистами и выступают за трансформацию общества не через сто лет, а рассматривают ее как практическое решение неотложных проблем, то они получили бы поддержку»¹⁷¹. В группе английских рабочих — участников забастовочного движения, опрошенных в 1972 г., подавляющее большинство голосовало за лейбо-

ристскую партию, но из них 60% считали, что для простых людей нет существенной разницы между лейбористским и консервативным правительством¹⁷².

Эти данные показывают, что для общественно-политического сознания и поведения значительной части реформистски ориентированных трудящихся характерно то же противоречие, которое присуще сознанию консервативно настроенных пролетариев. Разница лишь в том, что у первых оно выражено более резко: непосредственный опыт общественно-политических отношений толкает их к оппозиции реформизму, но в то же время их ориентация и реальное поведение в партийно-политическом плане не выходят за реформистские рамки. Субъективный настрой на разрыв с реформизмом, переход на принципиально иные, «более левые» позиции в большинстве случаев не реализуются.

Перспективы развития политического сознания рабочего класса неразрывно связаны с проблемой массового влияния коммунистических партий, представляющих собой единственную силу, действительно противостоящую буржуазной и реформистской политике. Рассмотренные выше сдвиги в сознании масс, их растущая оппозиционность государственно-монополистическому капитализму — это в большой мере результат идеологической и политической работы коммунистов. Оценивая итоги деятельности компартий развитых капиталистических стран в 70-х годах, В. В. Загладин отмечает: «В огромной мере именно под влиянием коммунистов, в результате их деятельности в этих странах постепенно складывается качественно новое положение, своего рода равновесие социально-политических сил. Буржуазия ныне, как правило, уже не может сломить рабочий класс, заставить его сдать все свои позиции. Рабочий же класс в свою очередь, защищая завоеванное, еще не может сломить буржуазию, не может пока добиться серьезного, качественно значимого продвижения вперед. Это очень сложное, внутренне противоречивое положение, предполагающее дальнейшую активизацию борьбы, поляризацию участвующих в ней сил, острые стычки между ними. Но в целом ныне сложившуюся ситуацию нельзя не расценить как серьезный успех левых, демократических сил, успех, достигнутый в непростой обстановке, а потому особенно ценный»¹⁷³.

В странах, где коммунистические партии являются массовыми и где разворачивается борьба за глубокие общественные преобразования, широкие слои рабочего

класса сознательно разделяют идеалы социализма. Так, во Франции, например, в 1977 г. 61% рабочих и 51% служащих — сторонников союза левых сил — высказались за установление социалистического строя¹⁷⁴. В Италии в 1970 г. — 8%, в 1976 г. — 13%, а в 1981 г. — уже около 25% опрошенных высказались за революционное преобразование общества¹⁷⁵. Но и в тех капиталистических странах, в которых компартии еще не добились массового влияния, деятельность коммунистов в рабочем и других демократических движениях является важным фактором развития классового сознания трудящихся.

Очевидны вместе с тем и те громадные трудности, с которыми сопряжена работа компартий по расширению своего влияния в рабочем классе, по внесению социалистической идеологии в массовое сознание. Это связано прежде всего с антикоммунистической и антисоветской пропагандой, с ее воздействием на сознание трудящихся капиталистических стран.

На условиях работы компартий сказываются и противоречия самого массового сознания. Советские исследователи проблем современного коммунистического движения, коммунисты развитых капиталистических стран отмечают, в частности, характерное для той или иной части масс противоречие между их общественными идеалами и политическим поведением. «Нам не удалось убедить голосовать за коммунистов, — констатировал, например, после выборов 1979 г. Генеральный секретарь Компартии Великобритании Г. Макленнан, — даже многих из тех избирателей, которые были согласны с политикой КПВ»¹⁷⁶. «В большинстве стран Запада, — отмечает В. В. Загладин, — рядовой избиратель, даже тот, которому в целом импонирует программа компартии, ее идеи, пока еще не надеется на такие сдвиги в развитии общества, в результате которых коммунисты стали бы крупной силой в парламенте и смогли бы осуществить серьезные изменения в пользу масс»¹⁷⁷.

Коммунистические партии преодолевают подобные трудности, стремясь внести в массы конкретные, научно обоснованные представления о целях и средствах коренных общественных преобразований, используя богатый опыт реального социализма, раскрывая преимущества социалистического строя, определяющие тенденции его развития и совершенствования.

Работа коммунистических партий капиталистических стран в массах — это большая тема, требующая специ-

ального исследования¹⁷⁸. Анализ тенденций общественной психологии и политического сознания современного пролетариата позволяет лучше понять те условия, в которых развертывается массовая идеологическая и политическая работа коммунистов, характер стоящих перед ними проблем. Этот анализ, как и опыт политической борьбы, показывает, что в развитых капиталистических странах зреют новые предпосылки для революционизирования широких пролетарских масс. Реализация этих предпосылок зависит от деятельности коммунистических партий, от их работы по развитию массовой борьбы за глубокие общественные преобразования. Только такая борьба может преодолеть колебания, нерешительность, пассивность некоторых слоев трудящихся масс, внушить им веру в возможность осуществления их стремлений и идеалов.

8. Психология рабочего класса в условиях обострения кризиса капитализма

В предшествующих разделах главы рассмотрены тенденции и процессы, характеризующие развитие сознания рабочего класса на протяжении относительно длительного периода — нескольких послевоенных десятилетий. Наряду с этим в современных условиях актуальное значение приобретает вопрос о том воздействии, которое оказывает на формы проявления этих тенденций, на сознание трудящихся в целом экономическая и политическая ситуация, сложившаяся в капиталистическом мире во второй половине 70-х — начале 80-х годов. В эти годы резко обострились кризисные явления в экономике: циклические кризисы перепроизводства сочетаются с постоянно низкими (нередко «нулевыми») темпами роста производства, с долговременным возрастанием массовой безработицы¹⁷⁹ и инфляцией, с ограничением покупательной способности трудящихся или ее снижением. «Все яснее становится, — говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — империализм неспособен справиться с социальными последствиями небывалой по глубине и масштабам научно-технической революции, когда миллионы и миллионы трудящихся обрекаются на безработицу, на нищету»¹⁸⁰.

Экономическому кризису сопутствует ослабление реформистских и усиление правоконсервативных тенденций в политике империализма, а с конца 70-х годов — воз-

растание агрессивности его внешнеполитического курса, вызвавшей торможение процесса разрядки, новое обострение международной напряженности.

Для трудящихся капиталистических стран кризис означает прежде всего резкое усиление неустойчивости их положения на производстве, жизненного уровня и потребления, социального статуса. Психологические реакции на эту ситуацию, ее воздействие на общественное и политическое поведение трудящихся неоднородны: они обусловлены и неодинаковым влиянием кризиса на положение различных слоев рабочего класса, и типами тех ценностных, социальных и политических ориентаций, которые сложились еще в докризисный период. По справедливому замечанию западногерманского марксиста И. фон Хайзелера, под воздействием кризиса развивается одновременно критическое и зависимое сознание¹⁸¹. Для оценки динамики психологии, сознания рабочего класса, проблем и перспектив современного рабочего движения первостепенное значение имеет понимание источников, механизмов и соотношения обеих этих тенденций.

Одно из наиболее существенных социальных последствий экономических кризисов состоит в том, что они ухудшают условия продажи рабочей силы и тем самым объективно ослабляют позиции рабочего класса в борьбе за насущные социально-экономические интересы. Растущая безработица усиливает конкуренцию между рабочими — явление, анализировавшееся еще К. Марксом, — снижает эффективность забастовочных выступлений. В социально-психологическом плане подобные факторы могут ослаблять внутреннюю сплоченность пролетариата, ощущение им своей силы, негативно воздействовать на уровень его классового сознания. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, действие таких факторов может вести к росту социального протеста масс, к их объединению в борьбе против последствий кризиса, перерастающей в массовые политические движения за изменение существующих порядков (такими были в ряде капиталистических стран последствия «великой депрессии» конца 20-х — начала 30-х годов).

Противоречивые последствия кризиса дополняются в современных условиях некоторыми специфическими обстоятельствами. Главное из них — связь кризиса с научно-технической революцией, с вызванными ею структурными сдвигами в производстве. Эти сдвиги усиливают различия в положении и непосредственных интересах от-

дельных групп трудящихся: тех, кто занят в сферах экономики и имеет профессии, в которых происходит и будет происходить процесс сокращения рабочей силы, и тех, кто связан с новыми, растущими отраслями, производит и обслуживает новейшую технику (например, электроника и микроэлектроника, военная промышленность и т. д.). Рабочие и служащие наиболее массовых профессий в добывающей, металлургической, ряде отраслей обрабатывающей промышленности, в конторском деле испытывают растущее ощущение неустойчивости своего места на производстве, материального и социального положения; они пополняют армию безработных.

В еще более широких масштабах эти процессы воздействуют на людей, не имеющих профессий: на молодежь, окончившую школу и не находящую себе места на производстве¹⁸², на женщин, доля которых в составе рабочей силы в предшествующий период резко возросла; на трудящихся-иммигрантов и представителей этнических меньшинств. Рабочие, служащие, техники, обладающие современной квалификацией, более уверены в стабильности своего профессионального статуса и в своем будущем, что не может не сказываться на их социально-психологическом настрое, на уровне их потребностей и ожиданий¹⁸³. Неопределенность перспектив экономического развития общества, растущие инфляция и дороговизна беспокоят самые широкие слои рабочего класса, но возросшая разнородность положения и непосредственных интересов различных его групп создают почву для неоднозначных и даже противоположных реакций на подобные явления. Например, подавляющее большинство французских рабочих, опрошенных в феврале 1983 г., придавали первостепенное значение таким требованиям, как сохранение покупательной способности (91%) и гарантия занятости (88%), а их ответы на более конкретные вопросы, относящиеся к их социально-экономическому положению, не отличались таким единодушием. Так, 51% опрошенных определили свою покупательную способность как стабильную или растущую, а 47% заявили, что она уменьшается. 34% опрошенных были сильно обеспокоены угрозой безработицы, а 38% не испытывали никаких опасений потерять работу¹⁸⁴.

Сочетание относительно «благополучного» социально-экономического положения определенных групп трудящихся с порождаемым атмосферой кризиса страхом перед ухудшением этого положения нередко питает настро-

ения своего рода «группового эгоизма», корпоративизма, негативного отношения к беднякам и безработным, якобы отнимающим у этих групп часть их заработков¹⁸⁵. Усиливающаяся конкуренция, борьба за рабочие места используется реакционными политическими кругами для насаждения индивидуализма и антидемократических взглядов, для раздувания шовинистических настроений, враждебности к трудящимся-иммигрантам. Эта пропаганда оказывает влияние на определенную часть трудящихся. 31% опрошенных в 1983 г. западногерманских безработных заявили, что «большинство иностранцев должны вернуться домой», а 42% согласились с мнением: «мы нуждаемся в сильном человеке, который навел бы спокойствие и порядок»¹⁸⁶. Во Франции на частичных муниципальных выборах осенью 1983 г. и «европейских» выборах в июне 1984 г. ультраправый «Национальный фронт», выступивший под лозунгами: «Работу молодым французам, а не иммигрантам!», «Франция и французы в первую очередь!» — смог набрать 10—17% голосов в нескольких промышленных центрах парижского района.

«Кризис, — подчеркивается в резолюции XXIV съезда ФКП, — носит всеобщий, но неравномерный характер. Повсюду он насаждает одновременно и разобщенность, и солидарность. Основное противоречие между трудящимися и крупным капиталом, многими воспринимаемое как нечто далекое и абстрактное, затухает в условиях кризиса многочисленными конфликтами, по существу фиктивными, но хорошо осязаемыми и каждодневными: между теми, кто вынужден регулярно отмечаться на бирже труда, и теми, у кого есть работа; между теми, кому приходится зарабатывать на жизнь, временно замещая других или перебиваясь случайными заработками, и теми, у кого постоянное место с соответствующими гарантиями; между неквалифицированными рабочими и инженерами, техниками и служащими; между теми, кому открыт доступ к культуре и образованию, и теми, у кого его нет; между населением различных регионов, между иммигрантами и французами, между молодежью и взрослыми, между женщинами и мужчинами»¹⁸⁷.

Подобные «фиктивные, но хорошо осязаемые» конфликты ослабляют связи трудящихся с рабочим движением, восприятие его как силы, выражающей их общие классовые интересы. Падение численности членов профсоюзов в ряде капиталистических стран и рост антипрофсоюзных настроений в рабочей среде, фиксируемый опро-

сами, тесно связаны с этими тенденциями массового сознания. Понятно, что это в известной мере облегчает воздействие на трудящихся буржуазно-консервативных идей об «общности интересов» труда и капитала в преодолении кризиса, утверждений о том, что именно частный бизнес, освобожденный от опеки государства и помех, чинимых ему профсоюзами, способен якобы вывести экономику из кризиса.

Кризис оказывает противоречивое воздействие на динамику потребностей трудящихся. Имеется немало данных, показывающих, что в условиях кризиса продолжается развитие рассмотренных выше тенденций, выражающих стремление трудящихся к социальному равенству, к содержательному, творческому труду. Так, во французских исследованиях отмечается, что кризис не затормозил ни желания иметь интересную работу, ни снижения удельного веса таких ценностей, как заработок и карьера. Если в 1974 г. 40%, то в 1980 г. — только 30% опрошенных французов считали главной жизненной целью экономическую обеспеченность¹⁸⁸. В США за время с 1973 по 1977 годы с 43 до 32% снизилась доля рабочих и служащих, считающих свою работу интересной, и возросла доля не удовлетворенных содержанием своего труда¹⁸⁹. По данным исследования, проведенного в 1979 г., 40% работающих американцев предпочитают «более творческую жизнь» материальному благосостоянию¹⁹⁰. Об усилении в рабочем классе ориентации на творческую трудовую деятельность свидетельствуют также некоторые исследования, проведенные французскими и итальянскими социологами, которые показывают, что среди служащих и квалифицированных рабочих падает интерес к «карьере» на предприятии, продвижению по иерархической лестнице они все чаще предпочитают совершенствование в своей профессии и «автономию в труде»¹⁹¹. Вместе с тем, поскольку в обстановке кризиса реализация подобных потребностей стала еще более трудной, шире распространились искаженные формы их проявления.

Возросшие запросы масс, их стремление сделать свою жизнь более содержательной в условиях кризиса натолкнулись на особенно сильное сопротивление всей общественной системы. В обстановке дезориентации, неясности для части трудящихся перспектив и путей выхода из кризиса уход от реальной производственной и общественной жизни оказался для многих единственно

доступным способом защитить свою личность, свои духовные ценности и идеалы.

К концу 70-х годов у трудящихся заметно возрастает значение таких ценностей, как семья, досуг. В Швеции доля опрошенных, заявивших, что для них внеуродовая жизнь важнее труда, увеличилась по сравнению с 50-ми годами с 67 до 83 %, в ФРГ по сравнению с 60-ми годами — с 36 до 56 %. Во Франции большинство опрошенных в 1978 г. рабочих заявили, что если бы их свободное время увеличилось, они посвятили бы его семейной жизни¹⁹².

Подобные данные отражают смещение интересов части масс в сферу частной жизни, ограничение социальных связей и отношений личности узким кругом семьи, ближайших друзей и знакомых. Все, что выходит за пределы этого круга — работа, общественная жизнь, политика, — воспринимается как нечто чуждое подлинным стремлениям и идеалам человека, как «внешняя среда», с требованиями которой приходится считаться (чтобы зарабатывать на жизнь, гарантировать себя от всякого рода «неприятностей»), но отнюдь не пытаться изменить ее.

Этот индивидуалистический в своей основе тип сознания получает особенно широкое распространение в среде молодежи, в том числе рабочей. Исследования молодежного сознания, проведенные в ряде стран в конце 70-х — начале 80-х годов, констатируют социальный пессимизм многих молодых трудящихся, их отрицательное отношение к научно-техническому прогрессу, к политике, нежелание «делать карьеру»¹⁹³. В печати коммунистических партий капиталистических стран отмечается, что трудности, связанные с вовлечением рабочей молодежи в профсоюзы, в политическую деятельность рабочих организаций, возросли, усилилась ее склонность к стихийным, неорганизованным формам протеста¹⁹⁴. У многих пассивно-конформистское поведение на работе (выражающееся в выполнении норм и требований конкретных производственных организаций, послушании «начальству») сочетается со стремлением к самоутверждению в рамках внеуродовых молодежных групп или с ориентацией на абстрактные гуманистические и экологические ценности («любовь», «человечество», «близость к природе»), с туманными мечтами о «совершенно иной» жизни. 20-летний малоквалифицированный французский рабочий так описал журналисту свой жизненный идеал: «Жить спокойно

где-нибудь в Африке или на Маркизских островах с маленькой пенсией, лодочкой и женщинами вокруг»¹⁹⁵.

Анализируя подобные явления, французский социолог Б. Катля приходит к выводу о формировании «биполярного» образа жизни и культуры части молодежи¹⁹⁶. По мнению социолога-коммуниста И. Кло, у молодых трудящихся «высокие требования личной свободы, самореализации развиваются как бы в рамках... процесса социальной дифференциации, увлечения «вещизмом», роста частных форм потребления, индивидуализма»¹⁹⁷. «Раздвоенная мотивация» наиболее типична для поколения, в большей степени испытавшего на себе возросшую неустроенность жизни в капиталистическом обществе и в то же время влияние ценностей, противостоящих традиционному жизненному укладу.

Наиболее сильно последствия кризиса сказываются на психологии тех слоев рабочего класса, которые становятся жертвами безработицы. Если осознание лишь возможности остаться без работы выступает как фактор заметного снижения уровня потребностей, то потеря ее, особенно на длительное время, оказывает деструктивное воздействие на всю их систему. Подавляющему большинству безработных она наносит не только материальный, но и глубокий морально-психологический ущерб¹⁹⁸.

Ее первое непосредственное последствие — пустота, скука, дезорганизация повседневной жизни, часто вызывающие нервно-психические нарушения (например, бессонницу), ухудшение атмосферы в семье. «Безработица, — говорит 24-летний служащий, потерявший работу за 7 месяцев до интервью, — это время, которое нужно заполнить... ты спрашиваешь себя, что ты будешь делать весь день и потом...»

Более или менее длительная безработица ведет к распаду социальных связей личности, к утрате привычных социальных ролей, подрывает чувство самоуважения, уверенность в себе. «Отношения с приятелями меняются, — рассказывает тот же служащий. — Через месяц, через два ты знаешь, что они о тебе думают: «а, этот бездельник»»¹⁹⁹. «Я чувствую себя виновным, — признается английский железнодорожник. — Мне не хочется показываться людям на глаза, и я стараюсь ходить по боковым улицам города». Безработный, отмечает английский исследователь Р. Харрисон, уже не может позволить себе посещать традиционные места отдыха, встречаться с друзьями²⁰⁰. «Жизнь стала совершенно другой, — рас-

сказывает безработная женщина из западногерманского города Ботторпа. — Безработный носит на себе клеймо бесполезного человека. Я чувствовала себя выброшенной на обочину, каким-то нечеловеком... Потеряла друзей, так как утратила способность к общению»²⁰¹.

Как показывают специальные исследования социально-психологических аспектов безработицы, наиболее тяжелы ее моральные последствия для трудящихся в возрасте 25—45 лет; в большинстве своем семейных людей с устоявшимися представлениями о своем материальном и социальном статусе, подрываемом утратой работы. В этой наиболее многочисленной демографической группе рабочего класса тяжелее других переносят безработицу квалифицированные трудящиеся, особенно те, кто обладает высокими социальными ожиданиями и добился в прошлом значительных успехов. У таких людей, если им не удастся найти новую, соответствующую их притязаниям работу, чаще всего возникают острые психические травмы²⁰².

Снижение уровня потребностей и притязаний личности выражается в условиях длительной безработицы в отказе от надежды сохранить достигнутые ранее квалификацию и жизненный уровень. В качестве финальной психологической фазы безработицы некоторые исследователи выделяют такое состояние, при котором «человек адаптируется к безработице так же, как это происходит с людьми в тюрьмах или больницах. Сознательно он стремится выйти из ситуации, на более глубоком уровне он не хочет этого. Он получил слишком много отказов. Он смирился с мыслью, что он — человек конченный, и на этом уровне предпочитает, чтоб его не трогали. Как сообщают работники бюро по трудоустройству, распространены случаи, когда таких людей извещают о возможности получить работу и приглашают на собеседование, а они не приходят. Это — стадия полного поражения, это — гибель человека»²⁰³.

Как доказано специальными исследованиями, рост безработицы ведет к увеличению числа психических и сосудистых заболеваний, алкоголизму, наркомании, к разрушению семейной жизни, увеличению числа самоубийств²⁰⁴. Эти социальные и социально-психологические последствия безработицы не являются чем-то принципиально новым в истории капитализма. Они и раньше наблюдались в среде безработных — как в годы циклических кризисов, так и в периоды экономического подъема,

который приводил к сокращению, но отнюдь не к полному рассасыванию массовой безработицы. Но современный безработный обладает более высоким уровнем потребностей и ожиданий, и поэтому психологически часто переносит потерю работы тяжелее, чем его предшественник в 30-х или 40—50-х годах.

Относительно новым социальным следствием современных изменений в сфере занятости является расширение пролетарских слоев, у которых ослаблены или утрачены связи с основной частью рабочего класса, деформировано классовое самосознание. В западной социологической литературе эти слои обозначаются по-разному: подпролетариат, маргиналы; неодинаково характеризуются и их состав, численность, границы. Тем не менее речь идет о достаточно определенном явлении: о росте групп населения, живущих более или менее случайными заработками, не имеющих сколько-нибудь устойчивого положения на производстве и в социальной структуре, вытесненных «на обочину» экономической жизни²⁰⁵.

Причинами этого процесса являются рост безработицы, удлинение ее продолжительности²⁰⁶, стремление предпринимателей как можно шире использовать временную рабочую силу. В результате чередование периодов работы и безработицы становится характерным для все большего числа трудящихся. Например, по данным опроса безработных, проведенного в Англии в конце 70-х годов, 32,6% из них трудились на последнем месте работы менее 3 месяцев, 20% — от 3 до 6 месяцев, 14% — от 6 месяцев до года и только 7% — более 7 лет²⁰⁷. Масштабы неустойчивости занятости трудящихся, таким образом, нельзя измерять только или главным образом числом безработных в каждый данный момент: среди работающих множество таких, кто еще вчера был безработным и станет им завтра.

Отсутствие прочных связей с производством, с определенным трудовым коллективом резко ослабляет действие факторов, формирующих классовое сознание, тем более что значительную часть безработных (от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ в большинстве капиталистических стран) или имеющих временную работу составляет молодежь, недавно окончившая школу и обреченная на подобное существование уже в начале самостоятельной жизни.

Выше говорилось о тех социально-психологических процессах, которые ведут к утрате частью молодых тру-

дящихся интереса к трудовой и общественной жизни. В тех слоях молодежи, для которых характерны отсутствие постоянной работы, полная неясность и бесперспективность профессионального будущего, эти процессы получают особенно широкое развитие и порождают, по выражению французского марксиста И. Кло, «культ маргинальности», «дух гетто»²⁰⁸. Для молодых «маргиналов» праздный, «свободный» образ жизни, при котором труд есть лишь средство случайного заработка, подчас становится не только вынужденной необходимостью, но и внутренней установкой.

Отсутствие работы такие молодые люди воспринимают совершенно иначе, чем большинство безработных. «Безработица... — говорит 18-летний Реми, сменивший уже 12 мест работы. — Я чувствую, что свободен, впервые в жизни... Конечно, приходится работать, но я не считаю, что это так необходимо, можно жить и без работы... Это общество потребления, а я против. Потребление — это рабство, рабство в труде»²⁰⁹.

В подобных рассуждениях нетрудно обнаружить влияние «антипотребительских» и «антииндустриалистских» идей, широко распространившихся в 70-х годах среди молодой западной интеллигенции. В условиях кризиса многих ее представителей сближает с частью молодежи пролетарского происхождения сходный «внетрудовой» образ жизни, на базе которого возникает маргинальная субкультура, впитывающая наследие анархистско-индивидуалистического утопизма «новых левых».

Деклассирование социальное порождает деклассирование психологическое, оживление в сознании люмпен-пролетарских тенденций. В этих условиях легко распространяются алкоголизм, наркомания, асоциальное поведение. Люмпен-пролетарская психология проявляется во вспышках беспредметного бунтарства, среди люмпенов вербуют сторонников и правые, и «левые» экстремисты²¹⁰.

Такие социально-психологические последствия кризиса, как возросший страх перед переменами и ориентация на «статус-кво», в одних слоях рабочего класса, тяготение к корпоративизму, замыкание на узкогрупповых интересах — в других его слоях, усиление общественно-политической пассивности и индифферентности привели в ряде капиталистических стран к известному ослаблению связей масс с рабочим движением и левыми партиями, облегчили наступление правоконсервативных поли-

тических сил. На политическое поведение масс в условиях кризиса немалое влияние оказали и слабости реформистского крыла рабочего движения (социал-демократических партий, многих профсоюзов), не выдвинувшего четкой классовой альтернативы социально-экономической политике монополистического капитала, а в некоторых странах и уступки коммунистических партий политике «затягивания поясов».

Рейгановская группировка в США, английские консерваторы, западногерманские христианские демократы сумели перетянуть на свою сторону определенные слои рабочего класса, использовать возросшую политическую апатию других его слоев. Так, в Англии консервативная партия между выборами 1974 и 1979 гг. более чем в 1,5 раза увеличила свою электоральную базу среди работников физического труда (т. е. главным образом среди промышленного пролетариата): если в 1974 г. за эту партию голосовало 26% квалифицированных и 22% полу- и неквалифицированных рабочих, то в 1979 г. — соответственно 41 и 34%. Несмотря на откровенно антирабочую и антипрофсоюзную политику тори, они сохранили почти такие же позиции в этой социальной среде и на выборах 1983 г. (соответственно 40 и 33%). Поддержка лейбористов работниками физического труда уменьшилась в 1974—1983 гг. с 49 до 32% (квалифицированные) и с 57 до 41% (полу- и неквалифицированные) в основном за счет перехода части их сторонников к консерваторам, части — к отколовшейся от лейбористов правой социал-демократической партии (получившей в 1983 г. вместе с либералами примерно $\frac{1}{4}$ голосов рабочих)²¹¹. В США в мае 1983 г. значительное число опрошенных рабочих (35%) и рядовых служащих (40%) считали, что администрация Рейгана действует в их интересах²¹².

В то же время множество фактов и явлений последних лет свидетельствует о существенно иной тенденции массового сознания. В первой половине 80-х годов в Англии, Франции, ФРГ, других капиталистических странах ширится забастовочная борьба, массовое движение протеста наиболее затронутых кризисом слоев трудящихся — шахтеров, металлургов, автомобилестроителей. Именно поддержка большинством рабочего класса левых сил обеспечила им внушительные победы на выборах во Франции, Испании, Греции. В странах, в которых правоконсервативные партии расширили свое влияние,

также идет процесс радикализации массового рабочего движения, усиления в нем левых течений, выступающих против внутри- и внешнеполитического курса правящих кругов. Об этом свидетельствуют, например, сдвиги, происходящие в лейбористской партии Великобритании и СДПГ, в профсоюзах этих и ряда других стран.

Правда, усиление антимонополистических и антимилитаристских мотивов в документах и деятельности социал-демократических и социалистических партий (и отчасти связанных с ними профсоюзов) характерно главным образом для тех из них, которые устранены от политической власти. Как показывает и прошлый, и современный опыт, осуществление правительственной деятельности, особенно в условиях кризиса, чаще всего побуждает социал-демократов и социалистов' отступать от провозглашенных ими ранее радикальных программ и лозунгов. Тем не менее новые тенденции в идеологии и политике оппозиционных социал-демократических партий так или иначе отражают настроения связанных с ними масс. Например, западногерманские социал-демократы не могут игнорировать такие явления, как беспрецедентный размах антимилитаристского движения в стране, рост боевого духа рабочего класса в конце 70-х — начале 80-х годов. Так, в эти годы увеличилась, даже по сравнению с докризисным периодом, доля трудящихся, готовых к участию в забастовках (80% опрошенных членов профсоюзов выражали такую позицию в 1971—1975 гг., 73% — в 1978 г., 85% — в 1982 г.)²¹³.

«Поправление» политического поведения части трудящихся затрагивает в основном тех из них, которым присущ «противоречивый» тип сознания, кто наиболее восприимчив к колебаниям экономической и политической конъюнктуры. Вместе с тем, как показывают данные конкретных исследований, оно отнюдь не равнозначно их действительному переходу на позиции консервативно-буржуазной идеологии. Об этом свидетельствует, в частности, пример Великобритании — страны, где консервативным силам, казалось бы, удалось добиться наиболее весомых и прочных успехов в пролетарской среде. Тори, несомненно, использовали в своих интересах раскол лейбористской партии и фолклендский кризис, вызвавший прилив националистических настроений в стране. Пример Англии показывает вместе с тем, что у значительной части трудящихся консервативное поведение может соче-

таться с антикапиталистическими настроениями и тяготением к социалистическим идеалам.

По данным общенационального опроса, проведенного в Великобритании в начале 1983 г., лишь 37% британцев положительно относятся к капитализму, а 47% осуждают капиталистический строй, отождествляя его с материальным неравенством и недемократической системой власти. В то же время 39% опрошенных выразили положительное и лишь 27% — отрицательное отношение к социализму, столько же — 27% дали ему нейтральную или противоречивую оценку. Тот же опрос показал, что ключевые идеи политической платформы тэтчеризма — отмена государственного регулирования и контроля над частным бизнесом, сокращение расходов на социальные нужды — не разделяются подавляющим большинством британцев. 51% опрошенных высказались за сохранение государственного контроля, 38% сочли необходимым сочетать свободу частного предпринимательства хотя бы с минимумом государственного регулирования, 49% потребовали увеличения расходов на здравоохранение, образование и социальное обеспечение, даже если это и вызовет увеличение налогов (23% высказали противоположную точку зрения)²¹⁴.

Сопоставляя эти данные с результатами парламентских выборов 1983 г., можно утверждать, что в них отразилось противоречие между общественными идеалами и ценностями значительной части трудящихся, с одной стороны, и их реальным политическим поведением — с другой. Природу этого противоречия, возможно, поможет понять феномен, обнаруженный в ходе того же опроса: значительное большинство (69%) опрошенных рабочих высказались за предоставление бизнесу возможности решать, какая часть прибыли должна идти на инвестиции и дивиденды, а какая — на оплату их труда²¹⁵. Подобное «доверие» эксплуататорскому классу объясняется тем, что демократические и социалистические идеалы части трудящихся не подкреплены знанием о реальных возможностях осуществления этих идеалов, а между тем потребность в знании действительного положения вещей играет все более важную роль в ориентации их поведения.

В неопределенной и неясной обстановке кризиса стремление осознать общественные процессы наталкивается на ощущение невозможности понять, «что происходит», «куда идет общество». В одно и то же время усиливаются и стремление решить обострившиеся социально-

экономические проблемы, и сомнение в возможности их централизованного политического решения. Эта неясность ситуации и используется для навязывания консервативной идеологии: принципиального отрицания сознательного планирования и регулирования общественных процессов, апологии стихийных частнопредпринимательских рыночных сил, якобы способных обеспечить решение порожденных кризисом проблем. В условиях кризиса государственно-монополистического регулирования и роста антиэтатистских, антибюрократических настроений масс оживает закреплённый веками капиталистического господства образ «хозяина», предпринимателя-капиталиста как социальной фигуры, наиболее компетентной в вопросах экономической жизни; «свобода предпринимательства» воспринимается как наиболее «рациональная» модель функционирования экономики.

Подобные установки сочетаются, однако, с неприятием связанных с ними антирабочих и «антисоциальных» ориентаций консервативной политики, с пониманием необходимости как-то ограничить произвол капиталистов. Иными словами, в период кризиса еще более обостряется противоречивость общественно-политического сознания значительной части рабочего класса.

Даже в США, где распространение консервативных взглядов существенно облегчается отсутствием у широких масс социалистических (даже в их реформистском варианте) политических ориентаций, большинство рабочего класса понимает враждебный его интересам классовый характер политики рейгановской администрации. В мае 1983 г. 62% опрошенных рабочих и 57% служащих высказали мнение, что администрация проводит несправедливую политику в отношении «таких людей, как мы», и соответственно 90 и 97% — что она действует в интересах «богатых»²¹⁶. В то же время значительная часть трудящихся — 39% рабочих, 32% служащих и 37% членов профсоюзов — поддерживали проводимую ею политику сокращения социальных программ²¹⁷.

Отсутствие известной массам реальной и обоснованной альтернативы консерватизму, которая воплощала бы их стремления и идеалы, создает благоприятную почву для распространения представлений о «рациональности» консервативной политики. Поэтому и усиливается противоречие между этими идеалами и стремлениями, с одной стороны, и установками, регулирующими политическое поведение масс, — с другой. В то же время дру-

гая часть трудящихся не видит на политическом горизонте сил, способных эффективно и последовательно защищать их интересы. Большинство (62%) американцев, опрошенных в июле 1982 г., отрицали эффективность экономической политики как республиканской, так и демократической партий²¹⁸. И даже во Франции, где существует мощное, политически организованное рабочее движение, 36% опрошенных в 1983 г. рабочих не смогли назвать ни одной выражающей их интересы политической партии²¹⁹. В Испании 32% рабочих крупного металлургического завода, опрошенных в 1980 г., согласились с мнением, что «по сути дела все партии одинаковы», а подавляющее большинство — 74,4% — с тем, что «политические партии предлагают программы, которые затем не выполняют»²²⁰.

Кризис воспринимается частью масс как фатальное явление, не связанное с деятельностью конкретных социальных и политических сил. Например, 47% французских рабочих, опрошенных в 1983 г., видели главную причину экономических трудностей страны в мировой экономической конъюнктуре и лишь 31% — в политике буржуазного правительства, находившегося у власти до 1981 г.²²¹ В Испании 50% опрошенных в 1979 г. рабочих считали, что финансовые трудности предприятий и рост безработицы объясняются избытком рабочих рук и повышением заработной платы; 32,8% полагали, что предприниматели не могут преодолеть кризис и делать новые капиталовложения, не сокращая численности персонала²²².

Для понимания современного состояния общественно-политического сознания трудящихся особый интерес представляют политические ориентации тех слоев, на положении которых непосредственно сказались последствия кризиса. Это относится в первую очередь к безработным. Как показывают данные опросов, распределение политических симпатий безработных, воспроизводя в определенной мере дифференциацию политических предпочтений соответствующих категорий трудящегося населения, существенно отклоняется от него влево. Так, в Англии весной 1983 г. сторонниками лейбористов были, по некоторым данным, 38% работников физического труда и 45—47% всех безработных; консерваторов поддерживали соответственно 29 и 27—30%. Доля консервативно настроенных служащих составляла 55%, а безработных

«белых воротничков» — 42%; сторонников лейбористов — соответственно 21 и 29% ²²³.

В ФРГ на выборах 1983 г. 53% безработных по сравнению с 40% населения в целом намеревались голосовать за СДПГ и 31,6% — за ХДС/ХСС (которому оказывали поддержку 46,7% всех избирателей). За «зеленых», выступавших на выборах с радикально-критических позиций по отношению к крупному капиталу и консервативным силам, собирались голосовать 11,1% безработных (в том числе около 20% моложе 29 лет), т. е. почти вдвое больше, чем избирателей в целом (6,2%). При этом 23% безработных, в том числе 36% сторонников «зеленых», высказались за национализацию крупных предприятий ²²⁴.

Подобные данные свидетельствуют об усилении процесса радикализации или по меньшей мере полевения политического сознания наиболее обездоленных кризисом слоев населения. Но этот процесс тормозится прочностью реформистских и правоконсервативных установок, ранее усвоенных представителями этих слоев (79% опрошенных западногерманских безработных заявили, что они ни в каком случае не будут голосовать за ГКП, а 25% верят, что ХДС/ХСС сможет устранить безработицу) ²²⁵, и — что самое главное — неясностью для них реальных путей решения волнующих их проблем. Так, почти половина опрошенных высказала мнение: «В наше время никто больше не понимает, что происходит». Как уже отмечалось, значительная часть безработных склоняется к авторитарному способу преодоления «беспорядка» в экономике и обществе, полагается на «сильную личность», хотя подавляющее большинство их отвергает тоталитарно-фашистскую политику (84,5% опрошенных безработных ФРГ заявили, что не будут голосовать за неофашистскую НДП) ²²⁶. Иными словами, в слоях трудящихся, которые больше всех испытали последствия кризиса, усиливается поляризация идейно-политических позиций, хотя этот процесс проходит в менее резких формах, чем во времена кризиса конца 20-х — начала 30-х годов.

Некоторые социологические исследования дают интересный материал о факторах, определяющих конкретную реакцию на обострение кризисных явлений. Так, по данным опросов, проведенных среди рабочих наиболее затронутых кризисом и безработицей отраслей промышленности США — автомобильной и сталелитейной, у металлургов в отличие от автомобилестроителей ухудшение

ситуации вызывает рост политических интересов, многие высказываются за преобразование отношений собственности в их отрасли как средство борьбы с кризисом²²⁷. Очевидно, в этом находит выражение более высокий в целом уровень развития сталелитейщиков, занятых квалифицированным трудом и обладающих развитым чувством профессионального достоинства. В автомобильной промышленности, где преобладает малоквалифицированный, «частичный» труд, рабочие менее активно реагируют на кризисные явления.

В социологическом исследовании Б. Шеферса и В. Вейса, посвященном западногерманской молодежи, констатируется, что если за революционное изменение общества выступает 20—21% молодых безработных, то лишь 15% этой группы проявляют готовность к активным действиям в защиту своих прав и интересов, т. е. обладают «левым потенциалом протеста», причем среди безработных выпускников высшей школы доля таких активно протестующих значительно выше (22%). Наиболее действенным фактором радикализации настроений молодежи является уровень интеллектуального развития, необходимый для освоения критических по отношению к капитализму взглядов²²⁸. Иными словами, резкое ухудшение социально-экономического положения человека в буржуазном обществе (безработица, снижение жизненного уровня и социального статуса) создает предпосылки для формирования сознательной позиции протеста, а реализуются они в его знаниях и активности, позволяющих понять возможность, перспективность борьбы против существующих порядков. Причем этот фактор часто оказывает воздействие на сознание и поведение индивида даже независимо от конкретной экономической ситуации, в которой он находится. Так, по данным исследования социолога И. Лейнемана, лишь меньшинство (22—25%) западных немцев, готовых к активным действиям протеста, оценивают свое экономическое положение как «плохое» или «очень плохое»²²⁹.

Указанные механизмы идейно-политической поляризации действуют в рамках не только наиболее обездоленных групп и слоев, но рабочего класса в целом. Так, в крупнейших странах Западной Европы — Великобритании и ФРГ — поправение части пролетарских масс в конце 70-х — начале 80-х годов совпало с радикализацией взглядов значительных групп активистов профсоюзов и социал-реформистских партий. Определенный уро-

вень политического опыта, общих и политических знаний, присущих рабочему активу, стал решающей основой его эволюции, отличной от той, которую проделала более пассивная и менее политически просвещенная часть масс.

Очевидно, преодоление обострившихся под влиянием кризиса противоречий массового пролетарского сознания предполагает лучшее понимание массами возможностей и путей демократического выхода из кризиса, необходимости борьбы всего рабочего класса за такой выход. Наиболее сознательная часть пролетариата уже теперь понимает, что в нынешних условиях недостаточно защищать экономические интересы той или иной группы рабочего класса. Например, рабочие одного из заводов итальянской компании Пирелли, где профсоюзам удалось предотвратить массовые увольнения, говорили корреспонденту газеты «Унита»: «Мы — в лодке, в которую со всех сторон хлещет вода. И даже если мы, т. е. наш профсоюз, лучше других заделаем свою дыру, то остальные дыры все равно останутся»²³⁰. Иными словами, трудящиеся стремятся понять связь кризисных явлений со всем экономическим механизмом общества, осознать способы воздействия рабочего движения на этот механизм.

Дать массам такое знание — важнейшая функция рабочих организаций, прежде всего марксистско-ленинских партий. Это, однако, ни в коей мере не означает, что их деятельность отныне приобретает преимущественно «просветительский» характер, т. е. сводится главным образом к пропаганде теоретических знаний. Активное, творчески-революционное отношение к общественно-политической жизни вырабатывается лишь в процессе деятельности по ее преобразованию.

Дать массам цели, ориентиры такой деятельности, соответствующие реальным объективным условиям, научно выверенным выводам их анализа, уровню потребностей трудящихся, — в этом видит прежде всего свою задачу коммунистический авангард рабочего класса. Коммунистические партии капиталистических стран не ограничиваются лишь разоблачением буржуазной политики, а уделяют все больше внимания разработке демократических альтернативных программ выхода из кризиса. Борьбу за такие программы коммунисты рассматривают как один из важнейших в современных условиях способов внесения в массы социалистического сознания²³¹.

Актуальность этой задачи подтверждается опытом классовой борьбы последних лет. Показателен в этом отношении пример Франции — одной из тех стран, где уже в условиях кризиса произошли глубокие общественно-политические изменения. Победив на выборах в мае 1981 г., проведя ряд прогрессивных экономических и социальных преобразований, левые силы, однако, не сумели в дальнейшем эффективно противостоять натиску международного и французского монополистического капитала. В 1982—1983 гг. правительство, возглавляемое социалистами, все более настойчиво стало проводить в социально-экономических вопросах курс «жесткой экономики», сходный по ряду своих черт с антикризисной политикой правительств других капиталистических стран, перешло от конфронтации к попыткам компромисса с монополистическими кругами. Активная поддержка, которую оказал левым на выборах 1981 г. французский рабочий класс, в известной мере ослабла из-за разочарования в результатах деятельности правительства. Если 60% рабочих, опрошенных в начале 1983 г., являлись в целом сторонниками левого правительства, то 51% считали, что левые не выполнили своих предвыборных обещаний²³².

Анализируя сложившуюся ситуацию, французские коммунисты пришли к выводу, что одна из главных причин трудностей, переживаемых левыми силами, состоит в недостаточном вовлечении самих масс в борьбу за демократические и социалистические преобразования. Их участие в этой борьбе в основном ограничилось голосованием на выборах, а в дальнейшем они не оказали активного влияния на деятельность правительства. Важнейшим условием преодоления экономических и политических трудностей компартия считает повышение активности трудящихся в решении всех вопросов, встающих в ходе борьбы за оздоровление экономики, демократизацию общественно-политической жизни.

Как отмечает Генеральный секретарь ЦК ФКП Ж. Марше, «перед нами стоят вполне ясные задачи, над разрешением которых могут и должны работать все трудящиеся, самостоятельно избирая методы и способы своей деятельности»²³³. Для их вовлечения в такую работу ФКП использует многообразные способы, в том числе новые законодательные положения, дающие производственным коллективам право высказывать рекомендации по вопросам условий и организации труда, создания но-

вых рабочих мест²³⁴. Компартия стремится «объединить вокруг себя не просто недовольных, но людей, осознающих природу современных общественных процессов и перспективы их развития»²³⁵.

Недовольство масс экономическими и социальными последствиями кризиса, протест против давления крупного капитала выступают непосредственной предпосылкой роста их политической активности, включения в борьбу за демократию и социализм. При этом очень важно, чтобы трудящиеся осознавали единство своих интересов, которое достигается совместными боевыми действиями различных слоев и групп рабочего класса.

В этом отношении поучителен опыт борьбы против безработицы, усилившейся в последние годы в ряде стран. Характерно, что в требованиях организаций и движений безработных все более четко формулируется идея о необходимости укрепления солидарности между работающими и безработными, в частности о сохранении за уволенными трудящимися права на членство в профсоюзах. На съезде безработных ФРГ, состоявшемся в декабре 1982 г., было единодушно отвергнуто предложение относительно организации особого профсоюза безработных, что означало бы углубление раскола рабочего класса, ибо «только вместе с товарищами, работающими на предприятиях, можно отстаивать право на труд»²³⁶.

Подобные факты показывают, что преодоление негативных психологических и общественно-политических последствий массовой безработицы возможно лишь на путях борьбы всех трудящихся против этого явления, борьбы, укрепляющей у них веру в свои силы, в способность противостоять наступлению капитала на их жизненные права. Для такой борьбы массам необходима обоснованная программа решения проблемы занятости, понимание связи ее со всеми существенными для них экономическими и социальными проблемами. Иными словами, перед рабочими организациями в капиталистических странах сегодня с особой остротой встает задача комплексного подхода к перспективам развития рабочего класса на современном этапе научно-технической революции. Примером такого подхода может служить выдвигаемое рабочими организациями ряда стран требование постоянного образования трудящихся, соответствующего изменяющимся потребностям технического прогресса, объективным сдвигам в структуре и типах квалификации рабочей силы. 60% французских рабочих, опрошенных в 1983 г.,

относят это требование к наиболее важным из числа выдвигаемых рабочим движением²³⁷.

Развитие политической сознательности рабочего класса, разумеется, не может происходить только на основе борьбы за непосредственные социально-экономические интересы. В условиях современного обострения общечеловеческих, глобальных проблем, их переплетения с коренными проблемами экономической, социальной, духовной жизни стран и народов особенно актуальны слова В. И. Ленина о недопустимости обращать «внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же», о вреде представлений, будто «экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство вовлечения масс в политическое движение», ибо «самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества»²³⁸.

Наиболее острой проблемой, затрагивающей ныне все классы буржуазного общества, раскрывающей их взаимоотношения как на внутривнутриполитической, так и на международной арене, является проблема войны и мира. Борьба против милитаризма и гонки вооружений открывает особенно широкие возможности для политической активизации рабочего класса, всех слоев трудящихся. В обстановке обострения международной напряженности эти проблемы все более волнуют людей, независимо от их социального положения. С начала 80-х годов во многих капиталистических странах беспрецедентные масштабы приобрело антивоенное движение. Сила его в том, что оно опирается на поддержку широчайших масс трудящихся. Цели борцов за мир фактически разделяет большинство населения капиталистических стран.

Так, по данным обследования, проведенного в конце 1981 г., 59% опрошенных в ФРГ, 79% — в Нидерландах, 52% — в Англии, 50% — во Франции заявили о своей солидарности с антивоенным движением²³⁹. Как отмечал К. У. Черненко в речи перед избирателями 2 марта 1984 г., «растет возмущение в Западной Европе действиями тех, кто приносит ее безопасность в жертву имперским амбициям Вашингтона. Миллионы участников антиракетного движения говорят об этом выразительным языком»²⁴⁰. В США 72% рабочих и 75% служащих,

опрошенных в 1983 г., высказались за замораживание ядерных вооружений, причем 9% рабочих и 15% служащих выразили мнение, что «СССР делает все, что может, чтобы отстоять мир» (в буржуазных и средних слоях с этим согласились только 4%)²⁴¹.

Несмотря на понимание основной частью трудящихся опасности гонки вооружений и обострения международной напряженности и их симпатии к антивоенному движению, проблема активного участия в нем широких слоев рабочего класса является достаточно сложной. Как показали социологические обследования, проведенные на рубеже 70—80-х годов, ядро и большую часть участников антивоенных организаций и движений составляли представители новых средних слоев, особенно интеллигенции²⁴². Среди факторов, тормозящих вовлечение рабочих и рядовых служащих в активную антивоенную борьбу, большую роль играет воздействие экономического кризиса. Его последствия концентрируют внимание многих трудящихся на проблемах защиты рабочего места и жизненного уровня, нередко воспринимаемых вне связи с основными проблемами международной политики. Правящие круги и многие лидеры реформистских рабочих организаций искажают характер этой связи, утверждают, будто сокращение военного производства еще более ухудшит экономическое положение. Например, председатель Объединения немецких профсоюзов (ФРГ) Х. О. Феттер писал в 1978 г.: «Так как труд находится на самом важном месте для наемных работников и их профсоюзов, то им придется и они будут держаться за существующие рабочие места, если им не предлагают другую работу. Это относится и к занятым в военной промышленности...»²⁴³

На отношении многих трудящихся к борьбе за мир, несомненно, сказалась и обработка общественного мнения реакционной, антисоветской пропагандой, и усилившиеся в определенных слоях рабочего класса под влиянием описанных выше явлений настроения политической апатии и беспомощности. В результате осознание растущей угрозы термоядерной катастрофы нередко сочетается с непониманием подлинных источников этой угрозы, с фаталистическим восприятием проблемы войны и мира.

В то же время с начала 80-х годов в рабочем классе явно усиливается стремление остановить рост военной опасности; в ряде стран массовое рабочее движение шаг

за шагом превращается в активную силу антивоенной борьбы. Это проявляется, например, в изменении позиций реформистских профсоюзов, которые все чаще стали выдвигать антимилиитаристские платформы, выступать против политики гонки ядерных вооружений, проводимой США и другими странами НАТО, разрабатывать программы разоружения и реконверсии военной промышленности²⁴⁴. Широкие слои рабочего класса стали яснее понимать связь между антирабочей политикой правящих кругов, урезающих ассигнования на социальные цели, и раздуванием военных расходов. «В профсоюзах, — отмечал Председатель Социалистической партии Австралии П. Кленси, — растет понимание того, что борьба за сохранение мира на земле, предотвращение ядерного апокалипсиса имеет самое прямое отношение к улучшению условий жизни и труда, противодействию наступлению монополий»²⁴⁵. Существенное влияние на развитие подобных сдвигов оказала массовая антивоенная пропаганда коммунистических партий капиталистических стран.

В ряде капиталистических стран в борьбу за мир включаются массовые отряды рабочего класса. Так, в ФРГ на крупных промышленных предприятиях успешно действуют комитеты мира. Под давлением низовых организаций Объединение немецких профсоюзов выдвинуло в 1982 г. лозунг «Мир через разоружение!». Участники организованных профсоюзами манифестаций продолжают борьбу против размещения американских ракет, протестуют против планов наращивания вооружения за счет сокращения ассигнований на социальные нужды²⁴⁶. В Великобритании с начала 80-х годов крупнейшие трудюнионы принимают участие практически во всех антивоенных движениях. В 1981 г. Британский конгресс трудюнионов (БКТ) впервые перешел к последовательной оппозиции военной политике правительства, приняв подавляющим большинством голосов беспрецедентную в своей истории резолюцию в поддержку одностороннего ядерного разоружения Великобритании. БКТ призвал отменить решение о размещении крылатых ракет и закупке «Трайдентов», ликвидировать ядерные базы в Британии и вывести ядерное оружие из ее территориальных вод.

Активное включение рабочего класса в борьбу за мир развивается неравномерно в различных странах, в различных профессиональных слоях трудящихся. Однако при

всей разнородности непосредственных жизненных интересов и уровней сознания различных слоев рабочего класса в целом ему присущи общегуманистические цели и идеалы, среди которых первое место занимают предотвращение термоядерной катастрофы и сохранение мира.

В 1984 г. кризисные явления в капиталистической экономике вызвали новый подъем борьбы рабочего класса. В ФРГ в течение 86 дней продолжалась забастовка металлистов и печатников, требовавших перехода на 35-часовую рабочую неделю при сохранении полной заработной платы. Это позволило бы создать новые рабочие места. По словам Председателя ГКП Г. Миса, она «была самой значительной за всю 35-летнюю историю Федеративной республики». Много месяцев продолжалась борьба английских шахтеров против объявленного правительством плана реорганизации угольной промышленности, осуществление которого грозило массовыми увольнениями. Шахтеров поддержали железнодорожники, докеры, трудящиеся других профессий. Французские металлурги выступили с требованием о повышении занятости. Миллионы трудящихся Италии вышли на демонстрации, протестуя против сокращения заработной платы; волна массовых выступлений рабочих прокатилась по Бельгии.

* * *

В итоге можно сказать, что буржуазные и ревизионистские концепции, проповедующие идею о «распаде» пролетарского классового сознания в условиях современного капитализма, несостоятельны. В то же время встает более общий вопрос о месте современного этапа развития массового сознания рабочего класса в исторической динамике этого сознания в целом.

С одной стороны, очевидно, что оно поднялось на новую ступень. Это в целом более высокий уровень социальных потребностей рабочего класса, питаемых опытом победоносных социалистических революций, ростом мощи и организованности рабочего движения, важными завоеваниями в классовой борьбе. Это преодоление уходящих в прошлое узости, сектантства сознания, его неспособности связать проблемы класса или внутриклассовых групп с проблемами и перспективами общественного развития в целом. Это, наконец, рост культурного и интел-

лектуального уровня рабочей массы, ее способности к осознанию реальных процессов общественной жизни.

С другой стороны, общий рост социальных потребностей пролетариата еще далеко не всегда находит свое конкретное выражение в осознании интересов и целей класса на общественно-политической арене, соответствующих новому содержанию и уровню этих потребностей. Данное обстоятельство широко используется буржуазными идеологами, господствующим классом для «канализации» роста потребностей в русло индивидуалистских, мещанских представлений и ценностей, для разложения пролетарского сознания.

Из сказанного можно сделать вывод, что путь к преодолению противоречий сознания современного рабочего класса капиталистических стран проходит через осознание пролетарской массой реальных возможностей коренного общественного переустройства в соответствии с теми стремлениями, которые характеризуют ее нынешнее социальное и психологическое развитие. Обоснование таких возможностей дает научная социалистическая идеология, их реальность подтверждается опытом стран социализма, борьбы международного рабочего движения.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗИИ

За долгую историю своего существования буржуазия как класс претерпела значительные изменения. Ее доля в самостоятельном населении развитых капиталистических стран сократилась даже по сравнению с довоенными годами и не превышает в послевоенный период 2—4%. Модифицируется облик традиционных отрядов класса капиталистов — мелких и средних предпринимателей, крупной и монополистической буржуазии. По мере включения в буржуазию новых слоев и фракций — высших менеджеров, крупных чиновников, транснациональной буржуазии — состав класса капиталистов усложнялся, становился все более разнородным. В результате по сравнению с периодом домонополистического капитализма усилилась социально-психологическая неоднородность класса буржуазии.

Буржуазия обладает идейно-культурной гегемонией в капиталистическом обществе, хотя изменились формы и методы ее классового господства, идеологические концепции, оправдывающие ее гегемонию. Существенно возрос, особенно за послевоенный период, уровень политической активности как класса в целом, так и отдельно взятого буржуа, расширились социально-политические функции буржуазии в обществе.

Не являясь массовым социальным слоем, буржуазия тем не менее сумела внедрить свои классовые ценности в массовое сознание, заразить ими представителей иных классов, социальных слоев и групп общества. Частно-предпринимательская идеология, индивидуалистические ценности, буржуазная мораль господствуют над умами значительной части населения капиталистических стран.

Именно поэтому анализ социально-психологической и идеологической трансформации буржуазии, сегодняшнего состояния буржуазного сознания приобретает особую остроту и актуальность.

Исследование глубины и масштабов эрозии традиционного буржуазного сознания, выявление изменений в установках, ценностях, идеологических принципах буржуазии позволяют не только уяснить особенности и тенденции кризиса идейно-политического господства буржуазии, но и оценить «духовные резервы» класса капиталистов в современной идеологической борьбе.

1. Традиционное буржуазное сознание

Специфика сегодняшнего буржуазного сознания, как и особенности эволюции идеологии и поведения современной буржуазии, могут быть поняты лишь при их сопоставлении с отличительными чертами социально-психологического облика «традиционного» капиталиста-предпринимателя, т. е. того типа буржуа, который преобладал на домонополистической стадии и в первые десятилетия монополистического капитализма. Ныне, отнюдь не исчезнув и лишь изменившись в частностях, «традиционный» предприниматель стал одним из типов буржуазной личности, носителем одного из вариантов буржуазного сознания.

Областями, в которых происходило и до сих пор преимущественно происходит формирование обыденного сознания «традиционного» предпринимателя, являются рынок и рыночные отношения, с одной стороны, и частнособственническое предприятие — с другой. Личный опыт «традиционного» предпринимателя, приобретенный им в процессе основания собственного дела, руководства предприятием, в ходе рыночной деятельности, является одним из главных источников формирования его сознания и системы буржуазных ценностей.

На формирование сознания и социально-психологических черт предпринимателя оказывают влияние и внепроизводственные элементы его жизнедеятельности, совокупность его отношений с ближайшим окружением, со своим классом и с обществом в целом. Капиталист, хотя его часто и называют «узником собственного дела», помимо выполнения производственных функций играет и другие социальные роли. Он выступает и в качестве представителя своего класса, и как участник определенной предпринимательской группировки, и как член буржуазной династии. Формирование сознания капиталиста происходит на основе его личного опыта в социальной сфере, «коллективного опыта» класса, национальных

традиций. Специфические черты «ближайшего круга общения» буржуа, особенности внутри- и межклассовых отношений в данный период, равно как и характер норм и ценностей, усваиваемых предпринимателем, играли и играют важнейшую роль в формировании мировоззрения традиционного буржуа.

После победы буржуазных революций и превращения буржуазии в господствующий класс на смену феодальным отношениям личной зависимости пришла буржуазная личная независимость, основанная на вещной зависимости. Традиционная идея социальной безопасности, сословной, корпоративной защиты была заменена идеей личной свободы. Освободившись от сословно-корпоративных связей, буржуазный индивид представлял собой «некоторый замкнутый комплекс потребностей»¹.

Индивидуальная свобода, личная независимость от регламентирующего воздействия кого бы то ни было («высшего сословия», государства, более удачливого и могущественного конкурента и т. п.) были прямо и неразрывно связаны в сознании «традиционного» предпринимателя с частной собственностью. Для буржуазной личности «собственное дело» — залог личного раскрепощения, единственное средство достижения благополучия и независимости для себя и своих потомков. Поэтому собственность, личная свобода и хозяйственная власть и на заре капиталистической эры, и в наши дни отражаются в сознании «традиционных» капиталистов как нечто единое, органически взаимосвязанное. Потеря собственности для человека подобного социально-психологического типа равнозначна утрате личной свободы, чревата превращением «независимой личности» в члена анонимной массы. Собственность изначально являлась на уровне обыденного капиталистического сознания высшей социальной ценностью, тем абсолютом, признание и безусловная защита которого делают буржуазию буржуазией.

Независимо от того, чем субъективно руководствуются капиталисты, их действия подчинены непреложной логике капиталистического производства, законам самовозрастания капитала, требованиям максимизации прибыли. Обращая особое внимание на этот момент, К. Маркс подчеркивал, что «конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его со-

хранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления»². Немного-словный и не любивший откровенничать Г. Л. Хант, один из богатейших людей США, заявил однажды: «Все, что я делаю, я делаю ради выгоды». «Капитализм держится на прибыли, — вторил ему председатель канадской компании «Макмиллан Блодел» Дж. Клайн. — Если вы убиваете мотив прибыли, вы поступаете вопреки человеческой натуре»³.

Важнейшей особенностью капиталистического хозяйства является строгий расчет, планомерно и трезво направленный на реализацию поставленной цели — получение прибыли. Этим объясняется рациональный образ мысли личности буржуа, рационализирование его образа жизни, его рациональная хозяйственная этика⁴. Рациональность экономического поведения капиталистов есть одновременно и предпосылка, и результат развития системы свободного предпринимательства. Поэтому наиболее адекватным выражением капиталистического духа является рациональное стремление к прибыли, а не безудержная алчность в делах. В этом отношении ни крупные биржевые спекулянты, чьи шансы на успех носят иррациональный характер, ни финансисты, сделавшие состояние на знании «политической кухни», не являются «идеальными» капиталистическими предпринимателями. Капиталистическому духу, отмечал известный немецкий социолог М. Вебер, свойственны как умение рисковать в повседневных деловых операциях, так и желание получать прибыль в рамках непрерывно действующего рационального хозяйства⁵.

Специфика рыночных отношений вынуждала «нормального капиталиста» быть, по выражению К. Маркса, «деятельным капиталистом»⁶. По словам австрийского экономиста и социолога Й. Шумпетера, предприниматель является прежде всего новатором, человеком, который производит новые «комбинации» и извлекает из них максимум прибыли. Предприниматель создает новый товар, вводит новый метод производства, открывает новый рынок, источник сырья или налаживает новую организацию промышленной отрасли⁷. Его роль заключается в том, чтобы «реформировать или революционизировать рутину производства»⁸.

Рыночные отношения формировали особые, лишь данному типу предпринимателя свойственные психологические черты. Потребность выстоять в конкурентной борьбе

бе на рынке заставляла предпринимателей проявлять гибкость, инициативность, самостоятельность и предприимчивость. Необходимость постоянно обновлять методы производства, захватывать новые рынки и выпускать новые виды продукции порождала готовность к риску. Конечно, предприниматель-новатор никогда не был преобладающим социально-психологическим типом среди капиталистов⁹, но он до сих пор остается своеобразным «эталон» для большинства буржуа. В предпринимательской среде высоко ценились и ценятся сейчас смелость, решительность, умение рисковать собственным капиталом. Даже восхищаясь организаторскими способностями какого-либо менеджера, бизнесмены-собственники не считают его предпринимателем в подлинном смысле слова¹⁰.

Подчинение императиву прибыли как основополагающему принципу функционирования капиталистической экономики не исключает, разумеется, различную личностную мотивацию стремления к прибыли. Тут может быть и жажда наживы, и стремление к независимости и самостоятельности, и потребность повысить свой социальный статус, и желание расширить дело, и стремление к власти. Выделяя ведущий мотив деятельности предпринимателей и преобладающую в их сфере жизненную ориентацию, К. Маркс писал: «...производство у нормального капиталиста, у «деятельного капиталиста», каким он должен быть, является *производством ради производства*»¹¹.

После достижения определенного уровня богатства «нормального капиталиста» меньше интересует приобретение новых благ для себя лично («накопление наслаждений», по словам К. Маркса), чем процесс накопления капитала. В этом смысле характерны высказывания собственника четырех американских компаний К. Брауна, начавшего свое дело с нуля. «Мой интерес к производству мотоциклов, — говорит он, — первоначально был связан с деньгами. Я знал, что это перспективная область. Позже бизнес стал игрой, в которой деньги являлись лишь мерилем вашего успеха. Иначе как вы можете измерить собственный рост? Если вы преуспеваете в бизнесе, это означает, что вы делаете деньги. Но вот вы подходите к точке, когда вы сделали все, что хотели... Нет ни одной вещи, которую вы еще хотели бы купить... Когда вы что-то уже получили, это становится для вас менее важным, чем прежде. Необходимо еще

что-то, что позволило бы вам действовать. Я никогда не смогу уйти из бизнеса. Это вошло мне в душу»¹².

Ориентация на «производство ради производства» чаще всего конкретизировалась в преданности предпринимателей своему «делу», в стремлении к его расширению. Первоначально она мотивировалась протестантским учением о «мирском призвании». В настоящее время лишь незначительная часть капиталистов действует во имя протестантских принципов и ощущает себя «управляющими бога на земле»¹³. Предпринимательская ориентация на дело потеряла свою религиозную основу.

Капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения. Оно само воспроизводит необходимый ему социально-психологический тип¹⁴. Капитализм навязывает отдельному буржуа, поскольку он включен в рыночные отношения, нормы его хозяйственного поведения, буржуазную систему ценностей, ориентацию на расширение дела. Чувство «долга» перестало быть необходимым элементом буржуазного сознания, и сама экономическая необходимость, логика рыночной экономики, механизм конкуренции побуждают капиталиста стремиться к постоянному расширению и усовершенствованию дела и накоплению капитала. По словам П. Демаре, крупнейшего бизнесмена Канады, хозяина «Пауэр корпорейшн», «расширяться следует до бесконечности... попробуйте сознательно ограничить это развитие — пищи пропало, стоит только взять намеченный рубеж»¹⁵. Р. Смит, председатель совета директоров «Дженерал моторс», заявил: «Мы ныне обладаем 23% мирового рынка сбыта автомобилей, и это означает лишь то, что мы должны захватить оставшиеся 77%»¹⁶.

С помощью расширения «дела» многие предприниматели пытались и пытаются удовлетворить свою жажду власти. Это стремление зачастую побуждало их основывать свою династию и «частную империю». Например, Авраам Локвуд, герой романа американского писателя О. Хары «Дело Локвудов», надеется, что придет время, когда его внуки и правнуки станут хозяевами изрядного, «как настоящее княжество», куска Пенсильвании, и Локвуды будут править тут, как в Нью-Йорке Морганы.

Ориентация «на производство ради производства» могла конкретизироваться и в другой группе мотивов, связанных с восприятием предпринимательской деятельности как творческого процесса, требующего полной вовлеченности личности. Один французский предпринима-

тель заявил журналисту ежемесячника «Экспансьон»: «Деньги? Они мне позволяют войти в ресторан, не просматривая заранее меню. Но они меня не интересуют. Не деньги отличают меня от рабочего, даже если он не имеет, как я, собственной яхты. Основное различие между нами заключается в том, что, придя на завод, он знает, что будет целый день потеть, тогда как я знаю, что получу удовлетворение. Светская жизнь? С людьми одного круга все обычно сводится к пережевыванию архинизвестных вещей. . . Во всяком случае я получаю больше удовлетворения в конторе, чем на спектакле. Мне нравится создавать ежегодно новое общество. Я по-настоящему счастливый человек. Если бы я им не был, то я не был бы и предпринимателем»¹⁷.

Для части капиталистов предпринимательство является своего рода «игрой» или своеобразным видом спорта, где они реализуют свою потребность в борьбе, свое стремление к победе, свое желание доказать самим себе свое превосходство над другими. Так, Л. Жираль, хозяин одной из процветающих французских фирм, специализирующейся в строительстве, уверял, что для него предпринимательская деятельность представляет собой соревнование, спорт, «боевой вызов» и что в этом соревновании прибыль есть лишь символ победы или поражения¹⁸.

Социально-психологический тип с активным и новаторским началом был преобладающим среди предпринимателей, основавших свое «дело». Подобно классическому психологическому типу «парвеню», описанному американскими социологами Д. Бенсманом и А. Видичем¹⁹, предприниматель, сделавший себя сам (*self-made man*), благодаря неожиданному успеху становился агрессивной и самоуверенной личностью²⁰. Будущее для него — это возможность еще большего успеха, сулящего полное самовыражение. «*Self-made man*» не оглядывается назад, он забывает прошлое. Подобная ориентированность на будущее притупляет самоконтроль и самоанализ личности, нередко выхолащивает ее интеллектуальное начало. Свой успех «*self-made man*» объясняет собственными действиями. Одной из особенностей его психологии является оптимизм, уверенность в том, что его успех будет чуть ли не автоматически воспроизводиться и дальше. Он некритически воспринимает действительность, крайне категоричен.

Экономическая деятельность капиталиста, характер его отношений с конкурентами способствовали формиро-

ванию типа человека-индивидуалиста, предполагая наименьшую включенность его в социальные связи и наибольшее противопоставление обществу. В силу этого героем бизнеса неизбежно становился человек, принявший максимум, приписываемую американскому капиталисту конца XIX в. У. Г. Вандербильту: «Пошла она к черту, эта общественность!»

Однако наряду с подобными психологическими чертами необходимость максимального приложения энергии к бизнесу порождала у «традиционного» капиталиста стремление к воздержанию и самоограничению. Будучи слугой капитала, «идеальный предприниматель» должен был неизбежно подчинять ему свои интересы и духовные запросы, отказываться от мирских радостей и жизненных удовольствий. «...Поскольку, — писал К. Маркс, — вся деятельность капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием, постольку его собственное личное потребление представляется ему грабительским посягательством на накопление его капитала»²¹. У предпринимателя, посвятившего себя, по выражению К. Маркса, «наслаждению накоплением», подавлены все остальные потребности, в том числе и человеческие привязанности. По словам владелицы «семейного дела» Ф. Гомез, французские предприниматели «вложили свою агрессивность в работу», они «столько работают, что стали, подобно великим спортсменам, бесполовыми существами»²².

Принцип «самоценности производства» («производство ради производства») был и остается господствующим в буржуазном сознании «традиционного» типа, тогда как «принцип удовольствия» рассматривается как подчиненный²³. Ради процветания дела капиталист-предприниматель трудился, откладывая удовольствия «на завтра» и вкладывая в производство деньги, предназначенные для «завтрашних» удовольствий²⁴. Г. Джекман, президент «Доминион энд энгло инвестмент» (Канада), в одном из своих публичных выступлений так рисовал типично предпринимательскую карьеру. Нормальный бизнесмен «начинает с того, что изучает свое дело. Затем он скапливает немного денег, берет ссуду в банке, заводит собственное дело и если добивается успеха, то создает рабочие места и производит товары и услуги... К пятидесяти годам его образ жизни уже устанавливается. Как о капиталисте или о человеке о нем, пожа-

луж, можно сказать, что он становится автоматическим накопителем или поставщиком капитала...»²⁵

«Традиционный» капиталист сам организует производство и руководит им. Эта функция предпринимателя, его хозяйская власть формируют еще одну типологическую особенность психологии «традиционного» буржуа: особый предпринимательский авторитаризм. Из принципа частной собственности вытекает полная власть хозяина над своими рабочими, которыми он распоряжается в процессе производства точно так, как офицер распоряжается подчиненными ему солдатами. Предприниматели «традиционного» типа нередко выражали свои отношения с рабочими в военных терминах: «командир и солдаты», «промышленная армия», «дисциплина и иерархия», «капитаны производства». «Армейская дисциплина», «дух казармы» представлялись им высшим идеалом, образцом для подражания. Упомянувшийся уже Ф. Бегин вспоминает начало второй мировой войны, когда ему представилась возможность командовать кавалерийской частью, как «самый счастливый период своей жизни»²⁶.

Таким образом, капиталист «традиционного» типа — это крайне индивидуалистическая личность, ценностная система которой покоится на непререкаемом догмате святости и неприкосновенности частной собственности; личность с сильно развитым «профитным сознанием», рационально мыслящая, отличающаяся «прагматической заземленностью» (и в том смысле узостью устремлений и целевых установок, которые связаны в первую очередь с интересами «дела»); личность авторитарная, не терпящая какого-либо вмешательства в сферу своих интересов и компетенций, откуда бы это вмешательство ни исходило; личность, в сознании и системе ценностей которой идея индивидуальной свободы, рассматриваемая как основополагающая ценность, прочно и непререкаемо связана с частной собственностью.

Перечисленные черты — обобщенная, типологическая характеристика социально-психологического облика «традиционного» предпринимателя. Личные, индивидуальные качества любого предпринимателя, особенности его темперамента, воспитания, образа жизни отличали их носителя от идеального архетипа. Как правило, в реальной жизни весь набор черт «традиционного» буржуа редко встречается в конкретном человеке в полном объеме: одни типичные характеристики могут быть выражены сильнее, другие — слабее.

Наиболее полно они бывают представлены у основателей «дела». «Вырождение» предпринимательского духа чаще всего происходило в семейных династиях, развитие которых подчинялось так называемой «динамике рода Будденброков» (первое поколение описанного Т. Манном семейства стремится к богатству, второе — к высокому положению и власти, а третье, испытывая отвращение к тому и другому, избирает музыку). По данным ряда социологических исследований, именно «основатели» проявляют наибольший «экономический динамизм»²⁷. Руководимые ими предприятия имеют очень высокие темпы роста. Эти темпы сохраняют и их непосредственные наследники, добивающиеся порой хороших экономических результатов. Однако в третьем поколении темпы роста фирмы все более и более замедляются. Для третьего и четвертого поколений «буржуазных династий» характерен тип управления с ограниченным горизонтом, с боязнью нововведений и риска. Часть наследников, либо не способных пройти «естественный отбор», либо не испытывающих влечения к предпринимательской деятельности, нередко становилась, по словам К. Маркса, представителями «потребляющего богатства»²⁸.

По мере развития государственно-монополистического капитализма, монополизации экономики, ужесточения конкуренции, усиления экономической неустойчивости небольших и средних фирм происходят определенные изменения в положении возглавляющих их капиталистов и соответственно в их психологии. Основная тенденция этого процесса заключается в известном сближении положения и сознания предпринимателей товарно-капиталистического сектора и мелких производителей²⁹.

В отличие от крупных корпораций предприятия среднего уровня в большинстве своем не обладают значительным «запасом прочности»: им не хватает гарантий в виде свободного капитала, обеспеченных кредитов, устойчивого спроса, которые при изменении конъюнктуры позволяют приспособиться, провести необходимую перестройку. Экономическое положение основной массы их достаточно неустойчиво, и нередко одна ошибка ведет к гибели предприятия. Многие предприниматели осознали, что ненадежность положения, опасность разорения или потери самостоятельности — постоянные факторы существования их бизнеса. «Банкротство всегда стоит у нашего порога»³⁰, — говорили английские бизнесмены.

Владельцы предприятий среднего размера, как и мел-

кие буржуа, все чаще испытывают ощущение эфемерности своего успеха, чувства страха, неудовлетворенности. Им свойственно ощущение собственного бессилия, неспособности повлиять на ход событий, они чувствуют себя игрушкой неосознанных, внешних сил. По словам французского социолога П. Ланжюра, эти предприниматели «чувствуют себя жертвами правительства, которое ничего не делает, чтобы облегчить их существование; жертвами государства, которое делает все, чтобы его усложнить; жертвами профсоюзов, единственным призванием которых они считают стремление пробить брешь в их абсолютной власти на предприятии; жертвами своих рабочих, чья слабая производительность ограничивает прибыли; жертвами конкурентов, которые не дают им никакой передышки, короче, жертвами мира и судьбы, которые, как им кажется, объединились против каждого из них»³¹.

В ходе конкурентной борьбы они обретают веру в свой успех и тут же теряют ее, испытывают радость индивидуальной свободы и независимости и трагедию отчужденности, беспомощности перед непознаваемыми законами рыночной стихии. В результате современные предприниматели товарно-капиталистического хозяйства (в отличие от «self-made man» периода свободной конкуренции) теряют чувство оптимизма, все чаще осознают пределы роста своей фирмы, сживаются с мыслью о тщетности надежд на расширение дела. Они начинают воспринимать процессы монополизации и интернационализации экономики с чувством фатализма и пессимизма. По данным одного обследования, средние предприниматели утверждают, что раздел транснациональными компаниями мирового рынка «неизбежен», в нем «смысл истории»³².

Конечно, и в настоящее время в товарно-капиталистическом секторе производства появляются предприниматели, ориентированные на экономический рост, на нововведения, на «производство ради производства». Чаще всего это основатели нового бизнеса, которые, по выражению французского социолога Д. Фришера, «опьянены своим делом»³³. Подобно своим предшественникам эпохи домонополистического капитализма, они работают, не позволяя себе ни малейшего отдыха. «Часы, отвоєванные у сна, дают возможность продвигаться вперед, поразмышлять, подготовить удар», — заявил один из предпринимателей такого типа, сделавший состояние в

индустрии досуга. Их не пугает опасность переутомления. «Если бы я мог, то посвятил бы делу 18 часов в сутки»³⁴, — уверял другой предприниматель, работающий в среднем более 12 часов ежедневно.

Однако современный «self-made man» (в отличие от прежних поколений основателей «дела») очень быстро теряет ясную перспективу и надежду на лучшее будущее. Журнал «Антреприз» следующим образом описал типичного основателя небольшого «дела»: «Он умный человек, знающий технику и торговлю. Он похож на крестьянина, который считает быстрее других на базаре. У него вкус к действию. Он жесткий в делах, жесткий со своим персоналом, жесткий со своей семьей, жесткий в политике, но ему многое прощается, ибо он жесткий прежде всего по отношению к себе. Он не имеет поддержки банков и хранит к ним злобу. Он пришел, чтобы быть богатым, но все, что он зарабатывает, реинвестируется в машины, сырье, здания»³⁵.

В товарно-капиталистическом хозяйстве уменьшается доля лиц с типично предпринимательской ориентацией на расширение «дела» и увеличивается удельный вес бизнесменов с «защитной» психологией, ориентирующихся на «статус-кво» и мелкобуржуазные модели поведения. Предпринимателям этого типа свойственны «мотивация зависимости» и психология вассала. Они пытаются преодолеть свою зависимость от рыночной стихии, включаясь в производственно-сбытовой аппарат монополий или требуя, чтобы государство опекало их от «нелояльной» конкуренции трестов.

По мере усиления нестабильности положения небольших и средних предприятий среди их владельцев распространяются психологические реакции, свойственные социальным группам, теряющим социальный статус по сравнению с относительно благоприятным исходным положением. Как отмечают Д. Бенсман и А. Видич, в эти социальные группы проникает психология «статусной обороны», прямо противоположная социально-психологическому типу «парвеню»³⁶. Пытаясь оправдать свое место в обществе, они широко пользуются мифами, почерпнутыми из прошлого. Как и мелкие буржуа, эти предприниматели, вырабатывая какой-то «психологический противовес» ощущению угрозы своему положению, высоко ценят независимость, преимущества работы на себя и успех, достигнутый собственными силами. «Вы сам принимаете решения: если они правильны, вы горды,

если нет — вы можете винить только себя самого»³⁷, — утверждал совладелец английской фирмы кожевенных товаров. По мнению предпринимателей товарно-капиталистического сектора экономики (как, впрочем, и лиц, действующих в мелкотоварном производстве), промышленным гигантам не хватает эффективности, они обречены на бюрократизацию и рутину. Только владельцы мелких и средних предприятий обладают инициативностью, творческой энергией, индивидуальностью. «Насекомые всегда одерживали верх над динозаврами»³⁸, — заявил в интервью один из французских предпринимателей.

В то же время среди хозяев небольших и средних фирм психология «статусной обороны» распространена меньше, чем в мелкобуржуазной среде. Благодаря более устойчивому, чем у мелких собственников, экономическому положению и более высокому социальному статусу средней буржуазии ее реакция на угрозу «извне» обычно не выливается в столь «истеричных» и «параноидальных» формах, как у мелкой буржуазии.

На формирование социально-психологического облика капиталиста огромное воздействие оказывают также его экономические отношения с ближайшим окружением, классом, обществом в целом. В случае с предпринимателем «традиционного» типа эти отношения часто выступают в роли фактора, существенно корректирующего те социально-психологические характеристики и то поведение буржуазной личности, которые формируются и предписываются его экономической деятельностью. Определенная «несовместимость» социальных и экономических ролей «традиционного» предпринимателя была изначально заложена в исторических условиях формирования класса буржуазии. У капиталистов «традиционного» типа она не преодолена полностью до сих пор, хотя класс капиталистов в целом давно разрешил противоречие, вытекающее из различий функций в производственной и социальной сферах.

Суть противоречия в том, что «производственная роль» предпринимателя заставляла его быть индивидуалистом, авторитарной личностью, вести «войну» против всех, защищая свои частнособственнические интересы. Одновременно общие интересы господствующего класса требуют от каждого капиталиста подчинения разнообразным законам, правилам, регламентациям и запретам, выполнения определенных моральных норм, «честного»

и «добропорядочного» поведения. Как отмечает Ю. А. Замошкин, между целями буржуазной личности, ориентированной на индивидуальный успех, и «нормами-рамками», диктуемыми капиталистическим обществом, реальна возможность конфликта ³⁹.

Несовместимость «социальных» и «производственных» ролей «традиционного» предпринимателя выражалась и в конфликте его личных и классовых интересов. «Традиционные» предприниматели, жившие в мире, отличавшемся незначительностью экономических связей, крайне разобщенным внутренним рынком и только формирующимся мировым, слабо осознавали свой общий классовый интерес. Основная масса предпринимателей, экономически активных членов класса буржуазии, замыкалась на прагматических, «деловых» интересах. В их интерпретации классового интереса благополучие буржуазии и буржуазного строя находилось в прямой зависимости от процветания каждого отдельного предпринимателя, от благополучия предпринимательства как такового. Рыночные законы поведения, «рыночная мораль» и «профитное сознание», ситуация борьбы всех против всех — эти черты бытия «традиционной» буржуазии способствовали скорее разъединению предпринимателей, чем их сплочению. И в наши дни такое положение остается в целом верным для предпринимателей мелкого и среднего рангов.

Лишь в ситуациях резкого обострения классового противоборства, в условиях, когда класс буржуазии вынужден отстаивать свои коренные интересы, уровень его общности резко возрастает: все предприниматели демонстрируют готовность согласовывать свои интересы, нередко поступаясь при этом интересами личными. Еще К. Маркс отмечал, что «капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» ⁴⁰.

По своему социально-психологическому типу, структуре потребностей и жизненных интересов, наконец, по роду и характеру основной деятельности «активный капиталист» не был подготовлен к выполнению политических и идеологических функций в обществе. Руководствуясь прагматическим, чисто практическим подходом к жизни и не обладая абстрактно-теоретическим видением мира, он держался в стороне от общественных проблем. «Гений делового мира, — писал Шумпетер, — зачастую

не способен заткнуть рот какому-либо краснобаю в салоне или на политической арене. Зная за собой этот недостаток, он предпочитает устраниваться и не связываться с политикой»⁴¹.

Вследствие внутриклассового «разделения труда» политически активная часть класса взяла на себя задачу обеспечения идеологического господства буржуазии, а часть (и притом бóльшая) полностью отдала себя производственной сфере. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что внутри господствующего класса разделение труда проявляется «в виде разделения духовного и материального труда, так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (это — его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно и с готовностью воспринять их, потому что в действительности эти-то представители данного класса и являются его активными членами и поэтому они имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе»⁴².

Различные аспекты экономической и внеэкономической деятельности предпринимателя оказывают сложное и во многом противоречивое воздействие на его отношения с ближайшим окружением, на формирование внутриклассовых социально-психологических общностей. С одной стороны, по логике законов конкуренции доступ в класс буржуазии открыт всем, кто добился успеха в конкурентной борьбе. С другой стороны, потребность в самовоспроизводстве в качестве господствующего класса заставляет буржуазию постоянно отгораживаться от остального общества, самоизолироваться, обособляться. Этот элитарный комплекс сознания присущ главным образом крупной буржуазии. В силу незначительной численности у крупных капиталистов было много больше возможностей, чем у мелких и средних предпринимателей, поддерживать в своей среде общие традиции и общий жизненный уклад, создавая тем самым предпосылки для высокого уровня классовой солидарности и самосознания «высшего класса». Их образ жизни — манера говорить, одеваться, вести себя — служит не только средством дистанцирования буржуа от «не таких, как он», но и средством сближения с себе подобными. Они посещают одни и те же или сходные частные и закрытые школы,

они учатся в элитарных колледжах и университетах, они — завсегдатаи знаменитейших светских клубов.

Светские развлечения, фешенебельные клубы позволяют отстраняться от «чужаков», сохранять «интимность» социальных связей. Эти клубы стали организованной системой координации интересов крупной буржуазии, фактором ее сплочения. С их помощью крупная буржуазия обособляется от средней, «родовитые буржуа» — от «нуворишей»⁴³. В результате буржуазия внутри своего класса создала едва ли менее строгий церемониал иерархии и престижа, чем дворянство в феодальную эпоху. Богатство является необходимым, но недостаточным условием вступления в высший буржуазный свет. «Можно возглавлять крупную компанию и не быть членом истеблишмента»⁴⁴, — считают крупные французские капиталисты. Новоиспеченный богач, который «сам себя создал», не мог получить доступ в светское общество, которое его рассматривало как самозванца, нувориша и чужака. Только его потомков «высший свет» переставал подвергать остракизму⁴⁵. Иначе говоря, в среде крупной буржуазии действовал типично феодальный принцип: лишь сыновья «одворянившихся» буржуа становятся более или менее полноправными «аристократами».

Существенная разница между предпринимательской элитой и миром мелкого и среднего бизнеса заключается в том, что входящий в круг делового истеблишмента был обязан следить за тем, чтобы «не обижать своих, потому что иначе распадется вся цепь контактов и связей, от которой зависит и твое благополучие»⁴⁶. Для мелких и средних буржуа, не обладающих подобной системой связей, данное ограничение в отношениях к себе подобным не существовало.

Таким образом, в стратегии «социального воспроизводства» «традиционного» буржуа важнейшую роль играет система семейных, родственных и социальных связей, представляющих собой, по определению французского социолога П. Бурдьё, «социальный капитал» отдельного капиталиста и буржуазной династии⁴⁷. Династическая стратегия капиталистов была ориентирована не только на процветание дела, но и на укрепление социальных позиций буржуазной семьи, позволяющих увековечить ее власть над предприятием. Императиву социального воспроизводства «буржуазной династии» была подчинена ее матримониальная (брачная) стратегия, т. е. стратегия

наследования, и стратегия в области воспитания и образования.

Ставка на расширение «дела» и стремление к увеличению «социального капитала» чаще всего тесно переплетались в системе ценностей «традиционного» капиталиста. Единство этих блоков предпринимательского сознания подметил в своем романе «Дело Локвудов» американский писатель О. Хара. Герой романа Авраам Локвуд считает, что «здание дела» воздвигается на двух краеугольных камнях — собственности, т. е. удачном помещении капитала, и статусе, особом положении в обществе, которое достигается с помощью удачных браков, умелым выбором элитарной школы и колледжа для детей и внуков.

Однако в тех случаях, когда между экономической ролью предпринимателя и его социальной ролью возникало противоречие и соответственно психологическое напряжение, капиталисты разрешали их по-разному. В ситуации выбора «нормальный капиталист», ориентированный на «производство ради производства», готов был пожертвовать своими социальными позициями во имя расширения «дела». Что касается буржуа, в большей мере ориентированного на повышение социального статуса, то первоочередной целью его деятельности было укрепление положения буржуазной династии. Буржуазная собственность воспринималась им не как капитал, фактор производства, а как семейное добро, которое унаследовано от предков и которое необходимо передать потомкам. В результате на наследственных династических предпринимателей стимул прибыли зачастую оказывал меньшее воздействие, чем на основателей «дела». Покупая недвижимость и приобретая землю, буржуа с подобным типом сознания пытались преобразовать прибыль от своего предприятия в своего рода ренту, которая гарантировала бы им определенный социальный статус. Им в меньшей степени был свойствен «аскетизм» в личном потреблении и в большей — «расточительство», имеющее целью выставить напоказ свое богатство.

Исторически в англосаксонских странах, и прежде всего в США, под влиянием протестантизма доминирующим стал первый тип предпринимателя. Напротив, в романских странах, в которых были сильны аристократические, католические и мелкобуржуазные ценности, преобладали предприниматели второго типа⁴⁸.

Если для верхушки буржуазии был всегда характерен высокий уровень групповой идентификации, то формирование класса капиталистов как социально-психологической общности тормозилось свойственным им индивидуализмом. Первоначально предприниматели объединялись скорее для защиты своих узкокорпоративных, а не классовых интересов. В первые годы своего существования союзы английских предпринимателей боролись в основном за свободную торговлю, немецких или американских — за введение защитных таможенных обложений. Все первые французские предпринимательские союзы создавались лишь на региональном или отраслевом уровне и предназначались только для воздействия на таможенную или транспортную политику правительства⁴⁹. Для создания предпринимательских организаций, которые выполняли бы и определенные экономические и социальные функции, необходимо было, чтобы главный экономический интерес капиталистов — жажда прибыли — перестал быть лишь фактором разобщения господствующего класса. Капиталисты должны были осознать, что доля прибыли, получаемая каждым из них, зависит от степени эксплуатации всего пролетариата всей буржуазией, они должны были понять необходимость совместной борьбы за наилучшие условия извлечения прибыли⁵⁰.

2. Возникновение «корпоративной» личности

Переход капитализма от домонополистического к монополистическому, а затем к государственно-монополистическому повлек за собой трансформацию буржуазного сознания и поведения. Присущее монополистическому капитализму возрастание роли акционерного капитала и коллективно-капиталистической собственности, выделение внутри класса буржуазии наиболее мощного (экономически и политически) слоя финансовой олигархии, возрастающее отделение капитала-собственности от капитала-функции — всё это значительно усложнило структуру класса, усилило многообразие типов буржуазной психологии и сознания.

Для современного капитализма характерно усложнение системы связей между отдельными хозяйственными единицами. Преобладавший ранее индивидуальный или семейный тип капиталистической собственности сочетает-

ся с контролем финансовых групп, охватывающим множество предприятий, относящихся к различным отраслям экономики. В механизме экономической власти возросло значение банков и других «институциональных инвесторов», расширилась цепь участия, усложнилась система переплетающихся директоратов. Между формально независимыми фирмами возникают сложные финансовые связи, обеспечивающие господство монополий. Конкурентная борьба между независимыми предприятиями сочетается с регулирующей деятельностью правлений концернов и трестов, носящей типично административный характер.

Вместо предпринимателя, собственника «дела», поддерживающего минимальные связи с другими фирмами и государством, субъектом власти в крупных корпорациях стало корпоративное руководство, включающее не только собственников, но и высших менеджеров⁵¹. Иначе говоря, хозяйская власть во многих крупных корпорациях перестает носить строго индивидуальный, частный характер и все более сосредоточивается в руках «коллективного капиталиста», «корпоративного предпринимателя». Если на стадии домонополистического капитализма отдельный предприниматель мог действовать и чаще всего действовал в одиночку, то в период государственно-монополистического капитализма он сплошь и рядом вынужден действовать как один из членов «корпоративной группы», основанной на общности интересов и на общности капитала. «Фактом является то, — писал английский социолог Э. Джей, работавший менеджером в одной из компаний, — что мы не можем выжить сами по себе, а группа выживает только потому, что она группа»⁵².

Результатом этой перестройки стало выделение внутри господствующего класса самостоятельного слоя — высших управляющих, выполняющих все реальные предпринимательские функции, бывшие ранее прерогативой «активного» капиталиста-собственника. Те из них, кто владеет крупными пакетами акций «своих» предприятий, являются одновременно собственниками-капиталистами, остальные, будучи формально наемными, фактически получают доходы, намного превышающие рыночную цену за их труд, участвуют наряду с собственниками в распределении капиталистической прибыли. Однако положение управляющих зависит не столько от отношения к средствам производства, сколько от иерархических позиций в системе власти.

Слой высших управляющих представляет собой ту группу класса буржуазии, которая (независимо от формально-юридического статуса ее представителей) в наиболее полном и последовательном виде отражает социально-психологические тенденции, развившиеся в этом классе в условиях современного капитализма. Эти тенденции в значительной мере характерны и для представителей финансовой олигархии, для тех людей, которые заправляют в крупнейших монополистических компаниях. Поэтому рассмотрение особенностей психологического склада данной группы представляет первостепенный интерес для анализа современной буржуазной психологии и буржуазного сознания в целом.

Характер современного производственного процесса (особенно в новейших отраслях производства) и рыночных отношений таков, что независимо от того, являются ли высшие руководители капиталистических компаний собственниками или только профессиональными управляющими, от них требуется уже не просто опыт практической деятельности, деловая хватка, инициативность, но и специальная квалификация, профессиональные навыки. Требования к уровню подготовки высших менеджеров постоянно возрастают. Диплом высшей школы стал необходимым условием продвижения вверх — к посту главного управляющего. Так, с 1900 по 1964 г. доля лиц с высшим образованием среди высших управляющих крупнейших американских корпораций поднялась с 40 до 96%⁵³.

По мере развития внутрифирменного планирования руководителям современных монополий недостаточно обладать интуицией и уметь верно оценивать конкретную ситуацию на рынке, они должны также перспективно мыслить, точнее обосновывать свои действия и планы. Как писал западногерманский журнал «Шпигель», в современном бизнесе «на место интуитивных предпринимателей приходят люди, для которых компьютер, системный анализ и программирование являются привычными понятиями»⁵⁴.

Руководители современных крупных корпораций обязаны в первую очередь налаживать работу специалистов-инженеров, бухгалтеров, исследователей рынка и т. п., обладать способностью оценивать доклады, заниматься перспективным планированием. Поскольку важнейшей составной частью работы высшего руководителя «большой организации» является увязывание деятельности

многих подразделений корпорации, значительную часть времени он, естественно, посвящает различного рода совещаниям и личным переговорам⁵⁵. Его работа осуществляется в тесном контакте с руководителями подразделений, низшими менеджерами. Решения, которые он принимает, являются в силу этого не чисто индивидуальными, а в большей или меньшей степени коллективными. Он объединяет и координирует усилия многих людей, направляет их к единой цели и извлекает из их деятельности максимум пользы. Высший менеджер превращается в лидера руководящей группы корпорации и призван, по выражению американского ученого М. Макоби, «организовать команду победителей»⁵⁶.

Одно из важнейших отличий в положении высшего менеджера и «традиционного» капиталиста заключается в изменении типа карьеры. «Переход от либерального капитализма мелких собственников к корпоративной системе монополистического капитализма, — отмечал американский социолог Р. Миллс, — меняет пути к успеху и само его содержание. Ранее служба в конторе была просто шагом на большом пути к самостоятельному предпринимательству, а ныне конторская работа означает продвижение внутри бюрократической иерархии»⁵⁷.

На смену свободной, «открытой» рыночной конкуренции «традиционного» типа пришла «организованная», заданная спецификой «большой организации», «закрытая» конкуренция внутри корпорации. Сознание высших менеджеров формируется в «коридорах» власти «больших организаций», а не в условиях рыночной стихии. Если «традиционный» капиталист как в прошлом, так и в наши дни должен сам создавать свою «лестницу успеха», то современный профессиональный управляющий видит уже существующую «лестницу», по которой ему предстоит подняться. Он берется «не за добывание собственного капитала непосредственно, а за приобщение, подключение к совокупному капиталу компании»⁵⁸ и поэтому вынужден реализовывать свой частный интерес в рамках «корпоративной коллективности». Именно это обстоятельство сильнее всего способствует формированию нового типа предпринимателя — «корпоративной» личности.

Даже заняв высший пост, менеджер не в пример предпринимателю-собственнику не получает полной личной независимости: его свобода в большинстве случаев — такова особенность «большой организации» — институцио-

нально ограничена той группой коллег и основных акционеров, которые совместно с ним осуществляют власть. В силу этого обстоятельства он должен соизмерять свои частные интересы с интересами других членов «корпоративной группы» и с интересами корпорации как целого. По словам М. Макоби, в сознании высшего менеджера «личные цели объединены с «целями корпорации», он подчиняет свое «я» интересам корпорации, понимая, что, находясь во главе ее, служа ей, он служит себе»⁵⁹. В результате современный «искатель выгоды» сознательно ориентируется на приспособление к задаваемой ему организацией роли, тщательно соблюдает «корпоративные» нормы и правила, учитывает требования социального окружения.

По мере модификации структуры крупных компаний меняется «социальная стратегия» буржуазных династий. Для их воспроизводства династические браки утратили прежнее значение, на первое место вышло приобретение образования. Получив элитарное специальное образование, наследники уходят не только в семейный бизнес, но и в государственный аппарат, в политику, в науку и другие престижные сферы. В результате ослабевает контроль «буржуазной династии» над жизнью своих членов, но как институт она приобретает большую устойчивость: традиционно присущая ей борьба за власть и богатство дополняется более глубокой солидарностью, основанной на взаимной поддержке и расширении «социального капитала», позиций и престижа в обществе.

Функции, которые выполняют в рамках монополистических «больших организаций» многие руководители бизнеса, формируют у них «коммуникативную этику»⁶⁰, согласно которой лучший способ достижения успеха состоит в правильно построенных отношениях с другими людьми. По словам одного английского менеджера, «изучение личности, умение понять, распознать личность — большое искусство руководителя... Необходимо различать способности и качества людей. Необходимо проявлять интерес ко всему, что они делают»⁶¹. Как писал Ю. А. Замошкин, в условиях свободного предпринимательства капиталист обладал известной независимостью в личностных отношениях с другими людьми и мог исходить в своей деятельности прежде всего из личных побуждений⁶². В рамках «корпоративной коллективности» межличностные отношения приобретают, напротив, решающее значение. По словам У. Уайта, автора нашумевшей

книги «Человек организации», глава корпорации должен производить такие изменения, которые не нарушали бы существующих взаимоотношений внутри организации. «Я готов пожертвовать любой светлой головой ради сохранения взаимопонимания между людьми в организации»⁶³, — заявил Уайту один из ведущих менеджеров. Не столько семейные и родственные связи, сколько «межличностные отношения» внутри корпорации являются основным «внеэкономическим» средством достижения частной выгоды⁶⁴.

Способность решать проблемы «межличностных отношений» стала важнейшим качеством и прямой обязанностью руководителей фирм. Согласно социологическому обследованию объявлений в прессе, приглашающих управляющих на высокие посты в компаниях, от них требуют «умения работать в коллективе», «синтезировать», «поддерживать человеческие отношения», «вступать в контакты на высшем уровне», «согласовывать точки зрения», «осуществлять координацию между клиентами, покупателями, государственной администрацией и производителями», «вести переговоры с государством, банками, профсоюзами». На крупные менеджерские посты приглашают людей, обладающих «дипломатическим искусством», «гибкостью характера», «чувством компромисса», «красноречием»⁶⁵.

На смену «мирскому аскетизму» «традиционного» предпринимателя, воздерживавшегося от житейских благ ради интересов «дела», пришла, как пишет американский социолог Э. Винтер, «мирская скромность» современного менеджера⁶⁶. Это означает, что менеджер обязан воздерживаться от каких-либо претензий на сугубо личные, персональные заслуги в делах всей организации. Менеджер не должен претендовать на лавры героя, утверждать, что успех корпорации был предрешен его индивидуальными качествами, его способностями, талантом. «Ныне почести не воздаются отдельному лицу... — писал известный американский экономист Дж. Гэлбрейт. — Уважением пользуются ныне корпорации»⁶⁷.

Новая производственная ситуация и новый тип карьеры требуют от менеджера принципиально иных, чем у «традиционного» предпринимателя, качеств для продвижения наверх. Джеймс Муир, бывший председатель канадского «Ройал бэнк», так описал дорогу успеха «корпоративной» личности: «Чтобы достичь полной вла-

сти, честолюбцы (поднимаясь неслышно по ступенькам корпоративной лестницы) должны доказать свою приверженность тем, кто уже имеет ее. Они должны сделать то-то и то-то, занять определенную позицию, пройти через определенные испытания, и тогда они добьются своего. Нужно не только обладать способностями к бизнесу и проявлять добропорядочность и честность. Манеры, политические убеждения, образ жизни, даже взгляды на женщин возможных преемников должны совпадать со взглядами и вкусами их начальников. Чтобы занять место своего начальника, служащий корпорации должен скрывать свои чувства и реагировать на малейшее проявление воли шефа, на его жесты, настроение или высказывания»⁶⁸.

Подобный тип карьеры формирует чаще всего не предпринимателя, а «службиста», «хорошо обструганного администратора» и бюрократа. Даже высшие менеджеры, прошедшие через средние ступени управления, наследуют какие-то психологические черты «человека организации», бюрократа-карьериста. По словам организатора опроса среди глав металлургических концернов, «управляющие, которые долго занимали подчиненные должности, часто утрачивали способности, необходимые для того, чтобы принимать решения и идти на риск»⁶⁹. По данным опроса Макоби, проведенного в 70-х годах, даже среди высших менеджеров можно встретить «человека организации», неукоснительно выполняющего «кодексы честной конкуренции и поэтапного продвижения по корпоративной иерархии»⁷⁰.

Однако в целом главный управляющий, будучи по своему положению лидером, ведущим за собой людей, человеком, зачастую принимающим важнейшие решения, полагаясь на интуицию, и несущим ответственность за прибыли компании, за эффективность ее деятельности, есть наименее «бюрократизированная» фигура в «большой организации». Этим он отличается от менеджеров среднего уровня, все чаще становящихся «службистами» и карьеристами-бюрократами. Если в рамках корпорации конкуренция «организована», то за ее пределами бушует рыночная стихия. Поднявшись по иерархической лестнице, получив доступ в «комнату с кнопками», менеджер волей-неволей принимает нормы поведения собственника-капиталиста. В нем просыпается «экономический человек». Менеджер, занимающий высший командный пост и являющийся истинным главой

корпорации, отмечал У. Уайт, стремится сам определять свою судьбу, не вверяя ее организации⁷¹.

Главные управляющие, особенно те из них, кто не связан с корпорацией отношениями собственности, чаще всего делают свою карьеру, работая не в одной компании. В конце 60-х — начале 70-х годов около $\frac{2}{3}$ высших менеджеров крупнейших американских и западноевропейских компаний поднялись наверх, «перепрыгивая» из одной фирмы в другую, или шли в бизнес из других сфер общественной жизни — политического мира, госаппарата⁷². С помощью таких переходов они накапливали «социальный капитал», приобретали опыт, готовились стать «поливалентными» руководителями, способными быстро решать любую проблему, стоящую перед организацией. Их компетенция, основанная на умении «синтезировать», давала им определенную независимость от компании.

По своему социально-психологическому складу большинство высших менеджеров чрезвычайно близко типу «нормального капиталиста», ориентированного на расширение дела, личную независимость и «производство ради производства». Им свойственно стремление к самоутверждению в корпоративной иерархии, жажда успеха и лидерства, честолюбие, стремление к реализации предпринимательского «я». По данным западногерманского обследования, 87,9% предпринимателей-собственников и 93% высших менеджеров назвали удовольствие от управления, принятия решений и ответственности преобладающим мотивом предпринимательской деятельности⁷³.

Описывая доминирующую среди высших менеджеров жизненную ориентацию, Макоби использует условный термин «человек-игрок». Он утверждает: «Его главный интерес — в решении новых проблем, в конкуренции, где он может доказать свою способность стать победителем»⁷⁴. По словам Макоби, «человек-игрок» относится «к работе и к жизни как к игре. Соперничество возбуждает его, и он передает свой энтузиазм другим людям, поднимая их энергию». Дж. Уэйкфил, молодой, энергичный президент одной крупной американской корпорации, прямо заявил Макоби: «По характеру я свободный и любящий свободу игрок. Люблю зажигать людей, убеждать их в необходимости превзойти самих себя... Сгораю на работе...»⁷⁵

Как правило, рабочая неделя высшего менеджера длится 50—60 часов, он постоянно работает дома, зача-

стую по ночам. По словам Б. Салливана, президента крупной чикагской корпорации, девизом менеджера должен быть принцип: «Работать с полной отдачей, напряженно и много»⁷⁶. В жизни высшего менеджера, как и в жизни «деятельного» предпринимателя, все подчинено работе, и он просто не в состоянии отгородить свою жизнь от работы, разграничить работу и отдых⁷⁷. Из 190 опрошенных директоров крупных английских компаний 47% испытывали наибольшее удовлетворение от работы, 43% — от работы и отдыха и лишь 10% — только от отдыха⁷⁸.

Сами высшие менеджеры, объясняя свою добровольную загруженность работой, называют разные причины. Долг перед корпорацией, сложный характер и большие объемы работы — важные, но далеко не главные среди них. Обычно, отвечая на вопрос, почему он так много трудится, почему сверхурочная работа для него скорее норма, чем исключение, менеджер говорит о «демонах, которые сидят внутри его»⁷⁹. Он работает много, потому что этого требует его предпринимательское «я». Поглощенность «делом» оказывается сильнее дружеских связей, эмоциональных привязанностей, семейных отношений. Как заявил один английский высший менеджер, он «не способен сосредоточиться на семье»⁸⁰. Таким образом, современные управляющие, как и «традиционные» предприниматели, чаще всего являются рабами своей деятельности.

Профессиональные менеджеры высшего уровня, не имеющие унаследованного семейного состояния, ощущают комплекс социальной неполноценности по отношению к собственнику. По данным Макоби, «более половины опрошенных менеджеров заявили, что в ситуации выбора они предпочли бы встать во главе небольшой, но собственной компании, чем занимать высший пост в крупной корпорации»⁸¹.

Современный менеджер получает жалование, вознаграждение, его расходы оплачивает фирма, он пользуется многочисленными привилегиями (от самолета компании до членства в аристократическом клубе), но его власть преходяща, ее нельзя вместе со статусом передать сыну. Незафиксированность социального статуса, реальность увольнения (вернее говоря, отсутствие абсолютных гарантий от него) объясняют такие черты психологии менеджера, как чувство страха, напряжение, неуверенность. Согласно опросу Макоби, большинство

управляющих обследованных им корпораций признали, что «конкуренция и неопределенность заставляли их испытывать чувство постоянного психического напряжения»⁸².

В восприятии менеджера собственность перестала носить персонифицированный характер. Он имеет дело, как правило, с акционерной собственностью, с собственностью диверсифицированной, для него она «анонимна». Уважая принцип частной собственности, менеджер состоит с ней в функциональных отношениях (разумеется, кроме тех случаев, когда сам он является частным собственником). Вот почему для социально-психологического склада высшего менеджера нетипична самодовлеющая страсть к богатству, его влекут богатство и власть в совокупности⁸³.

Крупная корпорация, являясь органической частью капиталистического общества, представляет собой институт для «производства прибыли». Независимо от того, чем субъективно руководствуются предприниматели, действия каждого руководителя корпорации, будь то собственник или профессиональный управляющий, по-прежнему подчинены имманентным законам капиталистического производства. Но если для корпораций как институтов мотив прибыли сохраняет по-прежнему свое императивное значение, то в сознании их президентов или директоров-управляющих жажда богатства порой становится второстепенной, а на первый план выходит стремление к ничем не ограниченной власти⁸⁴.

По мере интернационализации производства и капитала, расширения влияния и сферы деятельности транснациональных компаний происходит космополитизация буржуазного сознания, особенно в среде высшего менеджмента международных корпораций⁸⁵. П. Лео, один из директоров англо-голландской транснациональной компании «Шелл», говорил: «Я себя чувствую скорее человеком «Шелл», чем гражданином Голландии»⁸⁶. На смену «традиционному» буржуа, мыслившему обычно национальными категориями, приходит монополист, рассматривающий весь мир как сферу деятельности своей корпорации. По словам Ж. Мэзонружа, главы «ИБМ уорлд трейд корпорейшин», «для целей бизнеса границы, отделяющие одну страну от другой, в действительности значат не больше, чем линия экватора»⁸⁷.

Государственные границы и национальные интересы воспринимаются высшими менеджерами транснациональ-

ных компаний лишь как досадное препятствие на их пути. Глава корпорации «Доу Кемикл» прямо заявил, что он «мечтал бы разместить генеральный штаб своей корпорации на подлинно нейтральной почве, на каком-нибудь острове, не принадлежащем ни одной нации и ни одному государству»⁸⁸. В связи с космополитизацией сознания руководителей транснациональных компаний английский социолог П. Фокс писал: «Некоторые люди, обладающие богатством и властью, безразличны к тому, будет ли процветать британский капитализм, коль скоро процветает международный капитализм, а они полагают в нем прочными позициями»⁸⁹.

На сознание всех слоев — и мснеджернальных, и собственнических — современной крупной буржуазии влияет обстановка общего кризиса капитализма, дискредитация его основных принципов и ценностей. Рост антимонополистических сил, активизация различных демократических движений, выступающих против диктата монополий и разрушительных экономических и социальных последствий их хозяйничанья, развитие критических по отношению к крупному бизнесу настроений вынуждают монополистическую буржуазию учитывать состояние и реакцию общественного мнения. Сегодня, пишет Дж. Гэлбрейт, даже нефтяных воротил покори́били бы слова, некогда брошенные Вандербильдом: «Пошла она к черту, эта общественность!» «В наше время, — подчеркивает американский экономист, — самый беззастенчивый грабитель должен представлять себя поборником общественного блага, во всеуслышание заявлять, что основная его забота — служить интересам людей свободного общества»⁹⁰.

Ценностная ориентация руководителей крупных компаний уже не укладывается в схему индивидуализма классического типа, в рамки традиционного «рваческого» подхода. Только постоянно учитывая меняющуюся социально-политическую реальность, крупная компания может гарантировать максимизацию прибыли в долгосрочной перспективе. Если, например, принятое руководителями фирмы решение противоречит интересам какой-либо социальной группы, то оно может быть ею заблокировано. В результате, как отмечает Б. Г. Юлин, узко понятая эффективность, стремление получить максимальный результат с наименьшими затратами могут в конечном счете обернуться убытками для самой компании⁹¹. Необходимость ликвидировать разрыв между

в какой-то мере налаженным механизмом внутрифирменного планирования и стихийными процессами, происходящими в «социальном окружении» крупной компании, заставляет ее руководителей волей-неволей принимать во внимание не только поддающиеся прогнозированию экономические факторы, но и более широкий социальный контекст.

Если «традиционный» буржуа испытывал психологическую напряженность от несовместимости своих «экономических» и «социальных» функций и «снял» ее, как правило, отказом от одной из них (либо производственных, либо социально-политических), то высшие управляющие современных крупных корпораций все чаще и чаще пытаются совмещать обе эти функции. Уже в конце 50-х годов президент «Нешил Стил корпорейшн» Дж. Хэмфри свел суть новой взаимозависимости между бизнесом и общественно-политической деятельностью к простой детерминистской формуле, заявив, что предприниматель, «желающий оставаться активным в бизнесе, должен непременно активизироваться в политике»⁹².

По образованию, типу карьеры, функциональному месту в системе власти, системе ценностей и идейно-политическим установкам современные высшие менеджеры в гораздо большей степени, чем «традиционный» капиталист, приспособлены к выполнению роли «мыслителей» своего класса, его идеологов. Они выступают по телевизору, пишут статьи и книги, открыто поддерживают отношения с политическими деятелями и высшими чиновниками. Они возглавляют компании национального значения, получающие львиную долю государственных заказов и пользующиеся постоянной поддержкой государства. Они участвуют в ряде комиссий и комитетов, в которых разрабатывается общенациональная социально-экономическая политика. Как отмечалось в одном социологическом обследовании, они играют роль агентов, связывающих государство и деловой мир, формируют так называемую государственно-монополистическую буржуазию⁹³.

Одним из важнейших моментов изменившегося положения класса капиталистов в обществе стало резкое возрастание регулирующей деятельности буржуазного государства. В современных условиях экономическая деятельность капиталиста любого типа все в большей мере зависит от макроэкономических решений, принимаемых на политическом уровне. Сам экономический

процесс, особенно на стадии разработки долгосрочных перспектив, все в большей степени определяется политическими факторами. В свою очередь экономика непосредственнее, чем когда бы то ни было раньше, стала влиять на национальный политический курс. Роль рынка как автономного регулятора экономики заметно снизилась. Функцию основного регулятора сращивающихся политической и экономической систем взяли на себя государственно-монополистические институты.

В результате наметился пересмотр отношения руководителей крупных корпораций к государству и его регулирующей деятельности. Высший управляющий крупной нефтяной компании «Атлантик Ричфилдз» Т. Брэдшоу заявил, что «бизнес больше не действует в системе свободного предпринимательства», он стал частью комплекса, состоящего из правительственных и частнопредпринимательских сил⁹⁴. И. Шапиро, которого в 70-х годах в США называли «образцом современного бизнесмена», человеком, «одна нога которого в офисе, другая — в Вашингтоне», считал, что «в последние годы имели место фундаментальные перемены во взглядах многих глав корпораций. Бизнесмены оказались лично вовлечены в процессы управления страной. Коль скоро государственное воздействие на бизнес возросло, предприниматель должен столь же хорошо разбираться в делах политических, как в вопросах производственных или административных»⁹⁵.

Таким образом, в современном господствующем классе буржуазного общества сосуществуют различные социально-психологические типы. Наряду с «традиционными» типами капиталистов-собственников, ориентированных на расширение своего «дела», и «наследников» буржуазных династий, озабоченных прежде всего укреплением их социальных позиций, в монополистическом секторе экономики возник новый социально-психологический тип — «корпоративная» личность, воспитанная «большой организацией». Внутри этого типа можно выделить высших менеджеров, подчинивших личные цели целям корпорации и принявших бюрократические нормы поэтапного продвижения по иерархической лестнице, и высших менеджеров, которые стремятся к власти не только в рамках организации, но и над ней. Многие из них являются крупными собственниками-капиталистами. Данный тип психологии характерен и для высшего слоя класса буржуазии — монополистической олигархии.

Что касается монополистического сектора, то в нем увеличилась доля бизнесменов, готовых ради стабильности и независимости фирмы ограничить ее рост, и доля субподрядчиков монополий, потерявших юридическую или фактическую независимость и принявших в результате этого «психологию вассала». Подобная дробность и пестрота социально-психологического облика совокупного капиталиста наших дней стали главной причиной сложности, внутренней расчлененности и до известной степени противоречивости системы ценностей современной буржуазии.

3. Система ценностей современной буржуазии

На ранней стадии развития капитализма основой буржуазной системы ценностей были принципы «купли-продажи», обусловившие распространенность и закрепление в системе буржуазных межличностных отношений своеобразной «рыночной морали». Страсть к личному обогащению была, по словам Ф. Энгельса, «движущей силой цивилизации»⁹⁶.

Взгляд на общество как на механическую совокупность индивидов и представление о свободной конкуренции как о наиболее эффективном и предельно достаточном регуляторе экономических процессов породили определенные нормы ведения конкурентной борьбы, правила игры на свободном рынке. Важнейшим из них был принцип «равенства возможностей». В системе представлений «традиционных» предпринимателей жизнь рассматривалась как состязание, в котором победа достается наиболее умному, сильному, достойному.

В буржуазной системе ценностей принцип «равенства возможностей» сочетался с верой в необходимость устойчивой общественной иерархии, с убеждением в незыблемости и естественности социального неравенства, в законности «естественной аристократии», «людей, рожденных властвовать»⁹⁷. Именно поэтому, с точки зрения «традиционного» буржуа, свобода и равенство несовместимы, свобода есть прежде всего право на неравенство. В буржуазной идеологии неравенство провозглашается «фатальным законом» общественной жизни и считается, что установление социального равенства вызовет исчезновение конкуренции и, следовательно, остановку прогресса. В социальном неравенстве, дума-

ют предприниматели, заключена живительная сила, оно пробуждает естественные инстинкты человека, а социальное равенство станет «равенством нищих»⁹⁸. Американский сталепромышленник Э. Карнеги откровенно заявил, что нужно выбирать между «крупным разрывом» в доходах и «всеобщей нуждой»⁹⁹.

Подобная идеальная модель мира, сконструированная в традиционном буржуазном сознании, представляла собой сообщество преуспевших индивидов, в котором личность превалирует над группой, индивид — над коллективом, индивидуальные свободы — над общественными обязанностями. Из буржуазного индивидуализма вытекала идея личной ответственности: абсолютизируя роль личных качеств человека, буржуазная система ценностей налагала на него ответственность за его успех или неудачу. Отсутствие ответственности индивида перед обществом и возведенная в моральный абсолют ответственность личности перед собой являлись в сущности различными сторонами единой ценностной категории — автономии индивида по отношению к обществу.

Если достижение общественного блага находится в зависимости от действия стихийных сил, от некоординируемых усилий множества индивидов, стремящихся к собственному благу, то личный успех, личное процветание и благополучие — дело отдельной личности. Сам по себе успех в достижении богатства становится благом, а неуспех — злом; поэтому в буржуазной системе ценностей мерилom значимости, полноценности личности оказываются не столько качества индивида, его талант, способности, неповторимость, сколько результат использования этих качеств в конкурентной борьбе для достижения успеха.

Возведение личной независимости в высшую ценность, неоспоримое признание «естественности» нерархической структуры общества и социального неравенства — эти ценностные ориентации в неизменном виде «перекочевали» из «традиционной» в современную буржуазную идеологию. Благодаря именно этим ценностям между «классической» и современной системами ценностей буржуазии существует несомненная преемственность, бесспорное «семейное сходство». При всех психологических различиях между «традиционным» предпринимателем и «корпоративной» личностью эти ценности образуют основополагающий, единый компонент их сознания.

Независимо от избранной стратегии, сферы деятельности и социального статуса представители современной буржуазии, как и капиталисты домонополистического периода, стремятся к личной свободе, независимости от социального окружения. «Я всегда мечтал, — писал фабрикант Лип, — не зависеть не только от кого-нибудь в частности, но и от всего мира в целом»¹⁰⁰. По данным обследования, проведенного в середине 70-х годов, 79,8% западногерманских предпринимателей (в том числе 82,7% собственников и 69% высших менеджеров) заявили, что стремление к самостоятельности и независимости является преобладающим мотивом предпринимательской деятельности¹⁰¹. В этом смысле различие между «традиционным» собственником и современным высшим менеджером несущественно. Оно сводится к тому, что независимость «традиционного» собственника вытекала из автономии предприятия, тогда как менеджер стремится скорее к личной автономии в рамках корпоративной структуры власти.

Достижению одной цели — независимости — могут быть подчинены разные, порой даже противоположные установки современного предпринимателя: и на карьеру в рамках «большой организации», и на расширение «дела», и на его стабильность. Французский социолог Ж. Саглио утверждает, что для всех предпринимателей характерна одна стратегия, в которой независимость является целью, а экономический рост — лишь средством достижения цели. По его подсчетам, 77% предпринимателей, возглавляющих быстро растущие предприятия, выдвигают в качестве первоочередной цели независимость фирмы, тогда как 66% опрошенных, руководящих предприятиями с низкими темпами роста, считают первоочередным «обеспечить быстрые темпы роста»¹⁰². Предприниматели первого типа готовы пожертвовать возможностями экономического роста ради сохранения контроля над «делом». Ориентация предпринимателей второго типа на экономический рост чаще всего является следствием слабых рыночных позиций возглавляемых ими фирм и необходимости считаться с конкурентами и кредиторами: они делают ставку на экономический рост, надеясь постепенно вернуть своей фирме независимость. Таким образом, во всех ситуациях речь идет прежде всего об укреплении личной автономии предпринимателя.

Опасение утратить независимость — ведущий мотив и для тех, кто не хочет расширять свое «дело». Когда у французских предпринимателей, испытывающих недостаток в капитале, спросили, что им мешает его увеличить, наибольшее число (35%) ответили: «Необходимость сохранить независимость фирмы»¹⁰³. На вопрос: «Какой вы представляете себе свою фирму через 20 лет?» — владельцы мелких фирм английской обрабатывающей промышленности (преобладали фирмы, занимавшие от 10 до 50 человек) часто отвечали: «Такого же размера, все еще независимой и прочной»¹⁰⁴.

По другим компонентам буржуазного сознания также сохраняется преемственность между «традиционной» и современной системами ценностей. Представления «традиционного» буржуа об обществе как иерархической системе и в наши дни остаются непоколебленными в буржуазном сознании, составляя ядро современного буржуазного мировоззрения. Так, в середине 70-х годов 93,5% крупных французских чиновников и 91,6% глав ведущих французских корпораций, опрошенных американским политологом Э. Сулейманом, утверждали, что в любой организации есть те, кто командует, и те, кто подчиняется¹⁰⁵. При этом социальное неравенство обосновывается «естественным» неравенством природных способностей и задатков. По тем же данным, 95,1% французских чиновников и 93,6% крупных предпринимателей заявляли, что «одни люди рождаются с качествами лидеров, тогда как другие их никогда не приобретут»¹⁰⁶.

В ходе опроса предпринимателей, проведенного в США, опрашиваемым бизнесменам предложили ответить на вопрос: «Какую экономическую систему можно считать справедливой: ту, при которой все члены общества в равной мере пользуются богатствами, или ту, где более достойные имеют несравненно больше остальных?» Первую систему признал справедливой лишь 1% предпринимателей, а вторую — 96%. На вопрос: «Как преодолеть неравенство — путем предоставления всем равных возможностей или путем уравнивания доходов?» — 85% предпринимателей ответили, что они предпочли бы первый путь¹⁰⁷.

Большинство ценностных представлений «традиционной» буржуазии существенно трансформировалось в сознании высших менеджеров. Если в «традиционной» системе ценностей делался упор на собственности, пред-

принимательском риске, прибыли, то в менеджеральной — на профессиональных качествах управляющего, его компетенции. Менеджер черпает свои представления об обществе не из сферы обращения товаров, а из «рационального» и «организованного» мира корпорации. Он противопоставляет принцип «рациональности управления» иррациональности рынка и действий некомпетентных собственников.

Опираясь на знания и опыт, дающие дополнительную силу, представители высшего менеджмента пытаются оттеснить от рычагов власти неквалифицированных собственников. В результате они вольно или невольно начинают рассматривать знания, компетентность, организационный талант в качестве основного источника власти, придавая чисто управленческим навыкам, «императивам технологии», «логике производства» самодевулюющее значение и превращаясь таким образом по складу мышления в технократов. Как отмечалось в советском исследовании, в менеджеральной (или в технократической) системе ценностей управление «превращается в самоорганизующуюся, исключительно по своим внутренним законам протекающую деятельность «чисто организационного», «профессионального», «специализированного» характера»¹⁰⁸. Фетишизация «технических проблем», их обособление от идеологии — первая и основная черта «технократизма».

Для представителей буржуазии «традиционного» типа технократическая система ценностей неприемлема из-за отсутствия прямой связи с такой ключевой категорией прежнего буржуазного сознания, как собственность. Предприниматели-собственники предполагают, что менеджеры исподволь внедряют в частнокапиталистическое предприятие «бюрократизм» и «этатизм». Они считают, что «человек организации» отказывается думать самостоятельно и верит, что организация решит за него все проблемы. Это означает «призыв к посредственности», потерю основной предпринимательской ценности — «духа риска». Согласно одному обследованию, западногерманские капиталисты-собственники утверждали, что менеджеры — это «функционеры», которые, не владея собственностью и не имея прочных связей с компанией, свободно переходят от одной сферы деятельности к другой и думают не об интересах бизнеса, а лишь о личной карьере¹⁰⁹.

Предприниматели «традиционного» типа испытывают острую неприязнь к крупным бюрократическим организациям, страх перед «контролем» и вмешательством государства. Они с опаской относятся к любой организованной силе, будь то государственные банки или профсоюзы, и воспринимают их как нечто враждебное и безжалостное. Их ощущение мира дихотомно: в понятие «мы» они помимо себя включают мелкий и средний бизнес, также признающий основополагающий принцип свободы предпринимательства, а понятие «они» отождествляют с «большими организациями», трестами, транснациональными корпорациями, национализированными компаниями, государственной бюрократией, профсоюзами, политическими партиями, менеджерами, чиновниками. С точки зрения «традиционного» буржуазного сознания и национализация, и превращение фирмы в «большую организацию» ведут к ликвидации личной свободы, частной инициативы, мотива прибыли, к «бюрократизации». Как заявил один из французских собственников небольшой фирмы, «между национализированной компанией и частным трестом нет никакой разницы»¹¹⁰.

Базируясь на таких основах, как рынок, конкуренция и прибыль, технократическая система ценностей, однако, вполне укладывается в рамки буржуазной модели сознания. Американский ученый С. Коэн подчеркивал, что «технократов больше волнуют проблемы повышения уровня производства, чем уравнивание распределения. Они приветствуют высокие прибыли, поскольку считают прибыль мотором капиталистической экспансии»¹¹¹.

Таким образом, несмотря на разнообразие психологических типов современного буржуа, ценностные системы мелкого бизнесмена, высшего менеджера, крупного капиталиста-собственника имеют много общего с «видовыми» признаками ценностной системы «нормального капиталиста» периода свободной конкуренции. Тем не менее сложность, «многослойность», определенная внутренняя противоречивость системы ценностей современного класса капиталистов как результат несовпадения ценностных установок различных его групп существенно отличают ее от более целостной, единообразной системы ценностных представлений буржуазии прошлых времен.

Наличие у современной буржуазии множества ценностных установок и даже своеобразных «подвидов» буржуазных ценностных систем отнюдь не означает идейного раскола буржуазии. Дело даже не столько в преемственности ценностных систем, хотя она и очевидна. Иным стало единство буржуазии, «структура», «организация». В настоящее время степень осознания различными представителями буржуазии единства общеклассового интереса (что и является связующей, объединяющей силой класса) несравнимо выше, чем в прошлом. Ранее классовое единство и целостность «традиционной» буржуазии обеспечивались большей однородностью класса, практически одинаковым отношением различных представителей и групп буржуазии к унифицированной (и потому также единой) общеклассовой системе ценностей. Современное единство класса, напоминающее по ряду внешних признаков скорее «коалицию», обеспечивается равновеликой заинтересованностью разных групп буржуазии в сохранении неизменных условий ее социально-политического господства как класса.

Идеология класса, являясь концентрированным выражением его наиболее общих, коренных интересов и ценностей, оправдывает положение класса в обществе, его цели и устремления, его взаимоотношения с иными классами и слоями, т. е. является формой легитимизации данного класса в общественной системе. Идеология господствующего класса не только оправдывает его господство, но и является одним из средств обеспечения этого господства, одним из элементов культурной и идейно-политической гегемонии класса.

Процесс легитимизации буржуазии носит двуединый характер. С одной стороны, капиталистам необходимо чувствовать внутреннюю уверенность в своем праве на господствующие позиции в обществе, на социальные привилегии. Иначе говоря, им надо «рационализировать» свои общественные функции, выработать, по мнению М. Вебера, «теодицею собственных привилегий». С другой стороны, буржуазия должна была превращать идеи господствующего класса в господствующие идеи, поскольку ее система ценностей помимо внутриклассового потребления обеспечивает идейную базу ее господства, ее культурную гегемонию. Она вынуждена представить свой интерес как интерес всех членов общества, т. е. «придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые»¹¹².

Если в период безраздельного авторитета протестантских этических норм и индивидуалистической морали господство буржуазии покоилось на божественном или естественном праве, если позже это господство оправдывалось исключительностью экономических функций буржуазии, то в последние десятилетия класс капиталистов стал выдвигать идею своего «служения» обществу, «социальной ответственности» бизнеса. В сущности эта идея явилась попыткой преодолеть кризис идейно-культурной гегемонии буржуазии, возросшие трудности легитимизации в условиях широкого распространения антикапиталистических настроений и ценностей.

Понимая или ощущая растущую зависимость корпорации от общества, ее руководители стремятся максимально раздвинуть границы в тех областях — географических и социальных, в которых наиболее значима деятельность фирмы. При этом претензии на социальное лидерство корпорации, на ее исключительный приоритет в решении социальных проблем они оправдывают ролью и весом чисто экономической деятельности фирмы, теми благами, которые эта деятельность приносит обществу.

В 1978 г. И. Шапиро, председатель фирмы «Дюпон де Немур», в интервью журналу «Гарвард бизнес ревью» так обозначил причины притязаний бизнеса на «социальное лидерство»: «Я думаю, — заявил Шапиро, — предприниматели и есть те люди, которым предстоит решить все проблемы. Мы не можем жить в процветающем обществе, коль скоро его города приходят в упадок, а члены этого общества не в состоянии обеспечить свои семьи. Мы должны помочь всей системе работать — а это гораздо больше, чем просто обеспечить людей рабочими местами. Бизнес должен решать социальные проблемы общества»¹¹³. Еще более определенно высказался Ю. Дэвидсон, декан школы бизнеса при Корнеллском университете США, в прошлом предприниматель. «Именно предприниматели, — считает он, — могут дать стране настоящих лидеров, которых ей так не хватает, именно бизнес может изменить моральный климат в обществе»¹¹⁴.

Среди причин, вызвавших трансформацию предпринимательских взглядов на социальные обязанности бизнеса, сами предприниматели называют государство, буквально «навязывающее» им определенные модели поведения, усложнившиеся рыночные отношения, диктующие

ной подход к целям и задачам предпринимательской деятельности, а также требования широких масс, абсолютно не реагировать на которые уже невозможно. Многие представители монополистической буржуазии высказывают озабоченность (или она подспудно присутствует в их суждениях) долгосрочными перспективами бизнеса, а вместе с этим и судьбами капитализма¹¹⁵.

Процесс переосмысления социальной стратегии и тактики, принятия новых идеологических конструкций активнее протекал среди монополистической буржуазии: монополии обладают большими материальными возможностями для применения различного рода премиальных систем распределения акций, их руководители хорошо знакомы с новейшими рецептами по оздоровлению «производственного климата», психологического приобщения рабочих к целям капиталистического предприятия. Благодаря распространенности в их среде «коммуникативной этики» они легче перестраивали стиль управления. Высокая степень концентрации рабочей силы повышает организованность и боевитость рабочих на крупных предприятиях, увеличивает силу их давления на менеджмент, заставляя его идти на уступки¹¹⁶.

Кроме того, представители крупного бизнеса опасались, что государство в законодательном порядке навяжет частным фирмам выполнение определенных социальных услуг или, обложив компании новыми налогами, возьмет в свои руки всю социальную деятельность. В результате социальная деятельность корпораций, являющаяся практическим воплощением концепции «служения» бизнесу обществу, становилась порой средством, позволяющим избежать правительственного контроля.

Доктрина «социальной ответственности» изначально была непринемлема для широких кругов предпринимателей. В условиях капиталистического рынка только крупные компании, получающие монопольную прибыль, могли позволить себе такую роскошь, как расходование значительных средств на поднятие своего престижа в глазах общественности. Подавляющее большинство предпринимателей, ведущих борьбу за существование, отказываются проводить социальные мероприятия, не обусловленные законом или выходящие за рамки строгой экономической необходимости. Как заявил М. Дерпи, глава американской семейной компании по производству мебели, «величайшей социальной ответственностью предпринимателя является забота о выживании дела»¹¹⁷.

На практике даже менеджеры крупных корпораций не всегда прямо следовали рекомендациям концепции «социальной ответственности». В их среде был велик разрыв между модернистской риторикой и консервативным поведением. Преподаватель Гарвардской школы бизнеса Р. Аккерман писал: «Ряд менеджеров, возможно, осознал, что открыто высказывать интерес к социальным мероприятиям — это одно, а обеспечивать их претворение в жизнь — это совсем другое»¹¹⁶.

Сугубо утилитарный подход предпринимателей к доктрине «социальной ответственности» стал особенно очевиден в ситуации экономического кризиса 70—80-х годов. И прежде в кризисных ситуациях «социальная риторика» бизнесменов заметно ослабевала, равно как и собственно «социальная деятельность» корпораций. Глубина и масштабы кризиса 70—80-х годов, структурный характер породивших его проблем, распространение в ряде стран консервативных программ преодоления кризиса в еще большей степени способствовали ослаблению пропаганды доктрины «социальной ответственности». Сам термин практически полностью исчез со страниц предпринимательской периодики. Более того, современная «антикризисная» стратегия капитала означает в социальном плане фронтальное наступление на рабочий класс — на его жизненный уровень, занятость, завоеванные им ранее права. Поэтому символом веры буржуазии в условиях капитализма становятся консервативные ценности, оправдывающие авторитарную власть капитала.

Выступая под флагом этих ценностей, буржуазия не только стремится решить беспокоящие ее сегодня экономические проблемы, но и пытается использовать обстановку кризиса, вызванное им известное ослабление позиций рабочего движения для своего рода «социального реванша», для поворота вспять процессов развития общественного сознания, которые подрывают ее идейную гегемонию в обществе.

С этой целью буржуазия представляет частное предпринимательство как единственный «якорь спасения» в условиях кризиса, единственную силу, способную восстановить устойчивость экономического развития капиталистических стран. Но выполнить эту задачу оно может лишь в том случае, если в обществе будут господствовать принципы, искони присущие частнокапиталистической этике и морали. Отсюда активные попытки

оживить «традиционные» буржуазные идеалы и ценности — индивидуализм, антиэгалитаризм и антиколлективизм. Председатель Компартии Люксембурга Р. Урбани писал: «В разных странах все более настойчиво прокламируются выдаваемые за нечто новое традиционные по сути атрибуты и «ценности» капитализма: социальное неравенство — как «движущая сила» развития (Великобритания), элитаризм — как принцип и одна из основ организации общества (Франция), консерватизм политических и гражданских институтов — как условие социальной стабильности (ФРГ, США) и т. д.»¹¹⁹.

Неоконсерваторы провозглашают предпринимательскую деятельность высшим проявлением свободы индивида, важнейшим обеспечением которой является свобода предпринимательства и стихийно-рыночный саморегулирующийся механизм. Государственная деятельность в социально-экономической сфере, «замещающая» индивидуальную активность, объявляется порочной и противоречащей принципу самореализации личности. Крупный предприниматель и известный деятель консервативного толка У. Саймон, оценивая идейно-политические установки американского бизнеса и политику государства в 60—70-х годах, писал: «Мы объявили, что каждый имеет право жить за счет кого-то другого, что потребление не связано с производительным трудом и что, если люди небрежны, ленивы и некомпетентны — будь то бизнесмены или получатели помощи по программе продовольственных талонов, — их всегда выручит Вашингтон. Прямым результатом такого подхода к делу должны были быть и стали подрыв энергии и предпринимчивости, поощрение уклонения от ответственности»¹²⁰.

С точки зрения традиционной буржуазной системы ценностей, обновленной американскими и английскими неоконсерваторами, государственные социальные программы формируют в массах «индивидуальные» настроения. По словам американских экономистов М. Фридмана и Р. Фридман, главное негативное последствие проведения социальной политики состоит в ее «развращающем влиянии на развитие всего общества. Она ослабляет семью, подавляет побудительные мотивы к труду, к сбережениям, к внедрению нововведений, препятствует накоплению капитала и ограничивает нашу свободу»¹²¹.

Сказанное не означает, разумеется, что мероприятия, проводившиеся крупными компаниями в рамках

программ «социальной ответственности», автоматически перестали существовать. В ряде случаев комплекс этих мероприятий давно превратился в своеобразные «встроенные механизмы» жизнедеятельности корпораций, в часть их инфраструктуры. Это признают многие предприниматели, лидеры крупнейших организаций бизнеса. Например, А. Тробриндж, президент американской Национальной ассоциации промышленников, заявил вскоре после избрания Рейгана на пост президента США в 1980 г.: «Я не думаю, что это означает мандат на ликвидацию всего механизма государственного регулирования, включая социальную область»¹²².

Однако проблемы, решаемые ныне предпринимателями, а в целом ряде капиталистических стран и правительствами, предельно далеки от повседневных нужд трудящихся масс. При этом позиция неоконсерватизма, широко использующего буржуазные ценности, не является лишь реакцией господствующего класса на сбой государственно-монополистического капитализма. Неоконсерватизм превратился в ярко выраженную идеологическую программу, призванную разработать новые «национальные цели» и достичь на их основе широкого «социального консенсуса». Но этот консенсус принципиально иного типа, чем тот, который провозглашали сторонники «социальной ответственности» бизнеса. Он исключает какой-либо компромисс с рабочим и демократическим движением, а участие в процветании «своей» корпорации трудящиеся должны оплачивать абсолютной подчиненностью воле капиталиста. Капитал при этом оставляет за собой право решать, какие именно слои трудящихся будут пользоваться относительным «благополучием», а какие останутся «за бортом», пополняя армию бедняков, неустroенных, безработных.

Подобная ценностная переориентация буржуазии обусловлена не только особенностями ее современной экономической стратегии, социальными и социально-психологическими последствиями кризиса. В той или иной мере она связана и с ухудшением международной обстановки: в условиях конфронтации с миром социализма, новой активизации антисоветизма и антикоммунизма значительно легче, чем в условиях разрядки, вызывать к традиционным ценностям так называемого свободного мира, которым якобы угрожает «мировой коммунизм». Не случайно наиболее мощную поддержку Рейгану с его консервативной и ультрамилитаристской

программой оказали монополии военно-промышленного комплекса.

Многие представители господствующего класса понимают, что отказ от поиска компромисса с трудящимися чреват усилением социальной напряженности и возникновением взрывоопасной ситуации. Так, по мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития, в которую входят 24 капиталистические страны, «социальная политика есть не только наиболее желательный путь обеспечения спокойного планового функционирования высокоразвитого общества, но и менее дорогостоящий, чем единственная реальная альтернатива, — использование инструментов подавления — больше полиции, больше тюрем, больше закона и порядка»¹²³. В менеджеральной среде и в ситуации кризиса продолжались поиски новой стратегии интеграции рабочих в капиталистическое предприятие, связанной с различными формами участия в управлении: взаимные консультации, включение представителей наемных работников в состав совета директоров, эксперименты в области «обогащения» труда, создание по японскому образцу так называемых групп качества и т. д.

Некоторые группы монополистической буржуазии (в том числе в США и в Англии) считают необходимым найти реальную альтернативу неоконсерватизму. Так, в социально-экономической программе, выдвинутой «Бизнес уик», журналом американских предпринимателей, предлагалось дать возможность государству осуществлять индикативное (побудительное) планирование и обеспечивать согласие между всеми социальными группами. В противоположность сторонникам «рейганомии» «Бизнес уик» утверждал, что политика «суровой экономии» не может быть навязана тем группам, которые не в состоянии ее перенести¹²⁴.

Такого рода идеи, восходящие к концепциям «социальной ответственности» бизнеса, не получили, однако, до сих пор широкого распространения в предпринимательских кругах. Во Франции лишь 10% предпринимателей проповедуют «авангардистские» идеи¹²⁵. По данным специалистов в области промышленной психологии, лишь 5% американских предпринимателей склонны на практике учитывать те глубокие изменения, которые произошли в облике наемных работников и в характере их потребностей. Отмечается, что руководители 95%

компаний не имеют «гуманистической менеджерской философии» и стремятся «быть авторитарными»¹²⁶.

Иерархичность буржуазного умонастроения, вера предпринимателей в свои «природные» задатки лидера и неверие в способности «простых людей» затрудняют перестройку традиционного стиля управления. Для предпринимателей рабочие по-прежнему являются «ограниченными людьми», которые имеют консервативные взгляды на мир и не обладают ни «общим видением», ни «интеллектуальной независимостью»¹²⁷.

Как показывает исторический опыт, соотношение «гибких» и «жестких» тенденций в социальной стратегии буржуазии, авторитаризма и склонности к компромиссу в ее психологии и общественном поведении — все это в конечном счете определяется соотношением сил между буржуазией и противниками ее гегемонии, прежде всего организованным рабочим классом. Изменения в сознании масс, происходящие под влиянием необратимых общественных сдвигов современной эпохи, делают весьма маловероятной устойчивость массового влияния неоконсерватизма, выступающего против идеалов мира и социального прогресса.

Кризис классической предпринимательской идеологии, проявившийся не только в отрицании традиционных ценностей, но и в появлении ценностей, «отрицающих» в ряде важных моментов ценности классические, в «заражении» новыми ценностями наиболее динамичных секторов бизнеса, — этот кризис не может не оказать воздействие на общие долгосрочные идейные и политические позиции класса капиталистов, на характер его господства в обществе, а тем самым на общее состояние массового общественного сознания в современных развитых капиталистических странах.

Откровенное обращение господствующего класса к консервативным традициям не может укрепить его идейную гегемонию. Новый подъем рабочего и демократического движения положит конец надеждам идеологов консерватизма повернуть вспять ход исторического развития.

ПСИХОЛОГИЯ НОВЫХ СРЕДНИХ СЛОЕВ

В последние десятилетия все большее значение в общественно-политической жизни капиталистических стран приобретают группы наемных работников, не относящиеся ни к буржуазии, ни к рабочему классу, занимающие промежуточное положение в социально-классовой структуре. В состав этих групп, которые в отличие от мелкой буржуазии принято называть новыми средними слоями, входит большая часть интеллигенции и управленческо-административного персонала (средние и низшие менеджеры). Под влиянием научно-технической революции и ряда связанных с ней социальных процессов численность и удельный вес названных групп в самодеятельном населении значительно возросли, существенно увеличилась важность выполняемых ими функций.

Социально-экономическое положение новых средних слоев глубоко противоречиво. С одной стороны, они являются подчиненными, эксплуатируемыми работниками, с другой — в той или иной мере и форме обслуживают систему эксплуатации и классового господства буржуазии, имеют с ней разветвленные социальные связи, обладают привилегиями, отличающими их от других наемных трудящихся.

Новые средние слои выражают перспективные тенденции экономического и социального развития, связанные с научным и техническим прогрессом. На этой основе буржуазными теоретиками были созданы концепции, мистифицирующие реальную роль и место данных слоев в обществе.

В ряде буржуазных концепций социальной стратификации они фигурируют как «новый средний класс», быстро расширяющийся и якобы вытесняющий и капиталистов, и пролетариат. Дж. Гэлбрейт назвал их «техноструктурой» и отвел им главное место в современных «зрелых корпорациях». Р. Дарендорф считает эти группы особым «служебным классом», играющим в обще-

стве ключевую роль. Переход к «носителям знаний» роли ведущей общественной силы является одним из центральных положений теории «постиндустриального общества» (Д. Белл и др.). В конце 70-х годов появилась теория, авторы которой обосновывают появление особого «класса специалистов и менеджеров» (Professional-Managerial Class). При этом они доказывают, что данный «класс» должен быть имманентно, по своему объективному положению, враждебен рабочему классу и социалистическому преобразованию общества¹.

Чтобы выявить общее и особенное в социально-психологическом облике новых средних слоев, представляется целесообразным рассмотреть отдельно тенденции развития психологии интеллигенции и среднего управленческого персонала².

1. Интеллигенция: динамика психологического склада

Понятие «интеллигенция» и в научном, и в быденном языке достаточно многозначно. Первоначально оно обозначало слой людей, занятых производством и распространением идей и знаний, профессионально осуществляющих научное и художественное творчество. Слову «интеллигенция» придавался и придается также близкий к такому ее пониманию социально-этический смысл: в ней видят создателя и хранителя высших духовных ценностей общества (именно в этих значениях оно перешло из русского в ряд западных языков). Рост и развитие интеллигенции намного увеличили ее роль не только в духовном, но и в материальном производстве, во всех областях экономической деятельности. В результате рамки понятия расширились, и под интеллигенцией стали понимать слой высококвалифицированных специалистов, профессионально занятых сложными видами умственного труда, требующими большой общей и специальной образовательной подготовки³.

При исследовании сознания интеллигенции как массового социального слоя, естественно, нужно исходить из такого более широкого ее понимания. Это, однако, не означает, что в подобном исследовании можно пренебрегать ее специфической ролью в духовном производстве, которая накладывает отпечаток на сознание не только отдельных профессиональных групп, но и всего слоя,

Социальный облик интеллигенции в капиталистических странах в последние десятилетия сильно изменился. В настоящее время подавляющая ее часть работает по найму. В Соединенных Штатах в 1970 г. лишь 7,4% общей ее численности составляли «самостоятельные» специалисты, все остальные были наемными работниками⁴. В Англии, Франции, ФРГ доля работающих по найму также приблизилась к 9/10.

В результате быстрого роста интеллигенции (на 30—50% за каждое из послевоенных десятилетий) ее удельный вес в самодеятельном населении повышается, составляя около 5% (в среднем) в странах Западной Европы, 12—13% — в Японии и 17—20% — в США⁵. Наиболее быстрыми темпами растет число высококвалифицированных специалистов, так или иначе связанных с научно-технической революцией: ученых, инженеров, вузовских преподавателей. Интеллигенты играют все более заметную роль в производстве, особенно в наиболее передовых отраслях, науке, образовании, здравоохранении, системах массовой информации и культурного обслуживания, в государственном управлении.

По социальному положению интеллигенция дифференцирована, неоднородна. Определенная часть «лиц свободных профессий» и верхушка специалистов, работающих по найму, входят в состав буржуазии. Низы некоторых массовых групп интеллигенции смыкаются с рабочим классом, образуя «пролетариат умственного труда»⁶. Однако основная масса интеллигенции не принадлежит ни к одному из основных классов капиталистического общества. Занимая промежуточное положение в социальной структуре современного капитализма, она относится к средним слоям.

В то же время высокий уровень образования и принадлежность к сфере умственного труда объединяют различные по социально-классовому положению группы интеллигенции. Это сочетание классовой дифференциации с социальной и внутривидовой общностью составляет одну из важнейших основ противоречивости интеллигентского сознания. Она обуславливает подверженность интеллигенции идейно-психологическому влиянию «сверху», со стороны наиболее привилегированных ее групп, служащих для нее социальным эталоном. В то же время пролетарские и пролетаризирующиеся отряды интеллигенции как бы намечают для основной массы квалифицированных специалистов угрожающую

ним перспективу снижения статуса и становятся источником распространения в их среде настроений неуверенности, неудовлетворенности, социального протеста.

Межклассовое положение, а также далеко зашедшая дифференциация характеризуют интеллигенцию как социальную группу. К дифференциации добавляется и как бы перекрывает ее чрезвычайная множественность конкретных профессиональных ситуаций. Усиливается тенденция к превращению интеллигенции в конгломерат профессиональных групп, мало связанных между собой. Черты даже наиболее элементарной «типологической» общности выражены у нее слабее, чем у любой другой большой социальной группы капиталистического общества. По опыту и характеру труда, по социальной роли и отношениям с непосредственным окружением учитель и журналист, врач и художник, учёный и инженер различаются гораздо больше, чем, например, представители различных рабочих профессий, и эти различия часто сильнее отражаются в их сознании, чем принадлежность к большому аморфному слою «образованных людей».

Дополнительным источником гетерогенности современной интеллигенции в капиталистическом обществе служит неоднородность ее социального происхождения. Бурный рост потребности общества в работниках квалифицированного умственного труда, «взрыв» высшего образования⁷ привели к тому, что интеллигенция стала в немалой степени пополняться выходцами из рядовых служащих и рабочих. По социальному происхождению «рекрутов» разница между отдельными профессиональными категориями интеллигенции весьма существенна. Это увеличивает статусные различия между ее отдельными отрядами, усиливает внутреннюю разобщенность.

На указанный фактор накладываются глубокие различия в статусе разных высших учебных заведений: привилегированных («большие школы» во Франции, Оксфорд и Кембридж в Англии, университеты так называемой плющевой лиги в США) и «рядовых». В числе студентов привилегированных вузов доля выходцев из высших слоев значительно больше средней, а пребывание в их стенах еще больше повышает шансы попасть в верхи общества⁸. Неоднородный состав современной западной интеллигенции затрудняет выявление общих социально-психологических характеристик этого слоя, делает условными широкие обобщения. Утверждения,

верные в отношении одних категорий интеллигенции, в применении к другим могут оказаться несостоятельными.

В положении и составе интеллигенции в капиталистических странах в последние десятилетия происходят особенно быстрые и глубокие сдвиги. Они сказываются на ее сознании, видоизменяя его прежние черты. В связи с этим полезно выяснить, что представляют собой исторически сложившиеся исходные, «базовые» компоненты сознания и самосознания интеллигенции.

В первой половине XX в. интеллигентные профессии в капиталистических странах в целом обладали высоким общественным статусом. Ограниченное распространение высшего образования, его доступность в основном для выходцев из буржуазии, характер труда и функций интеллигента в обществе делали эти профессии (за исключением отчасти учителей) весьма престижными. Большинство профессий, связанных с умственным трудом, пользовалось общественным престижем и в целом хорошо оплачивалось. Основой высокого престижа многих интеллигентных профессий была также их роль в созидании и распространении культурных ценностей.

Эти факторы обуславливали высокую оценку представителей интеллигенции своей роли в обществе и значения своего труда, что свойственно данному слою на всем протяжении его истории. В Англии, например, как отмечал социолог-коммунист Х. Фрэнкел, «традиция независимости и превосходства достигла апогея, вероятно, в XVII в., когда старые профессии, за исключением учительской (и некоторых из новых), стали считаться достойным занятием для джентльменов. Эта традиция держится до сих пор»⁹. Как показывают различные социологические обследования, лица интеллектуального труда, как правило, высоко оценивают значение своей деятельности.

Подобные представления закрепляются в процессе обучения в высшем учебном заведении. Студент, сознательно ориентирующийся на профессиональную деятельность в избранной области, еще в вузе усваивает роль носителя, распространителя и созидателя знаний. В зависимости от конкретной профессиональной ситуации в сознании интеллигента может превалировать тот или иной аспект этой роли (у научного работника — творчески-созидательный, у учителя — «коммуникативный»), но в любом случае роль интеллигента предполагает ори-

ентацию на творчески-содержательный, «самоценный» труд. К тому же сам процесс длительной учебы формирует привычку к самостоятельной интеллектуальной деятельности и потребность в ней. Конечно, восприятие профессии как главным образом средства заработка не было исключением и среди работников умственного труда, но совокупность условий формирования интеллигента, предъявляемое к нему требование профессиональной компетентности служат питательной почвой для представления о своем труде как средстве удовлетворения духовных потребностей личности.

С этим связана характерная черта психологии интеллигенции — преданность своей работе, большая степень вовлеченности в нее. В той или иной мере она закрепляется условиями трудовой деятельности интеллигента. Несмотря на «измельчание» трудовых функций ряда интеллигентских профессий, многие из них и теперь предполагают в значительной мере творческий, мало рутинизированный труд. В своей работе специалист часто обладает определенной независимостью и свободой выбора — большими, чем другие категории работников. В результате среди интеллигенции степень «трудового отчуждения» была наиболее низкой¹⁰.

В системе ценностей интеллигенции важное место занимали (и занимают), особенно в англосаксонских странах, принципы «профессиональной этики», которые включают отношение к труду как «служению» своему делу, специальности, профессиональному долгу. Этому соответствует отношение «благожелательного нейтралитета» к «клиенту» и его проблемам. «Профессиональная этика» требует «альтруизма», запрещает «профессионалу» принимать решения исходя из собственной выгоды (тем самым формально противореча «этике бизнеса»). Руководители 12 главных профессиональных ассоциаций Великобритании в открытом письме правительству (от 16 марта 1977 г.) специально ссылались на «традиционный принцип профессионалов ставить дело выше собственных интересов»¹¹. Это предполагает ответственность интеллигента перед обществом. Следует отметить, что «профессиональная этика» представляет своего рода идеальные ценности, но вовсе необязательно комплекс норм, реально регулирующих профессиональную деятельность и общественное поведение.

Собственный опыт интеллигента в буржуазном обществе и усвоенные им профессиональные нормы и ценно-

сти формируют у него высокий уровень потребностей, притязаний, ожиданий. Он психологически ориентирован на деятельность, приносящую удовлетворение, на относительно высокий (формальный или неформальный) социальный статус. В зависимости от индивидуальных особенностей личности, среды ее формирования, профессии и других конкретных обстоятельств эта ориентация может быть направлена главным образом на творчество, на карьеру, а у общественно активной части интеллигенции — на социально-групповую деятельность. Но даже и карьерная ориентация, как правило, связывается в психологии интеллигента с творческим профессиональным успехом, а статусное продвижение воспринимается как признание этого успеха, интеллектуальных качеств личности.

Для представителей большинства интеллигентных профессий меньше всего типична ориентация на «статус-кво» («прожить как-нибудь»). Исключение составляют, возможно, только некоторые наименее престижные и низкооплачиваемые профессии (например, учителя начальной школы). В целом для данного слоя характерны установки на развитие, рост, возвышение. Общественная атмосфера, созданная вокруг профессий умственного труда научно-технической революцией, только усилила такую социально-психологическую тенденцию.

Это способствует закреплению в психологии интеллигенции специфического, но довольно сильного индивидуализма. Он порождается особенностями условий и характера труда, социальных связей и образа жизни работников умственного труда. В. И. Ленин подчеркивал, что *«интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, именно индивидуализмом...»*¹², и объяснял это особенностями основных условий ее жизни и работы¹³.

Индивидуализм, вообще присущий буржуазному сознанию, специфически преломляется в психологии интеллигента. Ему дорога главным образом личная независимость, возможность самостоятельно определять различные стороны своей жизнедеятельности, выражать в них свою индивидуальность, способности и стремления. Мелкий буржуа подсознательно стремится быть таким же самостоятельным, «как другие», соответствовать общеполитическому стандарту; интеллигент — отличаться от других, быть в чем-то неповторимым. В принципе его индивидуализм не противоречит органическому участию

в коллективной деятельности, но предполагает значительную самостоятельность и независимость, возможность индивидуальных поисков и решений. Этим объясняется особое место и особая ценность «индивидуальных прав и свободы» в интеллигентском сознании.

Индивидуализм интеллигентов — не абсолютный (как мелких буржуа). Его ограничивает идентификация с коллегами по профессии и внутри нанимающей организации, и вне ее, своего рода «корпоративный коллективизм». С этим сочетается (и в то же время противоречит индивидуализму) усвоенная многими интеллигентами в буржуазном обществе установка — труд во имя общего блага. Этот принцип, по крайней мере на словах, широко распространен в среде интеллигенции. Идея служения была интегральной частью «профессиональной этики» и порой приводила часть интеллигентов к конфликту с существующим порядком вещей. Как отмечал В. И. Ленин, «нежелание интеллигентов позволить третировать себя как простых наемников, как продавцов рабочей силы (а не как граждан, исполняющих определенные общественные функции), всегда приводило, от времени до времени, к конфликтам... то с врачами, которые коллективно подавали в отставку, то с техниками и т. д.»¹⁴.

Преданность интеллигентов своему делу усиливает в их среде настроения независимости, критичности по отношению к нанимателю. Конкретные исследования, проведенные в США, показали, что специалисты с большей приверженностью к работе обычно менее привязаны к нанимающей организации, более склонны переходить из одной в другую в поисках благоприятных условий для воплощения своих творческих планов. Напротив, люди, менее преданные профессии, как правило, обладают большей лояльностью к нанимателю¹⁵. Изменения в социально-экономическом положении отрядов интеллигенции в современном буржуазном обществе все больше затрудняют и ограничивают реализацию рассмотренных выше исходных установок, присущих ее сознанию.

Коренной переворот, произведенный капитализмом в организации общественного труда, дает себя знать и в сфере интеллектуальной деятельности. На место индивидуальных агентов духовного производства, — работающих по старинке, кустарными методами, пришли большие, организованные по последнему слову капиталистического менеджмента коллективы специалистов различного профиля — наемных служащих гигантских корпо-

раций, чудовишно разбухших бюрократических учреждений, огромных университетов и научно-исследовательских центров, современных средств массовой информации и индустрии культуры. Даже в тех областях, где интеллектуальный труд сохранил в значительной мере индивидуальный характер, золотой век частнопрактикующего специалиста широкого профиля остался далеко позади. Например, за послевоенный период доля коллективно работающих врачей в США увеличилась с 1—2 до 25% ¹⁶. Еще дальше зашел процесс обобществления труда юристов. Заглядывая в будущее, журнал «Тайм» писал: «Дни независимого процветающего юриста общего профиля сочтены» ¹⁷. Кроме того, заметно возросло значение специальных организаций врачей и юристов (так же как и ряда других профессиональных групп интеллигенции), регулирующих их профессиональную деятельность и отстаивающих интересы соответствующих категорий специалистов в национальном масштабе ¹⁸. Даже в сфере художественного творчества все больше распространяются современные методы капиталистической организации труда ¹⁹.

Появление крупных, чисто «интеллигентских» трудовых коллективов, насчитывающих сотни и тысячи человек, несомненно, способствует росту группового самосознания интеллигенции. В социально-психологическом плане мир больших организаций представляет собой систему «тысячи зеркал», где каждый может увидеть свою судьбу отраженной в сотнях других похожих человеческих судеб. В больших трудовых коллективах выше интенсивность межличностных контактов и связей, быстрее формируется чувство общности интересов, легче вырабатывается совместная программа действий. Стимулирующее воздействие на сознание и поведение интеллигента такого рода концентрации интеллектуального труда, весьма характерной для государственно-монополистического капитализма, можно сравнить с тем влиянием, которое, как отмечали К. Маркс и В. И. Ленин, оказало развитие крупной промышленности на формирование классового сознания пролетариата. Исследования последних десятилетий в странах Запада показали явную связь распространения радикальных настроений в среде интеллигенции с процессом ее концентрации по месту работы ²⁰.

В ряде случаев создание крупных коллективов специалистов влечет за собой фрагментацию их труда. Это

можно наблюдать в редакциях газет и информационных агентствах, в рекламных конторах и юридических фирмах, в конструкторских бюро и исследовательских центрах. Специалистам нередко приходится выполнять скучную, неинтересную работу, не соответствующую их способностям и образованию. Дробление труда сопровождается иерархизацией и бюрократизацией его организации и структуры управления. Это вызывает болезненную реакцию у интеллигенции. Оглядываясь на прошлое, один из американских юристов с тоской вспоминает: «Когда я начал заниматься юридической практикой тридцать лет назад, на ней лежал отпечаток аристократизма. Юристы были философами со способностями и — порой — мечтами. Сегодня мы просто инструменты»²¹. Специалисты нередко оказываются в положении, когда им приходится работать под руководством «начальника, который имеет меньшую техническую компетенцию»²².

Тем не менее у интеллигентов сохраняются важные преимущества. Их труд, хотя и менее свободен, чем в прошлом, все же далеко не столь жестко регламентирован, как труд рабочего или мелкого служащего. Выбор путей и методов решения производственных задач остается во многих случаях компетенцией специалиста. Распорядок рабочего дня интеллигента довольно эластичен, он поддается корректировке в соответствии с его нуждами и интересами. Условия труда специалистов существенно лучше, чем других массовых категорий наемных работников.

Очень важным моментом, меняющим положение работающей по найму интеллигенции, стала ее подверженность безработице. В прошлом потеря работы и тем более длительный поиск нового места были редкостью для высококвалифицированных специалистов. Теперь безработица обрушивается на представителей интеллигенции так же, как и на другие категории трудящихся капиталистического общества. Угроза потери работы стала реальной для многих специалистов (хотя уровень безработицы среди интеллигентов значительно ниже, чем среди рабочих или конторских служащих).

Будучи неподготовленными предшествующим опытом своей группы и среды, интеллигенты встречали увольнение и безработицу с ужасом. Французские исследования свидетельствуют о возникновении у специалистов в этой связи чувства неполноценности, личной вины²³. Английский журнал большой статье о росте безработи-

цы среди выпускников университетов и технических вузов, написанной на основе писем, полученных редакцией, и статистики, дает заголовок: «Безработные ученые приходят в отчаяние»²⁴. Из американских данных видно, что увольнение повергает специалиста в шоковое состояние. «Я был абсолютно не подготовлен... — рассказывал инженер-конструктор из Сан-Франциско. — Семь лет я учился по вечерам, чтобы получить диплом инженера. И вот теперь я опять там же, где начинал, — без работы»²⁵. Французский журнал рассказывает о 52-летнем инженере со «сверхблестящей» биографией. Оказавшись безработным, он за 37 месяцев отправил 720 заявлений с предложением своих услуг. «Физически и морально, — говорится в журнале, — специалист, оставшийся без работы, страдает сильнее, чем рабочий... Солидарность больше развита в низших социально-профессиональных слоях»²⁶.

В послевоенный период во многих капиталистических странах произошло определенное сближение заработной платы рабочих и большинства категорий интеллигентов-служащих. Разрыв между средней заработной платой рабочих и средним жалованьем представителей крупных профессиональных групп интеллигенции — учителей, инженеров, бухгалтеров-экспертов — уменьшился, нередко заметно (хотя и остается во многих случаях весьма существенным). Это сближение неравномерно в разных странах: в США, Англии, Японии — больше, во Франции и Италии — значительно меньше²⁷. Однако общая тенденция очевидна: относительное понижение оплаты труда большинства категорий интеллигенции. Непосредственным результатом этого явилось широкое распространение среди специалистов недовольства своим материальным положением.

Отмеченные процессы существенно меняют социальное положение интеллигенции в буржуазном обществе, ее статус. Поскольку небольшая прослойка интеллектуалов превращается в массовую социальную категорию лиц высококвалифицированного умственного труда, ее замкнуто-элитарный характер исчезает. Высококвалифицированный умственный труд (за исключением ограниченного круга профессий) перестал быть «редким товаром», обеспечивающим его владельцу прочное положение на капиталистическом рынке труда. Это ведет к подрыву индивидуальных позиций интеллигента в буржуазном обществе.

Противоречивость этой эволюции состоит в том, что развитие научно-технической революции, появление различных технократических теорий ведут к повышению общественного престижа умственного труда. Но телевидение и другие средства массовой информации, повышение образовательного и культурного уровня населения сделали более популярными многие специальные профессии. Столкновение этих противоположных тенденций увеличивает множественность объективных жизненных ситуаций, а также типов сознания работников умственного труда, усиливает их внутреннюю противоречивость.

Определенная часть научных работников и преподавателей вузов, юристов и врачей, а также сумевших добиться экономической независимости представителей художественной интеллигенции сохраняют относительно широкие возможности для свободного творчества в своих областях деятельности. Расширение сферы теоретических, «поисковых» разработок в различных отраслях производства ведет даже к известному росту числа занятых такого рода деятельностью. Как показывают данные конкретных исследований, именно в этих группах интеллигенции сохраняется характерная для нее увлеченность трудом, что делает личность и ее образ жизни более целостными и гармоничными.

Значительно более многочисленные группы научной, технической, гуманитарной интеллигенции, журналистов и т. д. находятся в иной ситуации. Их трудовые задачи определяются не ими, а целями и политикой той бюрократической организации, к которой они принадлежат, а сфера их самостоятельного решения сводится в лучшем случае к поиску средств осуществления заданных целей. Но часто и такая самостоятельность ограничивается растущей специализацией и сужением трудовых функций. Отчужденность содержания труда от интересов и способностей работника ощущается с тем большей остротой, чем меньше трудовые функции соответствуют высокому уровню профессиональной подготовки.

Подобные ситуации не могут не препятствовать реализации творчески-созидательной жизненной ориентации человека умственного труда. Современная капиталистическая организация предлагает и навязывает свой «заменитель» этой ориентации — продвижение по карьерной лестнице, сопровождаемое ростом материального благополучия.

Идеологически-ценностным подкреплением такого заместителя служит всемерно стимулируемый фирменный «патриотизм», основанный на признании высокой социальной роли своей компании, заинтересованности в ее процветании. Высшей мировоззренческой ценностью, характеризующей подобный тип сознания, является «эффективность» выполнения целей, заданных человеку нанимающей его организацией. Необходимость «эффективности» деятельности как бы снимает проблему ее содержания, ее общественного смысла. Творческим потенциям и потребностям придается узкоутилитаристская направленность. Акцент переносится с целей на средства: неважно, что и зачем делает человек (изобретает ли он, например, общественно полезную продукцию или новое оружие массового уничтожения), важно то, как он это делает. Творчески-созидательная ориентация играет служебную, подчиненную роль по отношению к ориентации на карьеру.

Такой тип сознания получил довольно широкое распространение, и прежде всего в среде технической (и отчасти научной) интеллигенции. Во-первых, потому что он в основном соответствовал ее традициям: большинство инженеров и в прошлом не отличались особой независимостью, были тесно связаны с хозяевами предприятий и выступали в роли их доверенных лиц. Во-вторых, вызванное научно-технической революцией резкое увеличение роли умственного труда действительно открыло на первых порах широкие возможности для карьеры, особенно в крупных, технически передовых фирмах. (То же относится к специалистам по рекламе, сбыту и другим подобным профессиям.) По данным французских исследований, в 60—70-х годах лишь относительно незначительное меньшинство инженеров в возрасте старше 45 лет оставались на рядовых должностях на производстве и в исследовательских службах, остальные достигали более высоких иерархических ступеней²⁸.

Наконец, в-третьих, узкопрофессиональный характер подготовки специалиста, его роль организатора производственной или коммерческой деятельности капиталистического предприятия способствуют тому, что интересы и ценности бизнеса часто доминируют в его сознании над культурными и гуманистическими ценностями, а его общественные интересы ограничиваются проблемами эффективного функционирования экономического механизма. Узость интересов, их замкнутость на профессиональ-

ных вопросах²⁹ взаимосвязаны с пассивно-конформистским отношением к социальному положению, к «правилам игры», действующим внутри корпораций. В этих условиях формируется благоприятная почва для насаждения «меритократических»³⁰ установок: потребность в более самостоятельной и интересной деятельности не исчезает вовсе, но возможность ею заниматься рассматривается как «справедливое вознаграждение» за усердную службу корпорации.

Так, для одного из интервьюированных социологом Л. Болтански французских инженеров идеалом является японское общество, где, по его мнению, существует «такая любовь к труду, при которой предприятие является частью тебя самого». Эта связь отношения к труду с «фирменным патриотизмом» отражает определенную систему мотивов личности: человек подчиняет собственные творчески-созидательные потребности интересам компании; вознаграждение за верное служение этим интересам становится для него более сильным мотивом трудовой деятельности, чем удовлетворение, получаемое от труда как такового; интерес к труду вытесняется интересом к карьере. «Надо, — рассуждает тот же французский инженер, — чтобы каждый мог достигнуть уровня, соответствующего его способностям... Я думаю, что я мог бы стать коммерческим директором». Он доволен своим положением, ибо здесь (в крупной компании, где он работает) существуют шансы на продвижение («В ближайшие пять лет я смогу занять ответственный пост. Нас оценивают по нашему труду, нам дают цель, и нам остается лишь идти к ней»³¹).

«Я решил раз и навсегда слить свою профессиональную и личную жизнь, — говорит специалист по рекламе из транснациональной фирмы. — Если я считаю, что товар заслуживает сбыта, это становится моим собственным делом»³². При таком типе сознания человек целиком подчиняет свои творческие потенции, свою личность функции, которую он выполняет в капиталистической организации, полностью идентифицирует себя с ней. Подобная модель личного сознания — слияние «я» и заданной социальной роли — в той или иной мере противоречит психологической установке на самостоятельный творческий труд, формируемой типом образования специалиста, укрепляемой элементами творчества, содержащимися в его реальном трудовом опыте (творческое содержание труда если и не исчезает совсем, то ограни-

чивается и подчиняется интересам фирмы, цели наращивания прибыли). Это противоречие отчасти усиливается характером тех требований, которые предъявляет к специалистам капиталистическое предприятие. Как отмечает Л. Болтански, от них требуют таких качеств, как «лояльность», «политический консерватизм» и «фирменный патриотизм», но в то же время в той или иной мере побуждают к инициативности и «динамизму»³³.

Противоречие между ценностными ориентациями, с одной стороны, реальными мотивами и ожиданиями — с другой, в целом весьма характерно для массовых слоев инженерно-технической интеллигенции капиталистических стран. Так, в результате опроса молодых (до 35 лет) специалистов заводов фирмы «Рено» выяснилось, что подавляющее большинство их (более 80%) считают самым важным качеством труда его творчески-созидательный характер, но в реальной жизни они ждут удовлетворения не от творчества, а от карьеры, заработка, досуга, семейной жизни. Причем последовательных «карьеристов» или «потребителей» среди опрошенных оказалось меньшинство (20%), большинство же совмещают ориентацию на карьеру с «потребительской», «гедонистской» или «семейной»³⁴.

«Одномоментное» психологическое состояние данной группы молодых инженерно-технических специалистов можно считать отражением определенных тенденций, характеризующих динамику психологии и поведения этого социального слоя в 70—80-х годах. Установка на карьеру принимается многими как наиболее возможный в данных социальных условиях способ самоутверждения и самовыявления, сопряженный в то же время с вынужденным отказом от надежды на подлинно творческий и самостоятельный труд. Однако, поскольку труд, ориентированный на карьеру, подлинного самовыражения и удовлетворения дать не может, не менее важную роль в системе жизненных ориентаций инженерно-технической интеллигенции играют «престижное» потребление, досуг, развлечения, компенсирующие неполноценность трудовой жизни. Их роль усиливается с возрастом: гонка за статусом, требуя предельного напряжения сил, в конце концов создает у человека ощущение, что его силы растрачиваются впустую, что он делает «не то».

«Лишь в редкие моменты, — признается 37-летний «процветающий» администратор, — я ощущаю, что «делаю» что-то». Самая настоятельная потребность для не-

го — это свободное время, «мир, спокойствие, возможность думать о чем-то другом, кроме работы...»³⁵. Такое состояние — результат не просто физического переутомления, но «пустоты» той деятельности, которой занят человек, ее отчужденности от его способностей и потребностей, «пустоты», ощущаемой безотносительно к социальному статусу человека, материальному вознаграждению за его труд.

Ориентация на потребление и досуг служит для многих специалистов психологическим противовесом глубокой духовной неудовлетворенности³⁶. При этом человек часто сознает вынужденность, неполноценность своего образа жизни. «...В нашей системе экономических отношений, — пишет 52-летний инженер, — профессиональная деятельность — это слишком часто всего лишь средство зарабатывать деньги, и я сам стал машиной. Конечно, я этим пользуюсь и потребляю, но где бескорыстная мечта моих 20 лет? Разве «настоящая жизнь» в этом?»³⁷

Приведенные высказывания французских специалистов нельзя рассматривать лишь как отражение их индивидуального жизненного опыта. Те же настроения порождает и групповой опыт: по мере развития научно-технической революции и кризисных явлений в экономике все более явно обнажаются неразрешимые при капитализме проблемы умственного труда, развенчаются мифы о превращении «специалистов» в «новый класс», якобы управляющий общественным развитием, усиливается социальное расслоение научно-технической интеллигенции. Специальные исследования, основанные на данных массовых опросов, показывают растущее разочарование этой части интеллигенции в таких выдвинутых технократической мыслью «ценностях», как «эффективность», «управление», «технология». Специалисты перестают вкладывать душу в работу, у них появляется желание «выйти из игры», найти новый смысл своего существования³⁸. В последние годы крупные фирмы разных стран, в том числе США, усиленно ищут способы заинтересовать инженерно-технический персонал в работе, преодолеть растущую индифферентность, отчужденность от целей компании³⁹. Это свидетельствует о том, что введенный французскими авторами термин «недомогание (*malaise*) специалистов» отражает процессы, происходящие в среде интеллигенции не только во Франции, но и в других развитых капиталистических странах.

Инженерно-техническая интеллигенция капиталистического общества в силу условий своей деятельности и особенностей социально-психологического склада отличается наибольшей среди работников умственного труда подверженностью влиянию господствующих буржуазно-технократических ценностей, склонностью к конформистски-оптимистическому восприятию своего положения. Признаки расшатывания соответствующих такому мировосприятию личностных ориентаций, ощущение неудовлетворенности и неблагополучия, распространяющиеся в данной среде, тем более симптоматичны.

Эти явления, очевидно, гораздо более характерны для других отрядов интеллигенции, особенно тех, которые в силу своей профессиональной деятельности соприкасаются с более широким кругом социальных проблем, обладают бóльшим общественным кругозором. Это относится к художественной, научно-гуманитарной интеллигенции, к преподавателям, вообще к той ее части, которая занята созиданием и распространением общей (а не специализированно-производственной) культуры, знаний об обществе, общественно-политической информации и т. п. Такая деятельность предполагает наличие собственной социальной позиции, которая может расходиться с позицией, заданной нанимающей организацией. В ситуации, когда человек вынужден распространять идеи «по заказу», проповедовать взгляды, противоречащие собственным убеждениям, еще более увеличивается раздвоенность личности интеллигента, усиливается противоречивость его сознания.

Э. Сэмпсон, автор книг по «анатомии Британии», характеризуя положение английских журналистов, отмечал: «...хотя большая часть из них придерживается левых взглядов, большинство газет, подобно своим владельцам, стоит в основном на правых позициях»⁴⁰. Сказанное о сотрудниках газет с теми или иными вариантами может быть отнесено к работникам кино, телевидения и других средств массовой информации. Хотя многим из них, несомненно, удастся найти удовлетворение в потребительстве и высоком профессионализме своей работы, это часто достигается ценой индифферентно-циничного отношения к ее содержанию.

Иначе формируется сознание наиболее массового отряда интеллигенции — учителей. Традиционно преподаватель обладал относительно высоким социальным престижем (по сравнению с основной массой трудящегося на-

селения), рассматривался как просветитель народа, носитель знаний и культуры. В современных условиях объективно и, так сказать, теоретически его роль отнюдь не уменьшилась, но по показателям экономического положения и в массовом сознании он оказался на одной из довольно низких ступеней статусной иерархии. Это связано с появлением более «престижных» массовых групп интеллигенции (например, инженеров, научных работников и т. д.), с общим ростом образованности и с экономией буржуазных государств на расходах в сфере образования.

Работа в школе была и в значительной мере остается наиболее доступным каналом социального продвижения для выходцев из низших слоев, прежде всего из рабочего класса. Однако сближение уровня зарплаты учителей с заработком лиц физического труда и низших служащих делает такое продвижение довольно сомнительным. Возможности карьеры учителя весьма ограничены. Выбирая эту профессию, человек, с одной стороны, ориентируется на достижение скромного, но стабильного материального положения, с другой — исходит из понимания высокой общественной ценности своего труда и содержащихся в нем творческих элементов. Такие ориентации оказываются в противоречии с низким материальным и социальным статусом, со всеобщей подчиненностью школьному начальству, а нередко и с плохими условиями труда (ветхость и переполненность школьных помещений, старое оборудование), препятствующими творческому подходу к преподаванию⁴¹.

Еще в вузе будущий учитель нередко испытывает чувство социальной ущемленности, поскольку многие молодые люди поступают в педагогические колледжи из-за недостатка средств для учебы в университете. Это чувство усиливается под влиянием опыта работы в школе. Учителя в капиталистических странах все больше превращаются в «полуквалифицированных» специалистов, людей «второго сорта» в мире интеллектуального труда. Относительное ухудшение объективного положения учителей подрывает их социальный престиж, девальвирует общественную ценность профессии. По данным опросов института Гэллага, в США с 1969 по 1983 г. доля желающих, чтобы их дети стали учителями, снизилась с 75 до 45%⁴².

Среди учителей растет неудовлетворенность своей профессией. В этом отношении показательны данные

американской Национальной ассоциации просвещения. В 1961 г. 77% американских учителей заявили, что они «наверняка» или «вероятно» избрали бы ту же профессию, если бы им пришлось начинать сначала свою карьеру; в 1976 г. этот показатель снизился до 64%; в 1981 г. он стал меньше 47%⁴³. Несмотря ни на что, стремление к творческому труду не исчезает бесследно в учительской среде и при благоприятных условиях вновь прорывается на поверхность⁴⁴.

Несколько по-иному складывается судьба преподавателей вузов. В 50—60-х годах бурный рост спроса на квалифицированный интеллектуальный труд стимулировал развитие высшей школы. В условиях благоприятной конъюнктуры первых послевоенных десятилетий значительно упрочилось положение преподавателей вузов. Благодаря своему материальному положению, академическим традициям, растущему престижу они располагали довольно широкими возможностями для удовлетворения своих духовных запросов и интересов. В отличие от учителей большинство преподавателей высших учебных заведений были довольны своим профессиональным выбором. Проведенное в 1972/73 учебном году социологическое обследование преподавателей американских колледжей и университетов показало, что если бы им пришлось начать сначала, то только 13,5% опрошенных не выбрали бы преподавательскую карьеру и еще 18,2% изменили бы свою специализацию⁴⁵. Однако экономические потрясения 70—80-х годов, сокращение расходов на образование, ослабление притока учащихся в вузы тяжело отразились на положении и этой категории лиц интеллектуального труда.

Изменение методов организации интеллектуального труда чувствуется и в академическом мире. Вследствие превращения ведущих вузов в громадные конгломераты, объединяющие десятки различных направлений научного поиска и профессиональной специализации, преподаватели вступили в эру «больших организаций» со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности неизбежным процессом бюрократизации систем управления. Правда, относительно небольшой академический мир менее иерархичен, чем чиновничья или менеджериальная среда. Свообразны сами основы иерархии. Положение человека в вузе определяется не только местом, занимаемым им в таблице о рангах, но и его способностями, научной репутацией. В академическом мире выше ценится

профессиональное мастерство, чем в тех сферах деятельности, где существует более жесткая организация труда. По своему духу академическая среда ближе к традиционным свободным профессиям, чем к современной промышленной или государственной бюрократии.

Занимая стратегически важные позиции, колледжи и университеты играют ключевую роль в мире интеллектуального труда. Академический мир как основной поставщик знаний и высококвалифицированных специалистов оказывает значительное влияние на другие отряды интеллигенции. Среди «властителей дум» американской интеллигенции, интеллектуальной элиты страны около 40% — профессора университетов, причем более половины из них приходится на долю четырех элитарных вузов: Гарвардского, Колумбийского, Йельского и Нью-Йоркского университетов⁴⁶. Активное включение колледжей и университетов в хозяйственную деятельность способствует утверждению в академической среде этики бизнеса, распространению типа профессора-дельца, сочетающего научную карьеру с обязанностями менеджера⁴⁷. Но все же в колледжах и университетах деньги и соображения карьеры не играют такой роли, как в частных фирмах или буржуазном государственном аппарате. Здесь сильнее ориентация на творческую деятельность как высшую жизненную ценность. Проведенный в начале 70-х годов опрос более 33 тыс. аспирантов из 154 высших учебных заведений США показал, что большинство из них — люди с развитыми духовными запросами и живым интересом к науке⁴⁸.

Очевидно, эти особенности положения и психологии вузовской интеллигенции обуславливают и относительную (по сравнению, например, с инженерно-технической) широту ее кругозора, больший интерес к общественно-политическим проблемам. Так, в США преподаватели колледжей и университетов отличаются высоким уровнем социальной активности. Они часто выступают с публичными лекциями, работают консультантами общественных организаций, принимают активное участие в политических дискуссиях по актуальным проблемам. В конце 60-х — начале 70-х годов многие американские вузы выступали в качестве оплота либерализма. В атмосфере университетских кампусов, бывших в то время основными очагами идейно-политического брожения, формировались оппозиционные группировки, зарождались массовые движения протеста. В годы войны во

Вьетнаме высшие учебные заведения стали центром оппозиции вьетнамской политике правительства. В конце 70-х — начале 80-х годов наряду с поправлением политических позиций определенной части профессуры, другая ее часть выступила одним из инициаторов антивоенного движения, быстро охватившего всю страну.

В психологии и поведении ученых, занятых в системе высшего образования, наиболее сильно проявляются специфические для интеллигенции особенности познавательного процесса. Общая культура и интеллектуальный труд формируют способность и склонность к самостоятельному рациональному мышлению, повышают у многих групп интеллигенции сопротивляемость воздействию пропагандистских стереотипов⁴⁹, облегчают преодоление устаревших представлений, осмысление происходящего с широкой, не ограниченной сиюминутными интересами точки зрения. Общая культура интеллигентов, а нередко и их профессиональные знания делают для них доступным опыт других стран и народов.

Сама профессиональная деятельность многих категорий интеллигенции (учителей, врачей, работников социальных служб, юристов, журналистов, несколько по-иному — части инженеров) вводит в их поле восприятия проблемы других социальных слоев, что зачастую оказывает большое влияние на их сознание. В своих областях деятельности представители интеллигенции непосредственно сталкиваются с различными проявлениями антигуманности капитализма: с урезыванием расходов на здравоохранение и образование, с преследованиями за прогрессивные взгляды и т. д. Часть интеллигентов знание действительности побуждает к протесту.

Распространению оппозиционных настроений в интеллектуальной среде способствует другая очень важная особенность сознания интеллигенции — отзывчивость многих ее групп на важнейшие, острые проблемы общественной жизни. Демократически настроенные представители интеллигенции живо реагируют не только на события и явления, прямо затрагивающие их интересы, но и на непосредственно их не касающиеся, нередко от них весьма далекие. Отчасти это, видимо, обусловлено содержанием труда многих групп интеллигенции, их связью — в той или иной форме — с проблемами, от решения которых зависят судьбы общества, а порой и всего человечества; отчасти — характером интеллектуального труда, предполагающего, как правило, активную перера-

ботку большого количества разнообразной информации, зачастую о явлениях, далеких от данного индивида. В результате создается особый психологический настрой, при котором значительные явления или события, происходящие в жизни общества, своего и других народов, получают сильный резонанс, воспринимаются как непосредственно затрагивающие⁵⁰. Это видно на примере отношения к таким проблемам, как угроза ядерной войны и борьба за разоружение.

Наконец, еще одна особенность сознания интеллигенции состоит в том, что в нем значительную и самостоятельную роль играют абстрактные идеи и ценности. На интеллигенцию в большей мере, чем на какой-либо другой слой, воздействуют не только факты и явления общественной жизни, но и продукты идеологической деятельности. Если в этой деятельности принимают непосредственное участие весьма ограниченные группы интеллигенции, то более широкие ее слои, как правило, раньше, активнее и в общем полнее других социальных слоев усваивают новые ценностно-идеологические системы, более «открыты» для новых идей. Поэтому внутри интеллигенции с особой остротой идет борьба идей, размежевание между сторонниками прогрессивных и реакционных взглядов. В. И. Ленин писал, что интеллигенция «всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»⁵¹.

В 60-х и особенно в 70—80-х годах в среде западной интеллигенции идет интенсивный поиск новых жизненных ориентаций и ценностей, причем в отличие от более ранних периодов этот процесс охватил не только узкие группы интеллектуальной и художественной «элиты», но и массовые слои работников умственного труда. Главной предпосылкой духовных поисков интеллигенции являются резкие социальные сдвиги, происходившие в последние десятилетия в капиталистическом обществе, прежде всего те, которые непосредственно отразились на положении и психологии работников умственного труда. На примере некоторых конкретных профессиональных групп было показано обострение противоречия между реальным положением массовых групп интеллигенции и характерным для них стремлением к развитию творческих потенций личности, к индивидуальному самовыражению. Стандартизация и обезличивание индивидуальной жизни в современном капиталистическом обществе в значи-

тельной степени затронули интеллигенцию и в силу особенностей ее положения и психологического склада были восприняты ею особенно болезненно. И если ее значительная часть адаптировалась к сложившейся ситуации, впитав «карьерные» и «потребительские» ценности, то другая ее часть стала искать иные выходы.

Одним из первых симптомов этого поиска стало массовое студенческое движение конца 60-х — начала 70-х годов. Студенческий «бунт» был направлен против устоев буржуазного «потребительского» образа жизни и культуры, а в ряде стран (например, в США) принял антиимпериалистический и антимилитаристский характер. Восприимчивость студенческой массы к «ультрареволюционным» левацким идеям во многом объяснялась спецификой положения этого «социального резерва» интеллигенции — группы, вырабатывающей позицию исходя из представления о своем ближайшем будущем в системе капиталистических отношений, но еще не включенной в эти отношения⁵². Вместе с тем в идеологии студенческого движения и возникшей под его влиянием молодежной «контркультуре» последовательное воплощение нашел интеллигентский индивидуализм — установка на освобождение личности от обязанностей по отношению к обществу, от его социальных норм и требований, склонность к анархизму, культ вседозволенности.

После спада студенческого движения процесс цепной переориентации охватил значительно более широкие слои интеллигенции, в значительной мере изменив свое направление. Общественно-политический, социально-критический пафос этой переориентации был в известной мере ослаблен, и поиск «новых ценностей» стал для многих прежде всего поиском нового образа и стиля личной жизни: семейных и сексуальных отношений, отношения к труду, деньгам, карьере и т. д. В США символом нового образа жизни и культуры стало понятие «самоосуществление», означавшее выявление личностью своего «внутреннего потенциала», «освобождение» и удовлетворение ее «подлинных» желаний и потребностей.

Американский социолог Д. Янкелович, исследовавший на материале массовых опросов и интервью феномен «поиска самоосуществления», считает, что этот «поиск» занимает доминирующее место в мотивах примерно 17% работающих американцев. В своем большинстве это люди моложе 35 лет, имеющие образование выше сред-

него, выполняющие умственный труд; доля высококвалифицированных специалистов среди них в два раза больше, чем в трудящемся населении в целом⁵³. Иными словами, центральное место в данной группе занимают представители интеллигенции. Янкелович выделяет ряд типичных для них психологических черт: склонность к самоанализу, стремление получать удовлетворение от развития собственной личности, а не от «дома и семьи», потребность в «новом жизненном опыте», убеждение, что люди должны жить так, «как им нравится», желание выполнять интересную, осмысленную работу. Они считают «творческую жизнь» более важной, чем материальное благосостояние, охотнее тратят деньги на путешествия, чем на приобретение собственности.

На практике у принявших эти установки представителей интеллигенции «самоосуществление» чаще всего сводится к отказу от укоренившихся норм личной и семейной жизни, прежде всего от обязанностей по отношению к семье. Женщины оставляют мужей и детей, чтобы начать новую, «самостоятельную» жизнь; супружеские пары перестают заводить детей и предаются «сексуальным экспериментам» на стороне; молодые люди реже вступают в брак; женатые мужчины чаще ищут «более соответствующую их вкусам» работу, пренебрегая материальным благополучием семьи.

В сущности подобные способы «самоосуществления» представляют собой крайнюю, эгоцентрическую форму индивидуализма: «свобода личности» оборачивается ее освобождением от элементарных социальных связей, от обязанностей по отношению к другим людям. Такая «свобода» не обеспечивает удовлетворения духовных потребностей, к которому стремятся ищущие «самоосуществления», так как для их удовлетворения необходимы социальные связи и отношения личности; изолируя себя от них, человек вольно или невольно сводит свои потребности к «новым ощущениям», а чаще всего — к примитивным биологическим импульсам, подлинным смыслом и целью его жизни становится «получение наслаждений». Секс и еда занимают поэтому важное место в интересах «самоосуществляющихся» (большинство их, по данным опроса, озабочены поиском «новых блюд»). В концепции «самоосуществления» нетрудно обнаружить влияние весьма популярного в США психоанализа с присущим ему культом «естественных» биологических потребно-

стей. И не случайно 41% «самоосуществляющихся» консультируются с психоаналитиками⁵⁴.

«Свободный», а в сущности духовно обедненный, гедонистский образ жизни интеллигентов не соответствует их поиску «самоосуществления». Поэтому они оказываются в своеобразном психологическом тупике, испытывают возрастающие неудовлетворенность, тревогу, ощущение одиночества и утраты ясных ориентиров. Янкелович рассказывает об одной из ищущих «самоосуществления» супружеских пар: муж — адвокат, жена — издательский работник. Они женаты шесть лет, но детей у них пока нет, так как это помешало бы их работе. По словам жены, их отношения напоминают скорее «притворную дружбу, чем брак». «Временами, — говорит она о себе, — я чувствую себя частицей моего поколения, слишком озабоченной собственными потребностями и желаниями... Я боюсь, что кончу ничем именно потому, что требую так много от жизни. Я знаю, что нельзя иметь всего, но я не знаю, от чего надо отказаться и за что держаться». Муж живет, по его словам, «в состоянии постоянной тревоги». «Больше всего на свете, — говорит он, — я ценю мою свободу и независимость, но временами я чувствую, что все рассыпается... что у меня такие же шансы остаться с пустыми руками, как и получить от жизни то, что я хочу»⁵⁵.

Подобное психологическое состояние достаточно типично для молодых образованных американцев. Так, по данным многолетних исследований социологов Мичиганского университета, неуклонный рост доли людей, считающих себя несчастными, приходится главным образом на младшую (18—30 лет) возрастную группу лиц с высшим образованием и высоким уровнем дохода⁵⁶.

Характерная для интеллигенции особо острая неудовлетворенность потребительским существованием, зависимым и нетворческим характером труда, отражающая высокий уровень духовных потребностей и их осознанность, порождает противоположные тенденции в ее сознании и поведении. Эта неудовлетворенность обуславливает особую ее восприимчивость к тем течениям современной буржуазной идеологии и культуры, для которых характерна апология безудержного индивидуализма, «абсолютной суверенности» личности, ее независимости от общества. Отвергая такие нормы буржуазной этики, как «упорный труд ради денег», стяжательство и потребительство, подобные идеи в капиталистической действи-

тельности способны оказывать лишь деструктивное, опустошающее воздействие на мотивацию и поведение личности.

Реальная опасность, подстерегающая материально благополучного интеллигента в капиталистическом обществе, — перерождение его антипотребительства и «антибуржуазности» в чисто формальную, «словесную» ценность, маскирующую в его самосознании обычный потребительский и гедонистский образ жизни. В таких случаях потребление, разумеется, остается потребительством, приобретая лишь более рафинированный, снобистский оттенок.

«Мое положение интеллигентки, — говорит молодая француженка, преподавательница университета, — защищает меня от желаний и потребностей, искусственно созданных обществом потребления. Мне не нужно много денег, чтобы жить и быть счастливой... Солнечный день в Люксембургском саду с хорошей книгой, беседа с другом, чашка хорошего кофе... цветок, хороший фильм, трапеза, приготовленная и разделенная в компании, пустынный пляж, неожиданный подарок...» Французские социологи, цитируя эту исповедь, не без язвительности замечают: «Некоторые из вещей, которые составляют ее счастье, покупаются и, увы, иногда стоят очень дорого: пустынный пляж не найдешь в конце бульвара Сен-Мишель, хороший фильм стоит 15 франков»⁵⁷.

В работе американских социологов Дж. Бенсмэна и А. Видича нарисована довольно детальная картина личного и общественного поведения интеллигенции США. Интеллектуалы, ученые и т. п., отмечают авторы, различными путями пытаются решить стоящую перед ними проблему преодоления потребительского образа жизни, по-разному снимая «психологическую напряженность сознания». Кто-то приобщается к «престижной культуре» (классическая либо модная современная музыка, авангардистский театр и литература и т. д.). Другие пытаются играть посильную роль в местных органах власти либо участвуют в движениях в защиту гражданских прав, в антивоенных протестах, в манифестациях против ядерного оружия. Однако и такое участие нередко выступает как престижная «богемная» форма самовыражения, дань социальной моде и тяготению к новым формам досуга, желанию хоть чем-то не походить на окружающих⁵⁸. Масса американских «интеллектуалов», обитателей престижных предместий (сабарбов), ведут жизнь, описан-

ную в романах Дж. Чивера и Дж. Апдайка: прилежное выполнение «функций» в рабочее время, «развлечения и комфорт» (в разных пропорциях — алкоголь, адюльтер, спорт и т. д.) после работы. Стремление «преодолеть» нормы буржуазного образа жизни нередко сочетается у таких людей с неспособностью действительно порвать с ним. В этом проявляется противоречие, характерное для наиболее привилегированных, близких к буржуазии слоев интеллигенции.

Данную картину нельзя, однако, считать исчерпывающей. Неудовлетворенность интеллигенции теми социальными ролями и образом жизни, которые навязывает ей современное капиталистическое общество, усиливает в ее среде не только индивидуалистические тенденции, но и поиск таких общественных целей и ценностей, таких форм социальной активности, которые способствовали бы воплощению в жизнь ее потребностей и стремлений. В тех же Соединенных Штатах можно найти немало примеров бескорыстного и жертвенного служения лучших представителей интеллигенции — студентов, ученых, священников, врачей — высоким общественным идеалам: ликвидации расового неравенства, борьбе за мир, помощи беднякам и обездоленным. Высокий уровень духовных потребностей интеллигента, большая роль ценностей — идеалов в его сознании нередко содействуют преодолению его изначально индивидуалистической позиции, вовлекают его в активное участие во вдохновляемых такими идеалами общественных движениях. Иными словами, эти особенности его психологии создают предпосылки для выбора им «групповой» жизненной ориентации.

В 70—80-х годах значительно расширилось участие интеллигенции как в либерально-реформистских, так и в рабочем и демократических политических движениях и организациях, в том числе и в коммунистических партиях⁵⁹. Вместе с тем в этот период сложились и приобрели массовое распространение система общественно-политических ценностей, специфическая для интеллигенции, присущие именно ей направления и формы социального протеста.

Особенности положения и психического склада интеллигенции в капиталистическом обществе придают специфический характер общественным интересам и ценностям многих ее представителей, сказываются на направленности их социальной активности. Восприимчивость

к общегуманистическим идеалам нередко оборачивается абстрактным гуманизмом, протест против антигуманности буржуазной морали и образа жизни сочетается с непониманием их связи с капиталистическими производственными отношениями, демократические и общечеловеческие цели воспринимаются в отрыве от основного классового антагонизма капиталистического общества, от классовых интересов. Подобное, искажающее реальные связи и взаимоотношения отражение общественной действительности коренится в «межклассовом» положении интеллигенции в социальной структуре, в оторванности многих ее слоев от сферы материального производства, где острее всего проявляются классовые противоречия.

Эти же моменты во многом объясняют то весьма сильное влияние, которое оказали на ценностные ориентации широких слоев интеллигенции «экологические» идейные течения, в платформе которых лозунги защиты природной среды увязаны с антитехницизмом и антиурбанизмом, с утопическими проектами «нового образа жизни», альтернативного современной «индустриальной цивилизации».

Будучи в целом материально обеспеченными, значительные слои интеллигенции нередко весьма остро ощущают моральный гнет бюрократизированных, обезличенных монополистических организаций, психологические стрессы и опустошенность, на которые обрекает человека гонка за потреблением и карьерой. Поэтому столь привлекательными оказались для многих интеллигентов утопические проекты отказа от современных форм производства и городского образа жизни с их гигантизмом и сложностью ради «простой жизни» в единстве с природой, в небольших общинах, где социальные связи человека сводятся к непосредственным межличностным контактам. Экологическая проблематика приобрела в интеллигентском сознании 70—80-х годов особое идейно-ценностное значение: гармоничные отношения человека с природой стали восприниматься не только как необходимое условие существования общества, но и как основа идеального общественного устройства, ключ к решению вообще всех социальных и личностных проблем, существующих при капитализме.

В 70—80-х годах немало представителей интеллигенции в капиталистических странах пытались осуществить подобные идеалы на практике — путем «бегства» из го-

родов и организации так называемых альтернативных сельских коммун. Значительную поддержку получили в данной среде вдохновляемые этими идеалами экологические движения. Например, в ФРГ большинство сторонников экологистов («зеленых») — люди в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие высшее образование⁶⁰. Опрос, проведенный среди английских экологистов, показал, что большая их часть происходит из социальных групп, не связанных с материальным производством (в частности, творческая интеллигенция, работники органов социального обеспечения, студенты и т. д.). Они придают гораздо больше значения, чем население в среднем, «нематериальным» ценностям («идеи важнее денег») и значительно меньше — проблемам стабилизации экономического положения, роста экономики и борьбы с инфляцией⁶¹. Такое сочетание антибуржуазных ценностей с равнодушием к решающим для существования общества проблемам экономического развития и экономических отношений достаточно типично для этих слоев интеллигенции и накладывает отпечаток на формы и направления их социальной активности.

Характер этой активности во многом обусловлен также индивидуализмом многих интеллигентов, их боязнью дисциплины и четкой организации. Они нередко предпочитают действовать в рамках организационно аморфных движений и спорадических кампаний протеста, чем в партиях и профсоюзах. При всех слабостях специфически интеллигентских движений в современных условиях они все чаще выражают в весьма рельефных, хотя порой в гиперболизированных, искаженных, а то и в наивно-утопических формах многие назревшие потребности жизни общества, способствуя тем самым их осознанию более широкими массами, развитию массовых антимонополистических движений⁶².

2. Групповое и общественно-политическое сознание интеллигенции

Содержание и уровень развития группового сознания интеллигенции отражают ее социальную и социально-психологическую гетерогенность. Ее разобщенность на профессиональные подгруппы приводит к тому, что именно в их рамках главным образом формируется социально-психологическая общность работников квалифицированного умственного труда. Их групповое сознание при-

обретает форму своеобразного «корпоративного коллективизма», т. е. коллективизма, ограниченного рамками и интересами данной профессиональной группы.

Во многих капиталистических странах организационным воплощением «корпоративного коллективизма» интеллигенции служат так называемые профессиональные ассоциации⁶³. Они заботятся о повышении уровня («качества») профессиональной деятельности своих членов, их образованности и подготовленности, в том числе путем присвоения — после специальных экзаменов — соответствующих званий; о поддержании статуса данной профессии и — в последний период — доходов лиц, ее практикующих; занимаются регулированием отношений между лицами данной профессии; большинство ассоциаций имеет соответствующий «кодекс правил поведения» для своих членов. К числу провозглашенных целей и функций многих профессиональных ассоциаций относится и развитие соответствующих отраслей науки.

Организации эти носят замкнутый, узкопрофессиональный характер. Могут существовать координирующие органы для ассоциаций близких профессий, например инженеров или врачей разных специальностей. Однако в отличие от профсоюзов, которые повсеместно объединяются в общенациональном масштабе, ни в одной из развитых капиталистических стран нет объединения профессиональных ассоциаций, которое представляло бы организованную в них интеллигенцию. В этом проявляется «цеховой», корпоративный характер коллективизма интеллигенции.

Объективные процессы, происходящие в буржуазном обществе, подрывают существовавшее у многих интеллигентов представление о себе как «элите общества». И рост числа высококвалифицированных специалистов, и нынешнее социально-экономическое положение большинства из них оставляют все меньше возможностей для иллюзий об их «исключительности». Напротив, объективное положение большей части служащих-интеллигентов формирует ощущение ими себя в первую очередь наемными работниками.

В результате коллективизм интеллигентов становится более активным, «заостренным» против нанимателей. Возникает стремление к созданию «конфронтирующей» организации — профсоюза. Тяга разных групп интеллигенции к профсоюзам в 60-х и 70-х годах усилилась в Англии, ФРГ, Японии, отчасти в США и других капита-

листических странах. Соответствующие организации стали расти. Те же причины привели к изменению характера профессиональных ассоциаций: многие из них (в первую очередь в США) стали брать на себя функции профсоюзов⁶⁴.

Начинающееся освоение интеллигенцией арсенала средств экономической борьбы, накопленного рабочим классом (объединение в профсоюзы, заключение коллективных договоров, даже забастовки), говорит о значительных сдвигах в ее социальном поведении и сознании, хотя они неодинаковы для разных профессий интеллигентов и для разных стран.

Характерно, что в процессе перестройки сознания и поведения происходит «привязка» новых норм к традиционным ценностям. Так, в руководстве по медицинской этике, выпущенном несколько лет назад Британской медицинской ассоциацией, говорится о возможности для врачей прибегать к забастовкам, поскольку иначе им грозит «полнейшая подчиненность своим нанимателям, что в конечном счете помешает врачам сохранить должные профессиональные стандарты»⁶⁵.

Социальные изменения вне сферы труда также в какой-то степени способствуют сближению психологии интеллигенции и пролетарских слоев наемных трудящихся. В этом направлении действует, например, повышение среднего образовательного уровня населения и известное уменьшение разницы в образовании рабочих и рядовых интеллигентов. При всем этом сближение интеллигенции с рабочим классом происходит не быстро и с большими трудностями. Ухудшение (относительное или абсолютное) социального положения интеллигенции порождает наряду с прогрессивными тенденциями, такими, как протест против существующих порядков или по крайней мере тяга к объединению для борьбы с непосредственным нанимателем, и реакционные — стремление любой ценой удержать социальные и экономические привилегии, что сопровождается неприязнью к рабочему движению⁶⁶. На этой основе могут возникать не только корпоративные настроения, но и тяга к союзу с властью имущими.

Эти тенденции в групповом сознании интеллигенции находят отражение в ее социально-классовой идентификации. Большинство специалистов относят себя к «среднему классу» (привилегированная верхушка нередко — к «высшему классу», или буржуазии), самоотнесение

к рабочему классу является исключением. Однако постепенно начинает выделяться группа, которая, воспринимая свое положение как «среднее», в то же время ощущает социальную близость с рабочими и рядовыми служащими⁶⁷. Социально-классовая дифференциация интеллигенции, естественно, препятствует выработке ею собственной политической ориентации. Во всяком случае таким было положение в первые послевоенные десятилетия. Таким оно в значительной мере и остается. Однако начиная с 70-х годов появляются некоторые новые тенденции.

Исторически интеллигенты-идеологи и интеллигенты-политики выражали интересы основных антагонистических классов — или буржуазии, или пролетариата. Интеллигенция, писал В. И. Ленин, «занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим...»⁶⁸. Промежуточное положение интеллигенции в обществе, ее генетические, социальные и психологические связи с мелкой буржуазией (в значительной мере она пополнялась из мелкобуржуазной среды, большинство представителей наиболее массовых «свободных профессий» были мелкими буржуа по социальному положению) позволяли определенным ее группам достичь относительной идейно-психологической независимости от господствующего класса⁶⁹. Это выразилось, в частности, в формировании в прошлом веке в ряде стран особой интеллигентской субкультуры, основными носителями которой были литераторы, художники, известная часть научной и преподавательской интеллигенции. Их идеологические установки отличала романтическая критика капитализма. В дальнейшем эта традиция нашла свое выражение в мелкобуржуазном радикализме, выступавшем против засилья крупного капитала.

Восходящие к этой субкультуре антикапиталистические идеологические и культурные традиции по содержанию противоречивы. С одной стороны, они внесли в культурную и политическую жизнь капиталистического общества мощный демократический, прогрессивный поток, который воплотился в лучших произведениях критического реализма, в идейной борьбе против милитаризма, социальной несправедливости, политической и духовной гегемонии крупного капитала, дегуманизирующих и авторитарных тенденций монополистического капитализма. С другой стороны, те же традиции породили модернист-

скую культуру, в которой законченное развитие получили их индивидуалистическая основа (абсолютизация импульсов собственного «я») и элитаристские, антидемократические тенденции. Охарактеризованный выше тип индивидуалистической интеллигентской реакции на современную общественную ситуацию генетически связан с данной культурной традицией.

Американский социолог Д. Белл, обстоятельно анализируя эволюцию модернистской культуры, подчеркивает ее несовместимость с принципами капитализма как социально-экономической системы и видит в «разрыве» культурной и социально-экономической сфер, в неспособности культуры «легитимизировать» капитализм «самое роковое» его противоречие. В то же время он отмечает, что современный культурный модернизм исчерпал свои антикапиталистические возможности, поскольку он «коммерциализирован» и интегрирован капитализмом⁷⁰. Последнее, несомненно, верно, но Белл не замечает, что индивидуалистический культурный бунт выполняет роль «отводного канала», направляющего духовную оппозицию капитализму в относительно безопасное для него русло личностных переживаний и демонстративных «бунтарских» выходов, в которых эта оппозиция замыкается и как бы находит свое самоудовлетворение. Ж.-П. Сартр признался однажды: «Мне хотелось, чтобы установившийся порядок существовал, а я мог бы бросать в него бомбы: мои слова»⁷¹. Описанные выше формы модного «богемного» неконформизма процветающих «интеллектуалов» воспроизводят эту ситуацию на массовом уровне.

В современных условиях относительная социально-психологическая и идейно-политическая самостоятельность интеллигенции приобретает новую основу, поскольку она превратилась в массовый слой работников умственного труда, обладающий известной общностью положения и интересов.

Бурный рост категории лиц, занятых высококвалифицированным умственным трудом, многие общие проблемы, с которыми сталкиваются разные профессиональные группы, побуждают их в большей мере чувствовать себя единым социальным слоем (а не просто конгломератом почти не связанных между собой групп), имеющим свои общие интересы⁷². Правда, этому процессу препятствуют как сохраняющаяся раздробленность по профес-

сням, так и углубляющаяся социально классовая дифференциация интеллигенции.

В результате участие представителей интеллигенции в идеологическом и политическом процессе не сводится только к «обслуживанию» основных классов и к опосредованному выражению обращенных в прошлое, лишенных конструктивного начала мелкобуржуазных идеалов (в духе современных вариантов прудонизма и критики технического прогресса). Став массовым слоем, интеллигенция в своей общественно-политической практике все больше руководствуется собственными интересами, обусловленными ее объективным положением в системе социальных отношений современного капитализма. Но и эти интересы сплошь и рядом она выражает в специфических формах, определяемых ее генетическими связями, культурными традициями.

Сочетание противоположных тенденций в отношении к буржуазному обществу порождает чрезвычайно широкий веер политических симпатий и ориентаций интеллигенции — от правоконсервативных до революционных. Выбор ориентации определяется прежде всего положением человека в социальной иерархии — степенью его объективной близости к господствующему классу, а также особенностями национальной политической культуры (в ее соотношении с субкультурой данной профессиональной группы) и социально-политической ситуацией в данной стране. В ряде стран мощное антикапиталистическое рабочее движение усиливает тяготение интеллигенции к пролетарской идеологии и политике.

В 50—60-х годах политическое поведение интеллигенции чаще всего определялось технократически-реформистской ориентацией. Технократические идеи и соответствующие политические установки оказали большое влияние на сознание интеллигенции, особенно научно-технической и управленческой. Они придавали ему такую направленность, которая соответствовала целям государственно-монополистического капитализма, интересам блока крупной буржуазии с интеллигенцией⁷³.

Динамика общественно-политического сознания и поведения интеллигенции в 70—80-х годах весьма неоднородна. В начале этого периода наметился сдвиг ее политических позиций влево. Так, во Франции часть специалистов перешла от поддержки буржуазно-центристских группировок к поддержке левых, главным образом социалистов, внося тем самым определенный вклад в

победу левых сил на выборах 1981 г. (накануне этих выборов 45% лиц данной категории по сравнению с 21% в 1974 г. намеревались голосовать за Ф. Миттерана)⁷⁴. К концу 70-х годов 82% опрошенных французских специалистов считали, что французское общество переживает кризис, более 1/3 из них верили, что выход следует искать в коренном изменении экономической и социальной системы⁷⁵. К началу 80-х годов инженерно-технические и управленческие работники, представители «свободных профессий» и преподаватели составляли 40% состава Французской социалистической партии⁷⁶. В Англии усилилось влияние лейбористской партии на интеллигенцию⁷⁷. В ФРГ рос удельный вес интеллигенции среди избирателей, членов и еще больше активистов социал-демократической партии. В США удельный вес людей, считающих себя либералами, к началу 80-х годов был среди лиц с высшим образованием в 1,5—2 раза выше, чем в других группах населения⁷⁸.

Полевению интеллигенции во многом содействовало массовое студенческое движение 60-х годов. Развитие в студенческой среде критических и оппозиционных по отношению к капиталистическим порядкам настроений, социалистические воззрения передовой части студенчества, вовлечение широких масс студентов в движение протеста — все это наложило отпечаток на общественно-политическое сознание целого поколения интеллигенции капиталистических стран.

Как установлено специальными обследованиями, большинство буйствовавших студентов, попадая во «взрослое общество», становилось умереннее, но это — умеренность относительно их прежних левых (нередко ультралевых) взглядов. По сравнению с прежним поколением выпускников университетов они значительно левее или по крайней мере либеральнее⁷⁹. Многие активисты студенческого движения, выйдя из университета, содействовали радикализации интеллигенции и ее организаций.

Со второй половины 70-х и в начале 80-х годов на общественно-политическое сознание интеллигенции все более сильное воздействие оказывает обострение кризиса капиталистической экономики. Кризисные процессы серьезно ухудшили материальное положение широких слоев интеллигенции. Впервые за много лет безработица затронула широкие категории лиц квалифицированного умственного труда: инженеров, учителей, врачей, адми-

нистративных работников. Одной из массовых категорий безработных стали выпускники высшей школы. Так, в Англии в 1981 г. 60% выпускников университетов не могли устроиться на работу по специальности; в США в 1980 г. уровень безработных достигал 7,8% среди белых выпускников вузов и 17,4% — среди негров⁸⁰. В обстановке инфляции, сокращения расходов многих частных фирм и особенно государства в ряде сфер, где используется умственный труд (народное образование, здравоохранение, научно-исследовательские разработки и т. д.), увеличилась неустойчивость материального положения интеллигенции, сузились возможности и перспективы карьеры и интересной работы, осложнились проблемы трудоустройства.

Экономический кризис углубил кризис сознания значительной части интеллигенции. Материальные трудности и заботы резко ограничили возможности «свободного выбора» образа жизни и вида трудовой деятельности, затруднили поиск «самоосуществления» (тем более что основная масса обеспеченного слоя лиц умственного труда отнюдь не проявляет готовности отказаться во имя этого «поиска» от привычного уровня жизни и потребления). Противоречивость личных потребностей и привязанностей интеллигента стала, таким образом, еще более резкой.

Кризис вызвал резкие сдвиги в общественно-политическом сознании интеллигенции. Для той ее — весьма значительной — части, которая связывала свои общественные идеалы с научно-технической революцией и умеренным (либерально-буржуазным или социал-демократическим) реформизмом, с возрастанием роли научного управления в развитии капиталистического общества, выявленная в результате кризиса несостоятельность государственно-монополистического регулирования означала крах ее технократических и сциентистских иллюзий. Важно иметь в виду, что сознание целого поколения интеллигенции сформировалось под влиянием идеологических концепций, возвещавших перерастание капитализма в «постиндустриальное общество», в котором интеллектуалам-специалистам якобы будет принадлежать ведущая роль во всех сферах экономической и общественно-политической жизни. Кризис, вызвав внезапную девальвацию подобных идей, образовал вакуум в социальных представлениях и групповом самосознании многих интеллигентов.

На рубеже 80-х годов известный французский социолог М. Крозье писал в своей книге с характерным названием «Американский недуг»: «Еще пятнадцать, даже десять лет назад я знал счастливых интеллигентов, семьи которых тоже были счастливы. Перед ними открывался мир, у них консультировались, они имели вес в обществе. Университеты были храмом, в котором царил культ торжествующего разума... Эта эйфория давно прошла, и в течение нескольких лет счастливый интеллигент превратился в полного горечи»⁸¹.

Крах сложившихся представлений и ориентаций усилил разнородность типов сознания, личного и общественного поведения представителей интеллигенции, углубил ее социально-психологическую и идейно-политическую поляризацию. Этот процесс зашел в данной социальной среде дальше, чем в других классах и слоях капиталистического общества. В этом сказалась противоречивость групповых интересов и отношений интеллигенции с антагонистическими классами, присущее ей сочетание индивидуализма и «группового эгоизма» с гуманистическими идеалами и интеллектуальной активностью, с восприимчивостью к «общим» проблемам общественной жизни.

Значительная часть интеллигенции восприняла кризис прежде всего как угрозу своему материальному благополучию и привилегиям в рамках существующего общества. Инстинкт социального самосохранения усилил ее тяготение к «традиционным ценностям», к защите устоев капиталистического строя. В этом — один из главных источников усиления консервативной тенденции интеллигенции. Рассмотренные формы индивидуалистического «самоосуществления», бегство от общественной жизни в уютный мирок утонченных личностных переживаний и наслаждений психологически легко уживаются с принципами «свободного предпринимательства» и «свободной конкуренции» в экономической и социально-политической сферах. Так, в США к началу 80-х годов ослабла поддержка интеллигенцией государственных социальных программ, типичным для ее настроений стало сочетание терпимости, либерализма в вопросах морали с «экономическим консерватизмом»⁸².

Одним из наиболее заметных признаков этих сдвигов стали изменения в настроениях и поведении младшего поколения интеллигенции — студенчества. Возросшая неадекватность профессионального будущего, страх оказаться среди тех, кто обивает пороги бирж труда, резко уси-

лили в студенческой среде индивидуализм и конкуренцию, вызвали спад общественно-политической активности. В американских университетах, которые еще недавно были центрами бурных движений протеста, воцарилось внешнее спокойствие, за которым скрывается ожесточенная конкуренция между студентами, настоящая погоня за отметками⁸³. По данным опросов начала 80-х годов, большинство американских студентов не интересуются политикой, и лишь незначительное меньшинство принимает участие в политических кампаниях⁸⁴. В то же время ухудшение материального положения массовых отрядов работников умственного труда, наступление реакции на демократические права и свободы, усиление агрессивных, милитаристских тенденций империализма вызвали активный протест значительной части интеллигенции.

Эти противоположные тенденции особенно рельефно проявляются в тех кругах интеллигенции, которые профессионально связаны с идеологией и политикой: ученых-гуманитариев, работников средств массовой информации, публицистов. Многие из них принимают активное участие в правоконсервативной, переориентации господствующего класса, в формировании «системы ценностей», призванной заменить либерально-реформистские установки. Так, в США многие бывшие профессора-либералы перешли на позиции неоконсерватизма⁸⁵.

Рупором правых идеологов стали консервативные «мозговые центры», пользующиеся щедрой финансовой поддержкой бизнеса, такие, как Гуверовский институт, Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, Институт современных исследований, Фонд наследия, Институт анализа внешней политики, Международный институт экономических исследований. Но следует отметить, что среди противников внешней и внутренней политики правительства Рейгана, активистов антивоенного движения, охватившего всю страну в начале 80-х годов, много ученых, врачей, религиозных деятелей. В ведущих журналах и газетах США, в телевизионных передачах множатся выступления, в которых критикуются частный бизнес, агрессивная внешняя и консервативная внутренняя политика администрации Рейгана⁸⁶. В научной среде усиливается влияние марксистских идей, в ряде университетов складываются группы молодых профессоров общественных

дисциплин, стремящихся выступать с марксистских позиций⁸⁷.

Линия идейного размежевания внутри интеллигенции, соотношение противоположных тенденций во многом определяются общей расстановкой социально-политических сил в данной стране. Переход реакции в наступление, ослабление позиций рабочего движения, как правило, сопровождаются поправением более или менее значительной части этого слоя. Так, в Англии в конце 70-х — начале 80-х годов многие интеллигенты, поддерживавшие ранее лейбористов, перешли на сторону отколовшейся от них правой социал-демократической партии (а иногда и консерваторов). Напротив, во Франции общий сдвиг влево в соотношении политических сил, рост массовой оппозиции правоцентристскому правительству сказались, как отмечалось, и на политическом поведении наиболее многочисленных слоев интеллигенции.

Однако даже в условиях роста влияния левodemократических идей эволюция интеллигенции отнюдь неоднозначна. Так, наметившаяся во Франции в 70-х годах перспектива перехода политической власти к блоку социалистов и коммунистов, обострение классовой борьбы в стране, обстановка кризиса вызывали в определенных кругах «интеллектуалов» (университетской профессуры, литераторов и т. д.) прилив откровенно реакционных настроений, питающих такие идейные течения конца 70-х годов, как так называемая новая философия, такие политические акции, как образование «Комитета интеллектуалов в защиту свободной Европы».

Основной смысл их платформы — атака на идеи социализма и прогресса во имя защиты «свободы индивида», а на деле — охрана особых прав и привилегий интеллектуальной «элиты» от «власти толпы». Среди сторонников подобных взглядов немало людей с левым политическим прошлым. Известный французский историк М. Реберну с горечью писала в 1981 г. о «кризисе в среде левых интеллектуалов», о том, что французская интеллигенция изменяет своей традиции активной борьбы с реакцией, милитаризмом, колониализмом: больше не слышно ее голоса, «когда речь идет о самых важных проблемах, о тех, которые затрагивают то, во что она больше всего верит»⁸⁸. Та же политическая индифферентность проявляется в этих кругах после прихода к власти левого правительства. Нежелание «интеллектуалов» участвовать в решении сложных проблем, встав-

ших перед демократическими силами, широко обсуждается во французской прессе. В 1982—1983 гг. более $\frac{1}{5}$ избирателей из среды квалифицированных специалистов, голосовавших в 1981 г. за левых, предпочли правые партии⁸⁹.

В подобных явлениях находят выражение определенные черты психологии интеллигенции, особенно тех ее слоев, которые меньше других затронуты процессом пролетаризации, больше связаны с буржуазией или миром «свободных профессий». Обстановка глубокого кризиса общества, неопределенность перспектив его развития усиливают ее защитный индивидуалистический (или корпоративный) рефлекс: у одних он проявляется в открытом сопротивлении назревающим прогрессивным переменам и блокировании с реакцией, у других — в стремлении замкнуться в свою скорлупу, уйти от трудных проблем и решений.

В то же время в условиях кризиса укрепляется, приобретает новые формы леводемократическая тенденция в общественно-политическом сознании и поведении интеллигенции. Сущность и динамика этой тенденции заслуживают особого рассмотрения.

Немногочисленные пока конкретные исследования взглядов политически активной части «левой» интеллигенции показывают влияние на нее социалистических идей и в то же время склонность к реформизму. Так, в ходе обследования одной из местных организаций лейбористской партии Великобритании выяснилось, что многие из ее членов — представителей интеллигенции в прошлом состояли в буржуазных партиях (главным образом в либеральной) и стали лейбористами в силу своих «радикальных и социалистических» убеждений. Они критиковали лейбористские правительства и парламентскую фракцию за «недостаточно социалистическую» политику, выступали за национализацию частных компаний, за демократизацию внутренней жизни партии, за экономическое и культурное сотрудничество с социалистическими странами. Многие поддерживали в той или иной степени таких леволейбористских деятелей, как Э. Бенн. Некоторые из них полагали, что переход Британии к социализму — это «проблема следующего столетия»⁹⁰. Под влиянием кризиса среди интеллигенции усиливаются и революционные настроения. Особенно они характерны для ее младшего поколения и более всего — для безработных выпускников высшей школы⁹¹.

Сдвиги в политических позициях интеллигенции отражают очень важную новую тенденцию — стремление к выдвижению своей социально-политической платформы, воплощающей ее интересы и потребности. Это стремление принимает весьма разнообразные формы, определяемые национальными условиями и традициями, особенностями отдельных групп интеллигенции. Однако выражающие его установки имеют и определенные общие черты: борьба против чрезмерной централизации и бюрократизации, требование демократизации политической системы и всех уровней управления, и особенно «демократии участия», дающей возможность каждому участвовать в решении затрагивающих его интересы социально-экономических и политических вопросов. В этой платформе основной упор делается на проблему отношений индивида и общества, на создание оптимальных условий для свободного выражения личности, устранения давления на нее всякого рода «организаций»⁹².

В этой системе ценностей находят отражение и специфически интеллигентский индивидуализм, и стремление отстраненных от верхних этажей власти специалистов получить доступ в «комнату с кнопками», и вполне элитарный «коллективный карьеризм» данного слоя. Аморфный, эклектический характер подобных идеалов создает возможность оживления реакционно-элитистских идейных течений. В них отражаются и утопически-анархистские мечтания. Однако в этой платформе пробиваются назревшие потребности широких масс трудящихся: их стремление к подлинной демократии, к устранению государственно-монополистического гнета. Политические взгляды большинства интеллигенции характеризуются антимилитаризмом, поддержкой идей мирного сосуществования, враждебностью к империалистической политике подавления национально-освободительного движения. В ряде капиталистических стран интеллигенция в силу присущих значительной ее части широты, трезвости и самостоятельности политического мышления сравнительно мало поддавалась влиянию милитаристской и антисоветской пропаганды, раздутой империалистическими кругами в конце 70-х годов⁹³.

Несмотря на сдвиг вправо определенной части интеллигенции, «консервативная волна», очевидно, не перечеркнула тех тенденций в ее сознании, которые развивались в предшествующий период. Как показывают данные опросов, в конце 70-х годов большинство представи-

телей западноевропейской интеллигенции выступали за «постепенное преобразование» общества. В то же время в большинстве стран в ее рядах, особенно в младшем поколении, стало больше, чем в других социальных группах, сторонников «революционного пути» и еще больше людей, обладающих «потенциалом протеста», т. е. готовых активно бороться за общедемократические цели⁹⁴.

Сдвиги в политическом сознании интеллигенции получили отражение в эволюции социал-демократических и социалистических партий. В 60-х годах их связь с интеллигенцией осуществлялась на основе технократических идей, широко принятых на вооружение социал-демократией⁹⁵. Затем кризис технократизма привел к распространению среди социал-демократии отражавших настроения интеллигенции идей улучшения «качества жизни», «демократии участия», к переработке и усвоению некоторых идей «новых левых». Характерно, например, что концепция «самоуправления», «самоуправляющегося социализма» вошла в официальную платформу Французской социалистической партии (ФСП). По мнению французского политолога А. Портелли, «культура интеллигентских слоев стала культурой ФСП»⁹⁶.

В ряде социал-демократических и социалистических партий усилились левые течения, в которых ведущую роль играют выходцы из интеллигенции. В этом можно видеть одно из последствий расшатывания традиционных массовых политических ориентаций (в том числе реформистских), поиски выхода за рамки «обычного» реформизма. В среде интеллигенции в силу особенностей ее сознания это явление, очевидно, приобрело особенно широкие масштабы. Оно получило развитие также в распространении «внепартийных» (или претендующих на внепартийность) «новых социальных движений» — экологического и т. д. Как уже отмечалось, представители интеллигенции составляют основную массу их участников.

Однако наиболее значительным политическим выражением эволюции общественного сознания интеллигенции, прежде всего ее младшего поколения, стало беспрецедентное по своим масштабам антивоенное движение начала 80-х годов. Несомненно, его главной социально-психологической предпосылкой является тревога широких народных масс за судьбы мира, стремление не допустить термоядерной катастрофы. Как показывают социологические исследования, молодая интеллигенция со-

ставила основную массу активных участников движения. Так, в ФРГ большая их часть — люди в возрасте до 36 лет, имеющие высшее образование, находящиеся вне политического влияния правых партий, выступающие против «власти денег», обладающие высоким «потенциалом протеста» и готовые выражать его в формах, нарушающих господствующие нормы законности и порядка⁹⁷.

Иными словами, костяк движения составила общественно активная, настроенная критически по отношению к капиталистическим порядкам массовая группа интеллигенции, сложившаяся в основном еще в 70-х годах на основе социально-психологической общности. Ее ценностные установки и направленность общественного поведения вначале находили выражение главным образом в участии в экологических и других «новых социальных движениях», а под влиянием сдвигов в международной обстановке — в позиции активного антимилитаризма. По данным опросов, для людей, обладающих приведенными социальными, демографическими и социально-психологическими характеристиками, типично отношение к проблемам мира, безопасности и разоружения как к самым важным из всех политических проблем⁹⁸.

В последние годы движение за мир охватило самые различные профессиональные категории интеллигенции. В этом отношении характерны выступления американской интеллигенции. Антивоенные позиции занимает Национальная ассоциация просвещения (насчитывающая в своих рядах около 1,9 млн. учителей). В августе 1982 г. с призывом к серьезным переговорам с СССР, направленным на обуздание гонки ядерных вооружений, впервые выступила Американская ассоциация юристов — весьма влиятельная и довольно консервативная организация. Стремительно развернулась деятельность организации «Врачи — за социальную ответственность». В начале 1981 г. в ней было несколько сот человек, к концу 1982 г. — десятки тысяч (причем не только медиков, но и представителей других профессий). Она имела 150 отделений в 50 штатах, издавала брошюры, бюллетени, книги. Аналогичную работу ведет Союз обеспокоенных ученых и ряд других ассоциаций лиц интеллигентных профессий. Подобным образом борются за мир многие представители интеллигенции и в других капиталистических странах.

Для рабочего движения значение союза с интеллигенцией трудно переоценить. Этот союз не только

увеличит ряды борцов за социальный прогресс, но и увеличит возможности влияния пролетариата на все сферы жизни общества. Появление большого контингента лиц интеллектуального труда, органически связанного с боевым крылом рабочего движения, способствует росту классового сознания самого пролетариата, развитию научно-теоретической деятельности рабочих организаций.

3. Средний управленческо-административный персонал

В последние десятилетия увеличивается численно и приобретает растущее значение во всех сферах жизни капиталистического общества прослойка управляющих и администраторов разного рода. Ее верхи, около $\frac{1}{5}$ общего числа, составляют важный элемент класса буржуазии. Основная часть — средние и низшие менеджеры⁹⁹ — относится к средним слоям. Рост численности менеджеров в послевоенный период происходил быстрее, чем рабочей силы в целом. Средние менеджеры составляют в разных капиталистических странах примерно 4—6% самодельного населения, а в США даже больше.

Психология массы менеджеров формируется в первую очередь своеобразной производственной ситуацией, в которой они находятся. Ее можно определить как «управленческую», характеризующую функцию руководства людьми (подчиненными), специфическим управленческим трудом и соответствующим местом в иерархии данной организации. У средних менеджеров эта ситуация крайне противоречива. Она отражает двойственность их классового положения, двойственный характер самого управленческого труда при капитализме, показанный еще К. Марксом¹⁰⁰.

Основная профессиональная функция менеджеров — управление людьми — при капитализме, как правило, включает обслуживание системы эксплуатации. Но средний менеджер и сам является наемным, подчиненным и эксплуатируемым служащим. Управление, которое он осуществляет, большей частью выражается в проведении в жизнь решений, принятых не им и зачастую даже без его ведома. Для средних менеджеров разных рангов в различных обстоятельствах более значимой оказывается та или другая сторона их социального положения.

Внутренняя противоречивость положения средних менеджеров первоначально не отражалась в их сознании,

которому была свойственна значительная цельность. Со времени своего появления как отдельной категории работников (после первой мировой войны) управляющие были теснейшим образом связаны с хозяевами и «стихийным» путем усваивали психологию предпринимателя. «Естественной», вытекавшей из их объективного положения чертой их сознания был индивидуализм карьерного типа, поскольку ориентация на продвижение по службе делала управляющих соперниками, конкурентами.

Цельности сознания средних управляющих способствовало их отношение к нанимающей организации. Опросы большого числа менеджеров в США на протяжении трех десятилетий (проводимые Корпорацией по исследованию общественного мнения — КИОМ) свидетельствуют об их весьма высоком мнении о своих компаниях. Примерно $\frac{3}{4}$ опрошенных оценивали свою компанию как «одну из лучших» или «выше среднего уровня»¹⁰¹. В ходе опроса английских управляющих в одной весьма крупной корпорации в 70-х годах 81% менеджеров так же определили свою компанию¹⁰². Американские менеджеры намного выше, чем рабочие или рядовые служащие, оценивали способности высшего руководства своих корпораций¹⁰³. В таких условиях естественным было восприятие менеджером целей капиталистической фирмы как своих собственных. Мотив прибыли действовал для него почти в той же мере, как и для владельцев фирмы.

В послевоенные десятилетия, особенно в 60-х и 70-х годах, в положении средних менеджеров произошли весьма существенные изменения. Повышение их численности в компаниях и учреждениях привело к бюрократизации их работы. Усложнение организации управления, его иерархизация, дробление функций и их регламентация оставляют среднему менеджеру все меньше возможностей для собственной инициативы, для проявления своей индивидуальности, для творческого труда. Вслед за рабочими и рядовыми служащими «рядовые» менеджеры также страдают от «безличных методов руководства и потери самостоятельности в крупных организациях»¹⁰⁴, отмечал английский социолог Т. Нобл. Его вывод как бы подтверждает американский менеджер, который писал: «...на деле я не управляющий закупками, я лишь главный функционер закупочного отдела»¹⁰⁵.

Увеличение размеров компаний и учреждений отдаляет основную часть управляющих и администраторов

от центров принятия решений. Внедрение автоматических систем управления также в большинстве случаев сужает сферу полномочий среднего менеджера, способствует «оттоку» власти вверх. «Бюрократизация бизнеса» отрицательно влияет на положение среднего менеджера. Р. Миллс в книге о «средних классах» США отмечал, что «именно на средних уровнях менеджмента бюрократические процедуры и стили особенно заметны»¹⁰⁶.

«Бюрократический склероз» вызывает резкое недовольство тех управляющих, которые прежде всего хотят «делать дело». Т. Вудс, занимавший разные руководящие должности в одной из крупнейших резиновых корпораций США, жаловался: «С какой бы хорошей идеей я или мои сотрудники ни выступили, ее фактически невозможно воплотить в жизнь так, чтобы были заметны какие-то перемены в деятельности корпорации»¹⁰⁷. У. Х. Петер, являвшийся довольно крупным менеджером другой компании, сетовал: «Тяжело мириться с тем, что независимо от высоты вашего положения в компании и независимо от того, чем вы заняты, все приходится согласовывать с целой иерархией людей»¹⁰⁸. Такие жалобы типичны.

Возникающая в крупных концернах «бюрократическая культура» во многом отрицает «предпринимательскую этику», которая раньше тесно связывала менеджера, в том числе среднего и низшего, с его фирмой. В этом же направлении действует и рост международных монополий. Опрос Европейского центра по исследованию многонациональных корпораций выявил у менеджеров «чувство, что решения принимаются где-то далеко от них и что им приходится вгонять свои мышление и поведение в стандартизированные рамки» (те же люди отмечали, что транснациональные корпорации больше платят и создают «более стимулирующую атмосферу») ¹⁰⁹.

Полномочия средних менеджеров урезаются не только «сверху». Увеличение силы профсоюзов создает такое положение, когда они ведут переговоры и достигают соглашения непосредственно с руководством предприятия или компании, а большинство менеджеров в этом не участвуют. В повседневной практике рост влияния и полномочий делегатов персонала, шоп-стюардов (цеховых старост) и т. п. на предприятиях и в учреждениях также ограничивает свободу рук низшего и среднего менеджмента. Различные системы «участия в управлении», ко-

торые капиталисты считают для себя выгодным — или бывают вынуждены — вводить (особенно в странах «Общего рынка»), имеют тот же эффект. Все это не только уменьшает власть, но и понижает статус управляющих среднего звена и служит одним из оснований их недовольства. Но у них есть для этого и другие причины.

Преобразование профессии управляющего в массовую привело к подрыву существовавшей в прошлом гарантии занятости для них. «Менеджеры признают, — отмечается в западноевропейском исследовании, — что их занятость подвержена риску в той же мере, что и любых других наемных работников»¹¹⁰. Управляющие довольно неожиданно для себя обнаружили, что они не только подвержены увольнению при реорганизации и сокращении деятельности компаний (особенно в период кризисов), но и абсолютно беззащитны от произвола хозяев, высшего руководства, так как они не имеют своей организации, на которую могли бы опереться¹¹¹. Безработица бьет в первую очередь по пожилым управляющим, но не обходит и молодых. В газетах и журналах стран Запада порой рассказывается о трагедиях, к которым это приводит. Ощущение необеспеченности занятости становится довольно сильным. Так, при опросе во Франции в конце 70-х годов, проведенном объединением предпринимателей средних фирм, выяснилось, что менеджеры компаний, входящих в объединение, более всего хотят обеспеченной занятости¹¹². Желание получать большее жалование оказалось на втором месте.

Эти новые моменты в положении среднего менеджера порождают его недовольство, ведут к определенным сдвигам в его психологии. Происходит развитие противоречия, имманентно присущего «управленческой ситуации». Средние менеджеры все яснее осознают свое положение как наемных, подчиненных работников. Как социальная группа они переживают (примерно с 60-х годов) период неуверенности, сомнений, поиска. Происходит известное ослабление желания сделать карьеру, особенно у молодых менеджеров. В докладе под названием «Меняющаяся этика успеха», составленном на основе опроса 2,8 тыс. американских менеджеров, отмечается, что молодые управляющие более «материалистичны» (т. е. заинтересованы непосредственно в зарплате) и меньше думают о продвижении. Более 1/3 менеджеров в возрасте до 30 лет определяли успех как реализацию

личных целей и стремлений, не связанных (или почти не связанных) с продвижением по службе ¹¹³.

Одной из причин таких изменений может быть ощущаемая средними менеджерами узость возможностей сделать карьеру. К концу 70-х годов лишь 47% опрошенных КИОМ американских управляющих оценили свою компанию как «очень хорошую» или «хорошую» в смысле шансов на повышение. (Это, однако, почти вдвое больше, чем доля рабочих и служащих.) ¹¹⁴ Опрос в 70-х годах полутора тысяч менеджеров крупной британской компании (в целом весьма к ней привязанных и довольных своей работой) показал их еще более скромное представление о возможностях продвижения. Лишь 4% оценили их как «очень хорошие» и 34% — как «вполне хорошие, выше средних» ¹¹⁵.

Это ослабляет прежнюю твердую идентификацию среднего менеджера с компанией, на которую он работает ¹¹⁶. Менее прочной она становится также и под влиянием ослабления частнопредпринимательских ценностей в буржуазном обществе, которое наблюдается в последние десятилетия. Некоторую роль в этом сыграло студенческое движение 60-х годов и позднее, затронувшее прямо или косвенно немалую часть тех, кто ныне составляет более молодое поколение управляющих ¹¹⁷. Автор статьи о недовольстве американских средних менеджеров писал, что новые настроения «без сомнения, в значительной степени объясняются влиянием молодых выпускников колледжей...» ¹¹⁸. Обследования, проведенные гигантской корпорацией «Интернэшнл телеграф энд телефон» среди принимаемых на работу менеджеров, позволили выяснить, что ныне поступающие вдвое менее почтительны к власти имущим, чем их предшественники двадцатью годами ранее ¹¹⁹.

В результате этого меняется представление менеджеров об их обязанностях в нанимающей их фирме. В ходе трех опросов менеджеров в США в 70-х годах лишь меньшинство поддержало мнение, что менеджер корпорации в своей деятельности ответствен в основном перед ее собственниками (акционерами) ¹²⁰.

Меняются не только обстоятельства, но и люди. Сегодняшние управляющие более образованны, имеют большие жизненные запросы, чем их предшественники несколько десятилетий назад. Преобладающая часть руководителей 300 американских компаний в беседах с журналом «Данз ревью» по поводу недовольства сред-

них менеджеров высказали мнение, что немало управляющих «просто слишком многого ожидают от корпораций»¹²¹.

Характерная деталь: во второй половине 70-х годов доля менеджеров, отвечающих, что работа им нравится «очень» или «весьма», упала по сравнению с серединой десятилетия на шесть процентных пунктов (с 91 до 85%), впервые за десятилетия опросов оказавшись ниже $\frac{9}{10}$ ¹²². Не менее важен и другой показатель. Обследование менеджеров в США, проведенное Е. А. Шварцкопфом и Е. Л. Миллером, показало, что 53% из них готовы перейти в другую компанию без какого-либо выигрыша в жалованье, если новая работа будет в каких-то других отношениях привлекательнее¹²³. Таким образом, у «человека организации», так же как и у рабочих, и у рядовых служащих, актуализируются потребности, удовлетворяемые в процессе труда.

Заметно и другое изменение, также свидетельствующее о росте нематериальных потребностей средних менеджеров. По данным опросов, почти с $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{2}$ снизилась с 50-х по конец 70-х годов доля менеджеров, считающих свою компанию «очень хорошей» или «хорошей» по готовности прислушаться к жалобам и вникнуть в проблемы своих работников. Еще больше — с 94 до 35% — упала доля тех, кто положительно оценивает готовность компании что-то сделать по поводу этих жалоб и проблем¹²⁴.

Сегодняшние менеджеры гораздо острее реагируют на нарушения компаниями их индивидуальных прав. Об этом говорят возбуждаемые ими судебные дела против своих корпораций, нарушающих эти права в различных сферах (от дискриминации по признаку расы и пола до процедуры проведения тестов и порядка повышения по службе). Таким образом, очевидно, что у управляющих ослабевает привязанность, «лояльность» к компании и растет требовательность к ней.

Те же тенденции в развитии потребностей приводят порой к весьма неожиданным явлениям. С начала 70-х годов в США и других странах появлялись сообщения о преуспевающих менеджерах, которые неожиданно бросали работу и начинали заниматься чем-либо совершенно иным¹²⁵. Иногда это было собственное мелкое независимое «дело» или консультантская фирма, иногда — работа ремесленника, преподавание, работа в социальных службах и т. д. В подобном поведении прослеживаются три

общих момента (у разных людей преобладает тот или иной): желание порвать с миром крупной корпорации, с царящими в ней подчинением и бездушием; стремление к более удовлетворяющей работе, развитию своих способностей, самовыражению в труде; потребность делать нечто непосредственно общественно полезное.

Г. Эли, бывший менеджер по маркетингу в гигантской «Америкэн Сианамид Корпорейшн», ставший владельцем «фирмы» по обслуживанию и ремонту яхт (где занят, по-видимому, он один), говорил: «Большинство компаний заставляют вас работать так, чтобы выматывать все жилы, подвергают вас страшному давлению, но никогда не дают вам почувствовать, что вы представляете во всем этом что-то важное. Дать вам акции компании — это еще не все»¹²⁶. Подобное неожиданное поведение менеджеров (из корпораций, как сообщал журнал «Данз ревью», их ушли сотни¹²⁷) иллюстрирует те же общие тенденции: изменение установок современных средних менеджеров, их взглядов на собственную роль, на взаимоотношения с нанимающей компанией (а порой и с миром корпораций вообще).

Серьезнее другое явление — развитие у средних менеджеров стремления играть большую роль в принятии решений, нежелание быть «высокооплачиваемой пешкой». Так, 87% опрошенных менеджеров ФРГ заявили, что они желали бы «большего участия» в основных решениях¹²⁸. По мнению профессора менеджмента Аризонского университета, «нынешние средние менеджеры намного больше, чем их предшественники, подготовлены к участию, к тому, чтобы оказывать влияние»¹²⁹.

В связи с этим в первую очередь встает вопрос об информации. Средние менеджеры хотят иметь больше данных обо всех аспектах деятельности своих фирм. В ходе опроса, проведенного в США журналом «Менеджмент ревью», 41% управляющих жаловались на недостаточность получаемой информации для должного выполнения ими своей работы¹³⁰. Лишь 35% менеджеров, опрошенных КИОМ в конце 70-х годов, оценили свою компанию как «очень хорошую» или «хорошую» с точки зрения предоставляемых сведений о том, что в ней происходит¹³¹.

Рост потребности средних менеджеров в более широком реальном участии в принятии важнейших решений — явление, весьма важное для взаимоотношений данного слоя с буржуазией. Поскольку удовлетворение этой потребности трудно совместимо со стремлением индивиду-

ального или корпоративного капиталиста к всевластию, ее усиление в итоге также ведет к ослаблению связей менеджера с нанимающей организацией.

Для характеристики нынешних настроений управляющих интересно высказывание одного из британских менеджеров: «...ощущение крепко спаянной элиты, тесно связанной с владельцами или акционерами и отделенной пропастью от остальных работников, ушло и ушло навсегда... Идея, что они (менеджеры. — Авт.) «работают на акционеров» в том смысле, что стремятся обеспечить богатство немногих избранных за счет наемных работников или общества, вызывает у них не просто недоверие, но и гнев... Большинство менеджеров сегодня считают, что они выполняют специфические профессиональные задачи на службе общества, и в выполнении этих задач они видят себя в большой мере связанными с остальными работниками, чем с акционерами»¹³².

Деятель «НВВ Бонд Меркуриус» — голландского профсоюза, объединяющего в основном рабочих, также говорил о значительном изменении отношения менеджеров к своим нанимателям в последние годы: «Мы замечаем, что менеджеры, приходящие к нам, больше не отождествляют себя столь тесно с предприятием. Они рассматривают себя как просто служащих. Наниматели утратили уважение, доверие и веру своих менеджеров»¹³³. Журнал «Данз ревью» еще в 1972 г. писал о «широко распространенном отчуждении управляющих средних уровней»¹³⁴. Свидетельства этого процесса — прямые или косвенные — имеются во многих странах.

Коль скоро такой отход («отчуждение») от прежней тесной связи с нанимающей организацией происходит, перед средними управляющими встает вопрос о следующем шаге: пойдут ли они по пути идентификации «с остальными работниками» или постараются обрести собственную корпоративную («цеховую») общность и уже на этой основе найти свое место в структуре статусов, влияния и власти в обществе?

У средних управленческо-административных работников можно проследить несколько основных типов социальной ориентации (во многом связанной с ориентацией идейно-политической). Первый — «традиционный», чисто буржуазный тип ориентации. Его можно определить как «хозяйский». Менеджер по-прежнему полностью или почти полностью отождествляет себя с фирмой, а свои интересы — с ее процветанием и прибылями. Профсо-

юзы или какие-либо иные «внешние» организации не для него, он — индивидуалист ¹³⁵ и ориентирован на карьеру в данной фирме. Подобная ориентация в той или иной форме до сих пор распространена весьма широко. В ходе опроса в ФРГ из 305 «руководящих служащих» (выборка была тщательно организована, чтобы дать представительство разным отраслям, размерам фирм, рангам и т. п.) 28% высказались за то, чтобы быть вместе с предпринимателями ¹³⁶. «Хозяйской» ориентации в большинстве случаев соответствуют антипрофсоюзные позиции, симпатии к правым политическим течениям.

Второй тип ориентации средних управляющих, довольно быстро формирующийся и распространяющийся, может быть определен как «корпоративный», или «цеховой». Менеджер еще отчасти отождествляет свои жизненные цели и интересы с компанией и ее высшим руководством. Однако он одновременно и отделяет себя от компании, ее владельцев, находя общее сначала со своими коллегами в данной фирме, а затем и с менеджерами вообще, тяготеет к «корпоративному коллективизму», ощущает свою социальную общность и с «профессионалами» (интеллигентами).

Корпоративно ориентированные менеджеры видят себя некоей формирующейся «третьей силой» — между хозяевами и рядовыми работниками. Ю. Боргвардт, будучи генеральным секретарем западногерманского Союза руководящих служащих, говорил: «Предприниматели иногда принимают близорукие решения, имея в виду лишь краткосрочную прибыльность, или игнорируют последствия действий компании для публики. С другой стороны, рабочие требуют слишком значительного повышения зарплаты. Мы считаем, что наши интересы больше всего связаны с долговременным благополучием компании. И мы хотим голоса в руководстве ею» ¹³⁷. В ходе опроса западногерманских «руководящих служащих» 51% поддержали взгляд, что они не принадлежат ни к хозяевам, ни к работникам, а составляют особую группу, со своими интересами ¹³⁸.

Еще один тип ориентации средних менеджеров — принципиально для них новый — можно условно определить как «рабочий». Ориентацию этого типа характеризует более или менее полный отход менеджеров от идентификации с компанией и, напротив, отождествление своих интересов с интересами массы наемных работников (приведенное выше мнение части голландских управляю-

щих, которые рассматривают себя как «просто служащих», характерно для такой ориентации). Личные карьерные устремления у этих менеджеров слабы.

Подобная ориентация распространена среди низшего менеджмента — лиц, занятых в крупных организациях с бюрократизированной структурой и малыми возможностями продвижения, а также среди тех, кто связан с рабочим классом и рабочим движением благодаря семейным узами и политическим убеждениям. Видимо, такую ориентацию приобретают и некоторые средние менеджеры, которых по тем или иным причинам сильнее затрагивает общий рост недовольства, разочарования и отчуждения, наблюдающийся в этой среде. Один из таких недовольных, работавший ранее в банке на Уолл-стрите, говорил: «Многие из нас перешли от твердого консерватизма и любви к существующей системе к полному радикализму. Мы — против того, что система делает с людьми»¹³⁹.

Распространенность «рабочего» типа ориентации невелика. В ходе упоминавшегося западногерманского обследования со служащими и рабочими солидаризовались лишь 6% «руководящих служащих»¹⁴⁰. Возможно, в других странах эта доля по ряду причин может быть более высокой. В Англии в ходе одного из опросов 8% промышленных менеджеров высказались за изменение организации промышленности на социалистических принципах (82% были против, 11% — «нейтральные») ¹⁴¹. В условиях Великобритании занятие такой позиции означает, как минимум, переход на сторону рабочего класса и организованного рабочего движения.

Косвенно о масштабах «рабочей» ориентации менеджеров можно судить по их притоку в рабочие профсоюзы, а также в союзы служащих, связанные с основными организациями рабочего движения своих стран (с Британским конгрессом тред-юнионов и лейбористской партией в Англии, Объединением немецких профсоюзов в ФРГ, Всеобщей конфедерацией труда¹⁴² и Французской демократической конфедерацией труда во Франции и т. д.). Такой приток наблюдается во всех странах.

Несколько особняком стоит четвертый тип ориентации управляющих, который можно определить как «гражданско-бюрократический». Вторая часть этого определения предполагает преданность своему учреждению, веру в его особую важность. Такая психология характерна для средних административных кадров государственных и

полугосударственных учреждений. При этом имеется в виду общественная полезность учреждений, где эти люди заняты (будь то органы министерств образования, экономического программирования или обороны), и соответственно их собственной работы, которую они воспринимают во многом как долг перед обществом, как свой гражданский долг (первая часть предложенного определения).

«Гражданско-бюрократическая» ориентация внутренне противоречива, ибо принцип общественного блага в условиях капитализма нередко вступает в конфликт с «верностью учреждению» из-за сути его деятельности. В обстановке общественных кризисов у передовой части руководящих служащих государственного аппарата «гражданское» начинает решительно преобладать над «учрежденческим», «бюрократическим». Результатом может быть отказ от лояльности по отношению к учреждению во имя интересов общества (наиболее известный пример такого поведения — «казус Даниэла Элсберга», опубликовавшего секретные материалы Пентагона). Преданность части управляющих идее общественного блага сближает их с интеллигенцией (к которой они близки по образованию, а иногда и по специальности). Как правило, они имеют более широкий кругозор, не стесненный рамками и интересами отдельных компаний.

В то же время на психологию и сознание средних управленческих кадров государственной администрации воздействуют различные аспекты «бюрократической ситуации», в которой они находятся: стандартизированность и обезличенность положения, иррациональность и бессмысленность значительной части их деятельности. Условия работы в учреждениях государственного управления способствовали в большинстве капиталистических стран высокой степени профсоюзной организованности административных кадров¹⁴³.

Управляющие, придерживающиеся подобной ориентации, придают большое значение роли государства и его политике. Они обычно выступают за расширение государственных функций (и бюджета), что отвечает не только их представлениям об общественном благе, но и собственным групповым интересам. Этатистские взгляды сами по себе вовсе необязательно должны быть связаны с либеральными или демократическими позициями. Однако в сочетании с другими установками «гражданско-бюрократических» управляющих они нередко делают последних

сторонниками (а порой опорой) буржуазного или социал-демократического реформизма. Так было в США во времена «нового курса» и позднее, в Англии — начиная с конца прошлого века, во Франции и ФРГ — в последнее время. В среднем звене государственной администрации значительны симпатии к социал-реформистским партиям: лейбористам (и социал-демократам) — в Англии, социалистам — во Франции¹⁴⁴, социал-демократам — в ФРГ и т. п.

Реформистский и либерально-демократический настрой управленческого персонала в госаппарате не по душе правоконсервативным кругам, стоящим у власти в ряде стран. «Консервативные администрации, — отмечал американский профессор Ч. Гудсел, — часто считают, что они должны решительно бороться с либеральной кликой, окопавшейся в правительственных учреждениях»¹⁴⁵. В США, по словам представителя Ассоциации старших руководящих кадров, неугодных чиновников увольняют, переводят в другие места или оставляют без дела¹⁴⁶. Среди них сильны настроения разочарования и уныния.

Выделенные условно четыре типа ориентаций среднего руководящего персонала далеко не всегда встречаются в чистом виде, они могут переплетаться и накладываться один на другой. «Некоторые менеджеры, — писали авторы исследования о западноевропейских управляющих, — готовы прибегнуть к промышленным действиям (стачка и «полузабастовочные» формы борьбы. — Авт.) в связи с оплатой труда и условиями работы, не считая, что это вступает в конфликт с их лояльностью к интересам предпринимателя»¹⁴⁷. У таких управляющих традиционная «лояльность к предпринимателю» («хозяйская» ориентация) сочетается с действиями, по существу прямо ей противоречащими (элемент «рабочей» ориентации). Это еще раз подтверждает противоречивость сознания многих, возможно большинства, менеджеров в современных условиях.

В связи с этим интересно отметить, что 13% из опрошенных «руководящих служащих» ФРГ были склонны при необходимости бастовать. В то же время большинство этих «наиболее решительных» управляющих объясняли, что они забастовали бы, «защищая высшие интересы компании от возможных грубых ошибок или злоупотребления высшего менеджмента»¹⁴⁸. В таком объяснении явно видна попытка «оправдать» усваиваемые но-

вые нормы поведения ссылкой на «традиционную» ценность — высшие интересы компании.

В последние десятилетия в настроениях средних менеджеров, в том числе ориентированных «корпоративно», все громче звучит мотив «общественного блага»¹⁴⁹. Г. Уильямс, декан высшей школы бизнеса Калифорнийского университета, высказывался вполне четко: «Менеджеры выражают беспокойство тем, что бизнес руководствуется исключительно стремлением к прибыли и не проявляет интереса к массе более широких проблем»¹⁵⁰. Когда средние менеджеры из государственной администрации вступают в борьбу с нанимателями и сближаются с организациями рабочего движения, они в какой-то мере становятся на позиции рабочего класса. Видимо, такой процесс происходил в Англии во время пятимесячной забастовочной борьбы разных рангов правительственных служащих в 1981 г.

Значительна роль среднего менеджмента в борьбе рабочего класса за участие в управлении. Рабочее движение чрезвычайно заинтересовано в привлечении менеджеров и администраторов на свою сторону в этой борьбе, чтобы иметь возможность использовать их специальные знания и навыки. Немалая часть управляющих теперь высказывается за демократизацию управления. Так, в Англии во время опроса менеджеров 48% поддержали мнение, что «власть и ответственность в организациях должны быть распределены более демократично среди наемных работников» (39% высказались против, 13% отнеслись к этому нейтрально)¹⁵¹. Перед рабочим движением объективно встает задача найти оптимальные, в том числе и организационные, формы участия разных категорий трудящихся в управлении, формы, которые наряду с прочим учитывали бы и потребности менеджеров. В более долгосрочном плане и выработка проектов, и особенно осуществление далеко идущих демократических преобразований во всех сферах национальной жизни требуют привлечения и использования управленческого персонала, общественно-административных работников с их знаниями и навыками.

На практике привлечение управляющего персонала на сторону рабочего движения сопряжено с большими трудностями. Сильны социальные связи среднего менеджмента с капиталистическими порядками. Не может при капитализме исчезнуть — хотя может значительно ослабнуть и уже ослабевает — противостояние между

управляющими и управляемыми, рядовыми работниками. В то же время изменения, происходящие в сознании управленческих кадров, создают большие возможности для союза с ними.

* * *

Рассмотренные в главе процессы идейно-психологической эволюции новых средних слоев развиваются не гладко и не прямолинейно. Особенно сложными были сдвиги в конце 70-х — начале 80-х годов. Обострившийся в эти годы кризис капитализма, так называемая неоконсервативная волна в политико-идеологической сфере оказали противоречивое воздействие на сознание этих слоев. Рост массовой безработицы, политика экономии на доходах трудящихся, проводимая консервативными правительствами, в разной мере сказались на положении высококвалифицированных специалистов и средних управляющих, с одной стороны, рабочих и рядовых служащих — с другой. Основная часть новых средних слоев в целом страдает от последствий кризиса меньше, чем рабочий класс. В какой-то мере это усиливает привилегированный характер их социального статуса, тормозит сближение с рабочим классом, происходившее на протяжении многих лет.

Развернутая правыми кругами антипрофсоюзная и антирабочая идеологическая кампания с упором на «традиционные ценности» как бы возвышает их главного носителя — «средний класс», принадлежность к которому ощущают большинство представителей новых средних слоев. В обстановке неуверенности и неустойчивости, порожденной кризисом, эти новые моменты действуют как фактор, усиливающий охранительно-консервативные настроения части управленческого персонала и интеллигенции, их приверженность к существующему порядку вещей.

В то же время на другую их часть социально-экономический кризис и политическая реакция оказывают иное, противоположное воздействие. Подверженность представителей средних слоев увольнениям и безработице резко выросла. Соответственно усилилось и их недовольство, о чем свидетельствуют материалы печати¹⁵². В меньшей степени то же относится к области денежных доходов: представители новых средних слоев страдают от сокра-

щения бюджетных расходов в разных сферах, от застоя в экономике.

Наконец, идеологическая кампания в пользу «традиционных ценностей» гораздо меньше импонирует «модернизаторски» настроенным новым средним слоям, чем «старым» — мелкой буржуазии. В частности, подчеркнутый антиэтатизм неоконсервативных лидеров не может найти особого отклика среди интеллигентов и управленческих работников, значительная часть которых связана как раз с государством и отнюдь не приветствует сокращение его социально-экономических функций¹⁵³.

Рост недовольства в условиях экономического кризиса ведет к политической активизации новых средних слоев в ряде капиталистических стран. Это проявляется и в нестабильности партийно-политических систем, и в усилении новых общественных движений¹⁵⁴. Таким образом, новые явления, порожденные кризисом и перестройкой капитализма, осложнили, но не остановили процессы изменений психологии новых средних слоев.

Из сказанного видно, что произошло дальнейшее развитие противоречивости их сознания. Представители новых средних слоев более ясно осознают свое положение как наемных работников, связанное с зависимостью от нанимателя, противоположностью интересов с ним. Те моменты в положении высококвалифицированных специалистов и средних управляющих, которые делали и делают их наемными работниками особого рода, отступают в их сознании на второй план, хотя, безусловно, играют еще достаточно важную роль.

Соответственно меняется отношение интеллигентов и управляющих к своей компании или учреждению, к своим коллегам (по месту работы и по профессии). Индивидуализм, весьма развитый в этих слоях, все больше сочетается с корпоративным коллективизмом, со стремлением защитить собственные интересы с помощью организаций. Ориентация на свою группу развивается за счет ослабления идентификации с хозяевами, нанимающей организацией и — в большей мере это касается интеллигенции — с существующими порядками. Подобная корпоративная ориентация представляет собой в историческом плане прогресс в развитии сознания этих слоев.

В то же время под воздействием мирового развития и национальных ситуаций передовые представители новых средних слоев более сознательно и непосредственно становятся на сторону общественного прогресса. Часть

из них в защите своих социально-экономических интересов смыкается с рабочим движением, порой воспринимая и его политические цели. Особую роль играют новые демократические движения, получившие большое развитие в 70-х и 80-х годах, и самое важное из них — антивоенное.

Вопреки мнению некоторых западных теоретиков нет никаких объективных антагонизмов между новыми средними слоями с их ценностями и интересами и рабочим классом. Целенаправленная деятельность пролетарских организаций позволит использовать возможности, создаваемые объективным развитием, для налаживания сотрудничества с этими растущими группами трудящихся.

ОСОБЕННОСТИ СОЗНАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СРЕДНИХ СЛОЕВ

В современном капиталистическом обществе мелкая буржуазия, т. е. традиционные средние слои, уступает по численности наемным трудящимся. Так, по данным на 1979 г., численность «самостоятельных» работников (включая определенную долю буржуазии, на которую приходится лишь небольшая часть «самостоятельных») составляла в Англии 7,2% самодеятельного населения, в ФРГ — 13,5, в США — 8,7, в Италии — 25,8, в Японии — 28,6%¹.

Мелких буржуа в развитых капиталистических странах — десятки миллионов.

В современной советской литературе изучению социально-экономических аспектов жизнедеятельности мелкой буржуазии в капиталистическом обществе уделяется значительное внимание².

В социально-экономическом плане положение мелкой буржуазии, как подчеркивали классики марксизма-ленинизма, глубоко противоречиво. Мелкий буржуа одновременно и собственник средств производства, и труженик. «Он... — писал К. Маркс о независимом ремесленнике, — как капиталист, уплачивает самому себе заработную плату и извлекает прибыль из своего капитала, т. е. эксплуатирует себя самого как наемного рабочего и, в виде прибавочной стоимости, платит себе самому ту дань, которую труд вынужден отдавать капиталу»³.

Составляющие этой «самоэксплуатации» — интенсивность труда, повышенная продолжительность рабочего времени — не исчезают в условиях научно-технической революции. Напротив, современный уровень технологии, в частности внедрение «малой механизации», увеличивает роль собственного труда мелкого производителя, ибо он может обеспечить конкурентоспособность своей продукции, лишь выжимая максимум из новой техники (и экономя на наемной рабочей силе). В результате доход, продолжительность рабочего времени, интенсивность

труда и другие аналогичные показатели подчас оказываются у него даже менее благоприятными, чем у наемных рабочих соответствующей квалификации⁴.

1. Социально-психологический облик мелкого буржуа

Психологический склад современной мелкой буржуазии во многом детерминирован своеобразием ее экономического положения, отношением с крупным капиталом. На стадии государственно-монополистического капитализма экономика продолжает оставаться многоукладной. Крупный капитал постоянно вытесняет мелкотоварное производство, но в то же время использует его в качестве своего рода «придатка» к монополистическому сектору экономики. В результате подчиненность мелкого производства монополиям выражается в различных формах. Во многих отраслях наряду с крупными предприятиями существуют, с одной стороны, обслуживающие их группы мелких и средних предприятий, непосредственно зависящих от крупного капитала, с другой — группы предприятий, находящихся в стагнирующем состоянии либо вытесняемых из производства. Этим объясняется противоречивость экономической деятельности мелкого предпринимателя. Представители мелкотоварного производства пытаются освоить новые виды товарной продукции, новые способы производства и организации труда, позволяющие им успешно конкурировать на рынке. И в то же время для них характерно стремление к стабильности, к защите своего социально-экономического положения, к сохранению однажды найденных форм.

При анализе сознания традиционных средних слоев важно учитывать множественность конкретных социально-экономических ситуаций, в которых они существуют. Одни группы связаны с технически передовым производством (в современных условиях, например, мелкие производители, связанные с новейшей наукоемкой технологией), другие — с отсталым (розничные торговцы, значительная часть фермеров и ремесленников и т. п.).

«Традиционный» ремесленник или мелкий крестьянин, с трудом сводящий концы с концами и сохраняющий свой участок (фигура, типичная для итальянского Юга, стран Пиренейского полуострова и т. д.), весьма сильно отличается по своему экономическому и социальному положению от собственника мелкого предприятия, работающего

по заказам крупных фирм или представляющего современную сферу услуг. Проявившаяся в последние годы в ряде отраслей хозяйства тенденция к децентрализации производства, быстрый рост численности мелких предприятий-«сателлитов», обслуживающих монополистический сектор (часть из них относится к так называемой черной, или подпольной, экономике), еще больше углубляют социально-экономическую дифференциацию мелкой буржуазии. Соответственно возрастает и множественность ее социально-психологических типов.

В целом для мелкого буржуа характерно колебание между двумя по сути дела противоположными ориентациями — ориентацией на «статус-кво» и предпринимательской. В зависимости от социально-экономического положения каждого отдельного слоя и индивида в их психологии может либо доминировать та или другая из этих ориентаций, либо иметь место их неустойчивое сосуществование.

Сочетание, казалось бы, несовместимых установок отчетливо проявляется в данных некоторых опросов. Так, в ходе проведенных в Англии специальных исследований мелкого бизнеса обнаружилось, что многие мелкие предприниматели считают преимуществом своих фирм их более высокий, чем у крупных, «потенциал новаций»: нововведения осуществляются в них быстрее благодаря личной заинтересованности хозяина и легкости контактов в пределах фирмы. Но вместе с тем для поведения мелких бизнесменов характерна осторожность, боязнь риска: они стараются как можно реже прибегать к займам, опасаются расширять дело, менять способы его ведения⁵. Французские мелкие торговцы, высоко ценя предпринимчивость, риск, тем не менее не хотят введения технических усовершенствований и воспринимают технический прогресс чаще всего как «угрозу» своему положению⁶.

Ориентация многих мелких собственников на «статус-кво» показывает, что они понимают, как малы их шансы войти в состав господствующего класса, стать «крупными» или занять более престижное общественное положение. «Я не стремлюсь сделать состояние, а хочу лишь обеспечить свою семью, близких», «...удовлетворить запросы клиентов», «...получить удовлетворение от хорошо выполненной работы» — вот типичные ответы французских мелких собственников на вопрос, каковы их жизненные устремления⁷.

Социологи, исследовавшие положение и сознание мелких фермеров восточной Англии, отмечают характерное для них чувство бессилия: они не надеются добыть средства, необходимые для рационального ведения хозяйства на современном уровне, их представления о собственном будущем имеют налет фатализма⁸. Вместе с тем мелкобуржуазному сознанию органически присуща ориентация на буржуазно-предпринимательскую систему ценностей. Как отмечал В. И. Ленин, для мелкой буржуазии характерно «тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы... враждебное отношение к «неудачникам», т. е. большинству»⁹.

Как владельца мелкой собственности, мелкого буржуа завораживает мысль стать когда-нибудь «большим хозяином», крупным предпринимателем. Не рассчитывая на быстрый успех, он, как правило, ориентируется на постепенное продвижение, расширение «дела» путем бережливости, граничащей со скопидомством. Однако на практике такой путь социального возвышения оказывается доступным лишь для очень незначительного числа мелких хозяев. Стремление «достичь невозможного» трансформирует ориентацию мелкой буржуазии на крупную буржуазию в крайне противоречивое в своей основе чувство зависти к ней. «Хотя мелкие торговцы и клянут крупных торговцев и капиталистов, — пишет французский социолог Н. Мейер, — они втайне мечтают достигнуть «буржуазной» респектабельности лиц свободных профессий или промышленников. Хотя они презирают чиновников и бюрократов... они завидуют их ежемесячному жалованью и социальной обеспеченности»¹⁰.

Анализируя характерные черты мелкобуржуазного сознания, классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали, что крайняя его неустойчивость, непоследовательность, двойственность не только проявляются в сфере чисто экономической деятельности, но определяют и все другие стороны жизнедеятельности мелкого буржуа, накладывают отпечаток на черты его характера, на его личность. «Мелкий буржуа... — писал К. Маркс, — составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах, а *потому* и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он in everything (во всем. — *Ред.*). Он — воплощенное противоречие»¹¹.

Неустойчивость психологических установок и поведе-

ния мелкого буржуа усугубляется тем, что он не осознает собственное положение. С одной стороны, мелкий собственник достаточно ясно видит, что его существование в качестве особой социальной фигуры находится в противоречии с ведущими тенденциями развития общества. Этим объясняется фиксируемый опросами социальный пессимизм представителей этого слоя; многие из них говорят о «гибели», «смерти», «удушении» своей профессии, ассоциируют себя с «вчерашним днем», а угрожающие им силы — с днем «сегодняшним»¹². «Открытие дела, — по мнению одного из владельцев мелкого предприятия во Франции, — напоминает бег с препятствиями. Даже если преодолеешь их вначале, то позже все равно рискуешь проиграть, причем с еще более тяжелыми последствиями»¹³. «Мы все ходим по острию ножа»¹⁴ — так оценивали свое положение английские мелкие бизнесмены. Даже находящиеся в условиях относительного благополучия итальянские мелкие предприниматели называли себя «сорняками в экономической почве»¹⁵.

С другой стороны, определяющее мотивацию мелких буржуа стремление сохранить свое положение побуждает их вырабатывать психологический «противовес» подобным пессимистическим ощущениям, искать опору в представлениях, которые могли бы доказать значимость их социальной роли и необходимость для общественного организма. «Быть парнем из деревни... почетно, — с гордостью утверждают французские фермеры. — Наш труд кормит людей, он незаменим и почетен, как всякий другой»¹⁶. Развитие реальных общественных потребностей и обострение проблемы «качества жизни» в условиях быстрого научно-технического прогресса также дают мелким производителям аргументы для «самооправдания». Защитники мелкого производства прославляют его как противовес подавляющей индивидуальность стандартизированной цивилизации «массового потребления». «На наступление технического прогресса, на жизнь, ограниченную массой условностей, на синтетические материалы современный человек реагирует естественным стремлением вернуться к истокам... Лишь ремесленник способен донести до нас тот кусочек поэзии, который спасает от бездушия нашего механизированного мира»¹⁷ — таков лейтмотив многих публикаций в журнале французских мелких торговцев и ремесленников «Контакт».

Отстаивая право на существование того «мира», который они считали «идеальным», многие французские тор-

говцы пытаются представить его как «особый», эстетически и духовно более гуманный. Мир лавочек, которые «своими яркими витринами оживляют улицы», «очеловечивают и одушевляют сердце города», они противопоставили некоему абстрактному «современному городу, убивающему человеческие отношения»¹⁸.

Мелкие собственники, конкретизируя «мир», который противостоит их собственному, утверждают, что мелкое производство лучше, нежели крупное, серийное производство, удовлетворяет все более многообразные нужды и потребности людей. Непосредственный контакт с клиентами и персоналом позволяет мелкому собственнику вступать в более непринужденные и человеческие отношения, чем те, которые складываются на крупном производстве или в сфере крупной торговли, где все связи деперсонализированы и бездуховны. Мелкие предприниматели весьма не критично воспринимают свой «мирок» как своего рода последний оплот «здоровых» «духовных» сил общества в борьбе с миром бездуховности и обезличивания, который создают крупное производство и «большие организации».

В сознании сельских мелких производителей существование подобных установок поддерживается идеализацией деревенского уклада жизни, выгодным сравнением его с неблагоприятной для здоровья и психики человека обстановкой большого города. Не случайно отношение фермеров к своему труду, как показывают данные опросов, носит нередко глубоко эмоциональную окраску. «Всей душой я привязан к земле, и, чем я становлюсь старше, тем эта привязанность усиливается. Когда я смотрю на посаженные мною деревья, я еще больше начинаю любить и эту землю, и эти деревья, которым я посвятил всю свою молодость»¹⁹, — признается французский фермер.

Представления о «естественности», гуманистической функции мелкого бизнеса содержат определенный элемент реалистической критики процессов бюрократизации и обезличивания, присущих государственно-монополистическому капитализму, но в основе своей они мифичны: условия существования мелкой буржуазии вынуждают ее прибегать к мифу как способу своего самооправдания. Эти представления о мелкобуржуазном образе жизни играют специфическую роль в структуре массового сознания современного капиталистического общества. Их влия-

ание обусловлено прежде всего «силой привычки»: абсолютное преобладание на ранних стадиях развития капитализма мелкотоварного уклада сформировало довольно устойчивое восприятие его как наиболее «естественной» формы социально-экономической деятельности и бытия личности. В современных условиях это восприятие подкрепляется протестом против последствий капиталистической индустриализации, а также растущей под влиянием экономического кризиса неустойчивостью положения наемных работников.

Не менее важную роль играет и стремление многих наемных трудящихся к социальному возвышению. Как уже отмечалось, обзаведение «собственным делом» среди рабочих и рядовых служащих нередко рассматривается как наиболее реальный и привлекательный путь такого возвышения. Миф о гуманной, отвечающей естественным человеческим потребностям природе мелкого бизнеса распространяется за пределы его социальной базы; тем более велик удельный вес подобных иллюзий в сознании самих мелких буржуа. Теоретики мелкой буржуазии широко используют такие иллюзии для доказательства социальной значимости мелкого бизнеса и обоснования лозунгов «защиты частной инициативы». «Исчезни наш социальный класс,— демагогически заявлял лидер одного из движений французских мелких собственников Ж. Нику,— и никогда рабочий, служащий, наемный работник не сможет претендовать на продвижение... Благодаря нам у каждого есть шанс для полного раскрытия своих способностей, развития своей инициативы»²⁰.

Подобные установки и в настоящее время влияют на сознание и поведение широких слоев населения капиталистических стран. Так, в США за первую половину XX в. по меньшей мере свыше 20 млн. человек прошли через мелкое предпринимательство²¹. Данные опросов говорят о том, что мечта о «собственном деле», о жизни независимого мелкого предпринимателя продолжала будоражить умы многих американцев и в 70-х годах нынешнего столетия²². В 1976 г. 1/3 опрошенных французов не была против того, чтобы основать свое «дело»; такие же данные выявил опрос, проведенный в 1982 г.²³ Даже в Италии — стране с высоким уровнем социального престижа рабочего класса — представители трудящихся, происходившие из мелкобуржуазных слоев, считали свою

работу на крупном предприятии свидетельством снижения прежнего статуса²⁴.

Присущие сознанию мелкой буржуазии самообман, стремление отнести себя к более высоким по статусу социальным категориям коренятся, как разъяснял В. И. Ленин, в объективных условиях ее существования. «Мелкий буржуа, — писал он, — находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться... Самостоятельной «линии» у него *экономически* быть не может. Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату. Его рассудок — тяготеет к последнему, его предрассудок (по известному выражению Маркса) к первой»²⁵.

Смесь реализма и иллюзий, присущая представлениям мелкого буржуа, усиливает противоречивость его жизненной ориентации. Эти же противоречия питают иррационализм мелкобуржуазного сознания. Прагматичный, рационально-расчетливый в повседневной деловой практике, мелкий производитель чаще всего оказывается неспособным реально оценить окружающую действительность. Мелкой буржуазии в значительно большей мере, чем другим классам и слоям буржуазного общества, присуща стереотипность мышления. Тенденции к интеллектуальной самостоятельности, к поиску новых ценностей и жизненных ориентиров развиваются в ее среде гораздо медленнее, чем в других социальных группах. Этим в значительной мере обусловлены консерватизм мелкобуржуазной системы ценностей, нетерпимость мелкого буржуа к любым новым явлениям, не вписывающимся в нормы мелкобуржуазного образа жизни.

Многие последствия научно-технического прогресса, интернационализация экономики и культуры, либерализация нравов, новаторские направления в литературе и искусстве, современная молодежная культура и другие разнородные и далеко не равные по своей общественной значимости явления нередко служат для мелких буржуа объектами одинаково ожесточенной критики. Этим явлениям современного мира они обычно противопоставляют свои традиционные ценности, «высокую мораль», «истинный вкус». «Убежденная в том, что положение обязывает ее к жизни «простой», «серьезной» и «достойной», — отмечает французский социолог П. Бурдьё, — мелкая буржуазия во всем отличается самым аскетическим, самым строгим, самым гарантированным от ошибок и самым традиционным выбором (тщательно отделанный в клас-

сическом стиле интерьер, добропорядочный и скромный друг... классическая живопись... давно и раз и навсегда выбранные певцы)»²⁶. В немалой степени эти установки, которые сам Бурдые характеризует как «аскетический ригоризм», отражают неустойчивость положения мелкого собственника, его ориентацию на поддержание «статус-кво», «апробированные» модели поведения и ценности.

Иррационализм общественных представлений мелкого буржуа имеет глубокую психологическую основу. Ее образует индивидуализм, коренящийся в особенностях положения данного слоя, — фетишизация «свободы» индивидуальной экономической деятельности как высшей ценности, решающего условия самоутверждения личности. По сути дела речь идет о «свободе» от социальных обязанностей, ибо стержень отношений мелкого буржуа с обществом — конкурентная борьба на рынке. Не столько подлинное содержание деятельности, сколько сам факт обладания собственностью образует смысл его существования, ведущий способ удовлетворения его потребностей. Подобная направленность личности естественно противостоит рациональному, реалистическому осмыслению собственного положения, побуждает гиперболизировать те его аспекты, которые служат для мелкого буржуа свидетельством его «самостоятельности»: отсутствие непосредственной подчиненности «чужим решениям», трудовую деятельность, более разнообразную и осмысленную по сравнению с трудом «частичного» наемного работника. Подобная гиперболизация поддерживает в сознании мелкого производителя иррационально-иллюзорные представления о собственном социальном положении.

Подавляющая часть опрошенных в конце 70-х годов французов мотивировали желание основать свое «дело» тем, что положение «независимого предпринимателя» дает наибольшие возможности для работы «без нажима», для интересного и содержательного труда²⁷. «При моей зарплате и подсобном хозяйстве мы могли бы жить лучше, чем сейчас, — признается французский фермер, в прошлом рабочий. — Но меня мучило то, что я был рабочим. А я мечтал быть хозяином самому себе. Нет ничего ценнее независимости крестьянина, я об этом сужу по собственному опыту»²⁸. «Теперь все идет прекрасно, — сказал в интервью «бывший» высший менеджер, ставший гончаром. — Я являюсь одновременно директором, рабочим, исследователем, счетоводом и коммерсантом... Ответственность за успех или поражение несу я один.

Раньше я был лишь «функцией», сейчас я — человек!»²⁹

Сходные мотивы открытия своего «дела» приводили также английские мелкие предприниматели: «Вы сами принимаете решения; если они правильны — вы горды, если нет — вы можете винить только самого себя»; «Я теперь сам себе хозяин и могу, если захочу, кончить работу хоть в 11 часов»; «Я добился полной свободы, могу делать, что и когда хочу»³⁰. Подобные высказывания мелких бизнесменов показывают, что в их сознании преобладает индивидуалистический синдром. В отличие от представителей других массовых слоев капиталистического общества их индивидуализм — это не только глубинная психологическая установка, определяющая способы проявления личности и ее отношения с другими людьми, но и высший жизненный принцип, которому приносятся в жертву доступные рациональному осознанию интересы человека, а часто и его элементарные потребности. Жена французского фермера, раньше работавшая служащей в г. Лилле, рассказывает о своей жизни на ферме: «Все мои мысли — только о хозяйстве... Я донашиваю все старое. Сама мысль о том, что можно истратить с таким трудом заработанные деньги на что-нибудь другое, кроме резиновых сапог, кажется мне просто дикой... Мы никогда не ходим в кино: к вечеру слишком устаем»³¹.

Иррационализм мелкобуржуазного сознания проявляется также в повышенной эмоциональной возбудимости, в некоторых ситуациях даже в истеричности поведения представителей данного слоя. Отсутствие устойчивых, рациональных способов реагирования на события и явления «внешнего мира», коренящиеся в отмеченных противоречиях их психики, естественно, создает почву для чисто эмоциональных «взрывных» реакций, для разного рода колебаний в поведении. С этим связаны, например, типичные для мелкой буржуазии взрывы панических настроений, раздувание масштабов грозящих ей бедствий. Западногерманская исследовательница А. Лепперт-Феген, изучавшая этот феномен на примере поведения немецкого бюргерства во время мирового экономического кризиса 20—30-х годов, назвала его «концентрацией социального страха»³².

До сих пор речь шла о наиболее массовидных, чаще всего наблюдаемых тенденциях психологии и поведения современной мелкой буржуазии. Эти тенденции не являются, однако, единственно возможными. В положении и сознании традиционных средних слоев содержатся

предпосылки и для иных тенденций. Они возникают на базе противоположности их интересов экспансионистским устремлениям монополистического капитала и выражающей подобные устремления государственной политике; присущей этим слоям установки на активную трудовую деятельность; их стихийного демократизма. В перспективе возможно развитие такого рода черт их психологии в более конструктивный, преодолевающий консерватизм и иррациональный индивидуализм тип сознания. Однако мелкая буржуазия в массе своей еще далека от осознания своего реального положения, что не позволяет ей связать свои демократические стремления и трудовую этику с борьбой против существующих социально-экономических отношений.

Нынешний кризис технократического и реформистского «прогрессизма», порожденные им консервативные и антиэтатистские тенденции выступают как своего рода «подкрепление» мелкобуржуазных консервативных и индивидуалистических стереотипов. Однако в современной общественной атмосфере капиталистических стран существуют долговременные факторы, подрывающие эти стереотипы. Охватившее широкие массы трудящихся стремление к обновлению жизни, к прогрессивным переменам, рост влияния коллективистских ценностей рабочего класса, антикапиталистических и социалистических идей — все это не могло не затронуть традиционные средние слои при всем их сопротивлении новизне, тем более что условия и образ их жизни и труда все более теряют бывшее своеобразие, в немалой степени нивелируются с образом жизни масс наемных работников.

Под воздействием объективных социальных процессов, технического прогресса, развития средств массовой информации происходит неуклонное размывание некогда жестких границ между «городской» и «деревенской» культурами. Жизнь многих фермеров, констатируют французские исследователи, лишь в деталях отличается от жизни горожан. Телевизоры, автомашины, бытовая техника перестали быть редкостью в домах землевладельцев. Во многих аграрных районах семьи людей, занятых только сельским хозяйством, составляют меньшинство (а в отдельные периоды времени — очень незначительное) местного населения. Все более распространенным становится тип семьи, в которой не все члены семьи постоянно заняты в сельском хозяйстве³³.

Под влиянием социальных и культурных сдвигов ин-

тенсифицируются психологические связи мелких производителей с другими группами трудящихся, из среды которых к тому же постоянно пополняется данный слой. Это значит, что идеи и представления, циркулирующие в среде рабочих, мелких служащих, массовых групп интеллигенции, все больше проникают в среду мелкой буржуазии.

В настроениях младшего поколения мелких производителей появляется стремление к организации, к преодолению традиционного индивидуализма. «После того как я немного обоснуюсь, я хотел бы работать вместе с товарищами... — сказал, например, молодой французский фермер. — Вместе мы будем сильнее. В стариках еще силен индивидуализм, они все еще продолжают междоусобицы, ведущиеся из поколения в поколение. Между нами, молодыми, нет такой жестокой вражды. Когда-нибудь, я уверен, она совсем прекратится»³⁴.

2. Общественно-политическое сознание мелкой буржуазии

Противоречивость, характеризующая психологию традиционных средних слоев, отражается в их общественно-политическом сознании. Тот факт, что эти слои образуют массовую базу наиболее консервативных идейно-политических течений, общеизвестен. Действительно, консервативный психологический настрой, проецируемый в сферу политики, чаще всего заставляет значительную их часть поддерживать реакционные политические тенденции. Однако связь мелкобуржуазного консерватизма с политической реакционностью не является фатальной. Этот консерватизм не имеет (как у крупной буржуазии) однозначной классовой направленности: в принципе он устремлен против всякой «новизны» — как социально-прогрессивной, так и воплощающей «экспансию» монополистического капитала, причем в зависимости от исторических обстоятельств может взять верх та или иная его сторона.

Собственное содержание мелкобуржуазного консерватизма в основном сводится лишь к общему стремлению сохранить традиционные, идущие от более или менее отдаленного прошлого устои социального бытия. Именно поэтому он может вести к различным политическим ориентациям в зависимости от того, какие именно традиции — реакционные или демократические — в большей

мере связываются с этими устоями. Конкретные идейно-политические «выходы» мелкобуржуазного сознания в немалой степени зависят от содержания национальных традиций и национальной психологии. В силу своей «связи с прошлым» традиционные средние слои часто оказываются носителями наиболее устойчивых черт национальной психологии, в том числе устоявшихся в ней идеологически-ценностных представлений.

В странах, где в силу особенностей развития решающее влияние на национальное сознание и культуру оказали буржуазные ценности, мелкобуржуазные слои больше, чем даже представители крупного капитала, являются приверженцами традиционного предпринимательского идеала, питают идеи индивидуализма и свободной конкуренции, этики «равных возможностей» и мифологии «успеха», требований поддерживать человека, «делающего самого себя». Такой тип общественно-политического сознания весьма характерен, например, для американской мелкой буржуазии. В Англии, где на формирование буржуазного сознания наложили отпечаток феодально-аристократические ценности, мелкие предприниматели часто испытывают «почтительность» к традиционной классовой иерархии, к «джентльменам по рождению»³⁵.

В тех же странах (например, во Франции, Италии), где пролетариат сумел определиться как развитая социально-психологическая общность, со своей идеологией и своей политической организацией и оказать тем самым заметное влияние на национальную психологию, немалая часть представителей мелкой буржуазии в той или иной мере психологически примыкает к этой общности. В таких ситуациях ее психология и массовое сознание приобретают черты, часто резко контрастирующие с социально-психологическим обликом буржуазии. Более развитой и устойчивой становится тенденция к противопоставлению своих интересов интересам крупного капитала, враждебность его власти. В таких странах, как Италия и Франция, где мелкая буржуазия исторически сохраняет до сих пор достаточно серьезные экономические и социальные позиции, в наиболее сильной мере проявляется тенденция к ее сближению с рабочим классом.

Общественно-политические представления мелкой буржуазии в значительной мере обусловлены уровнем развития ее группового сознания. С точки зрения соци-

альной идентификации мелкобуржуазные слои обладают довольно развитым чувством принадлежности к особой социальной общности, которая в соответствии с принятым на Западе понятийным аппаратом чаще всего фиксируется в их сознании как «средний класс». Еще более выражена идентификация по социально-профессиональному признаку: ремесленники, торговцы, крестьяне.

Например, во Франции в середине 70-х годов 52% торговцев и ремесленников отнесли себя к «среднему классу» и лишь 4% — к буржуазии³⁶. В то же время ремесленники, в том числе те, кто сбывает свою продукцию в собственных лавочках, четко отделяют себя от «просто торговцев» как не занятых производительным трудом³⁷. Особенно интенсивен такой тип идентификации у фермеров, в сознании которых сельскохозяйственный труд, сельский образ жизни постоянно воспроизводят традиционное противопоставление города и «деревни». Так, 70% французских фермеров в конце 70-х годов относили себя к крестьянству, и никто из них — к буржуазии³⁸. Английские мелкие фермеры, по данным опросов, рассматривают себя как «небольшое, изолированное и не находящее понимания у других меньшинство, противостоящее громадному городскому и индустриальному населению, требующему от них прежде всего дешевых продуктов питания»³⁹.

Вместе с тем, даже и выделяя себя в особую группу, фермеры ощущают свою близость к другим слоям мелких собственников. Например, 52% опрошенных в начале 70-х годов западногерманских крестьян, отвечая на вопрос, с какими социальными группами они имеют больше всего общего, назвали ремесленников и только 9% — предпринимателей. При этом тенденция к самоотнесению к «крестьянству» значительно ослабляется в данной среде ощущением социальной дифференциации самого фермерства. Так, в ходе того же опроса крестьян лишь 23% заявили, что все крестьяне «сидят в одной лодке», а 73% говорили о различиях внутри крестьянства, особенно между мелкими и крупными хозяевами⁴⁰.

О стремлении традиционных средних слоев к выделению себя в особую общность свидетельствует и весьма сильно выраженное у них негативное отношение к основным классам капиталистического общества. Враждебность к крупному капиталу питается повседневным социальным опытом мелкой буржуазии, постоянно подтверждающим противоположность их интересов. Крупные

фирмы, как правило, воспринимаются мелкими бизнесменами как нечто враждебное, безжалостное. Умышленно оттягивая расчеты с малыми фирмами, они, говорили в ходе опросов английские мелкие предприниматели, потом требуют немедленных выплат. Крупные фирмы готовы разделаться с любой малой фирмой, отказывающейся подчиниться, немилосердно отвергают продукцию, которая хоть немного не соответствует установленному стандарту.

Для французских мелких торговцев главное угрожающее им зло — это «большие пространства», т. е. супермаркеты (универсамы) и универсальные магазины, насаждаемые монополистическими фирмами. Итальянские мелкие предприниматели до сих пор помнят и приводят как пример своекорыстия и безжалостности крупного капитала случай, происшедший в конце 50-х годов, когда ФИАТ, закончив интенсивное обновление своей производственной базы, порвал контракты с массой мелких предприятий (до 60% производства ФИАТ находилось в тот период вне самого предприятия) и тем самым вызвал волну их банкротств и увольнений рабочих с предприятий-сателлитов⁴¹.

Фермеры во всех капиталистических странах воспринимают монополии как разоряющую и закабаляющую их силу. «Сельское хозяйство, — говорил лидер французского движения «Крестьяне-труженики» А. Ришар, — находится в полном подчинении у промышленности и банков. На любом уровне — будь-то заготовка кормов или переработка и распределение продуктов — монополии думают об увеличении собственных прибылей, но не о том, чтобы обеспечить фермерам нормальные доходы. Полностью интегрированный, фермер не имеет никакой экономической власти»⁴². 81% опрошенных английских фермеров высказали мнение, что банки и другие финансовые учреждения Сити вздувают цены на землю, что они «враждебны интересам сельского хозяйства»⁴³.

В то же время в антимонополистических установках мелких хозяев чувствуются отголоски эгалитаризма: в них звучит протест против всего «крупного» как результата незаконного присвоения плодов чужого труда, требование для всех равных прав на справедливое вознаграждение за труд. Участвовавшие в опросах французские мелкие лавочники, отмечает социолог Н. Мейер, нередко с гордостью говорили о том, что их доходы нажиты тяжелым физическим трудом, и презрительно отзы-

вались о «нечестных», «плохих» деньгах, наживаемых крупными фирмами⁴⁴.

Во многих случаях мелкие хозяева достаточно ясно видят связь монополистического капитала с государством. Так, представители этого слоя в Англии прямо обвиняют правительство в том, что оно постоянно занято делами и проблемами крупных фирм, дискриминирует малые. Английские фермеры в основной своей массе поддерживают на выборах консервативную партию, однако осуждают аграрную политику консервативных правительств⁴⁵. Чаще всего враждебность мелких собственников к государству мотивируется тем, что оно облагает их налогами и тем самым отнимает часть «честно заработанного». Во Франции, где мелкобуржуазные слои отличается заметно большая по сравнению с другими западноевропейскими странами общественная активность, все массовые выступления мелких хозяев в послевоенный период (движения П. Пужада и Ж. Нику) сформировались под лозунгами борьбы с налогами. Государство, по их мнению, ничего не делает, чтобы помочь мелкому бизнесу, а своим вмешательством в экономику способно лишь нанести ущерб его самостоятельности, подорвать основы «частной инициативы».

На отношении мелкой буржуазии к буржуазному государству сказываются коренные особенности психологии этого класса и его общие социально-политические позиции. Ориентируясь на сохранение мелкотоварного производства, следовательно, на социальное «статус-кво» и ощущая вместе с тем слабость своих позиций в обществе и государстве, разрозненные, плохо организованные мелкие собственники испытывают страх перед всеми общественными силами, способными более действенно отстаивать свои интересы, оказывать давление на государственную политику. Отсюда настороженное, а нередко враждебное отношение мелкой буржуазии к государственному социально-экономическому регулированию, в том числе и к реформам, проводимым под воздействием борьбы рабочего класса (системы социального обеспечения наемных работников, помощи безработным и т. д.). В этом отношении характерно развернувшееся в конце 70-х годов в США движение мелких собственников за сокращение налогов и расходов государства на социальные нужды⁴⁶.

Под влиянием реакционной пропаганды мелкий собственник нередко склонен думать, что социальные рефор-

мы проводятся за его счет, что испытываемое им давление налогового пресса объясняется податливостью государства «непомерным требованиям» наемных трудящихся. По тем же причинам в мелкобуржуазной среде находят отклик идеи защиты «законности», «порядка», осуждения забастовочной борьбы рабочего класса.

Антиэтатизм традиционных средних слоев сочетается, таким образом, с надеждой на государственную власть как на оплот социальной стабильности: они хотят одновременно «дешевого» и сильного государства, требуют, чтобы оно поменьше вмешивалось в экономическую жизнь, но эффективно выполняло свою охранительную функцию. Вместе с тем они не склонны, особенно в критических ситуациях, отказываться от помощи со стороны правительства: программы многих предпринимательских организаций включают требование предоставить им государственные кредиты и субсидии.

В целом традиционные средние слои представляют собой социально-психологическую общность, тяготеющую к самоизоляции, замкнутости. Этим они отличаются от тех социальных групп, которые участвуют в борьбе за гегемонию в обществе. Однако ощущение собственной слабости создает предпосылку для их сближения с другими, более сильными общностями. Если тенденция к отталкиванию и изоляции проявляется прежде всего на психологическом уровне, то тенденция к интеграции с другими социальными силами, стимулируемая потребностью защиты своих интересов на политической арене, в большей мере влияет на политическое поведение.

В этом поведении преобладает тяготение к наиболее консервативным фракциям буржуазии, питаемое общим консервативным и индивидуалистическим психологическим складом мелкобуржуазных слоев, их связью с частной собственностью. Слабые позиции этих слоев на общественно-политической арене, явная неосуществимость мелкобуржуазных общественных идеалов побуждают их к интеграции с более широкой «надклассовой» общностью, с нацией. Это создает основу для закрепления в их психологии националистических стереотипов и тем самым дополнительно стимулирует их ориентацию на националистические идейно-политические течения.

Было бы неверно отрицать определенный уровень внутренней консолидации и солидарности традиционных средних слоев. Бесспорно, гипертрофированный индивидуализм мелкого хозяина, узость его общественных гори-

зонтов обуславливают крайне низкий уровень группового сознания мелкобуржуазных слоев и порождают антипатию к коллективной организации. Однако наряду с такими качествами конкретные исследования позволяют выявить и тенденцию к солидарным действиям, стимулируемую потребностью в защите непосредственных групповых интересов. Такое сочетание центробежных и центростремительных тенденций иллюстрируют, например, данные о деятельности организаций малого бизнеса в Англии (Ассоциации малого бизнеса, Британской федерации предпринимателей без наемных рабочих). Оказывая давление на политические круги с целью проведения мероприятий в интересах мелких хозяев (прежде всего в области налоговой политики), эти организации объединяли в 60—70-х годах не более 40% представителей данной социальной категории, причем наиболее мелкие предприниматели участвовали в них в еще меньшей степени⁴⁷. Анализируя характер коллективных действий мелких бизнесменов, английские социологи определили его как «индивидуалистический коллективизм»⁴⁸.

Такое же противоречивое отношение к организации отражают данные, относящиеся к некоторым другим социальным и национальным группам традиционных средних слоев. Так, 95% опрошенных западногерманских крестьян принадлежали к немецкому крестьянскому союзу, но лишь 23% считали, что существует единство интересов крестьян⁴⁹. Индивидуализм, по мнению самих фермеров, мешает их сплоченности в защите своих прав и интересов. «Каждый устраивается сам по себе»; «крестьянин — это не рабочий, он еще не осознал необходимости профсоюза»⁵⁰, — говорили французские фермеры во время одного из опросов.

Сплоченность мелкобуржуазных слоев неодинакова в отдельных странах. Так, во Франции, где широкие массы трудящихся особенно ярко демонстрируют классовую солидарность при отстаивании своих требований, мелкая буржуазия на практике проявляет большее единство и решительность, а ее корпоративные организации нередко противостоят организациям крупной буржуазии. Такую позицию занимает, например, самая крупная из них — Всеобщая конфедерация мелкой и средней промышленности. Но и во Франции, где организации, представляющие интересы малого бизнеса, весьма многочисленны, а некоторые из них существуют не один десяток лет, они охватывают незначительную часть городских мелких

собственников. Как правило, мелкие собственники вступают в предпринимательские организации, руководствуясь лишь узкопрагматическими соображениями: отстоять свои наиболее насущные интересы.

Но, даже состоя в этих организациях, они нередко остаются пассивными наблюдателями, всячески стремятся избегать каких-либо «жертв» со своей стороны, будь то свободное время для участия в собраниях и манифестациях или различные взносы. При этом мелкие собственники обвиняют свои организации в беспомощности и в желании «лишь вытянуть из них деньги». Судя по опросам, отмечает Н. Мейер, французские мелкие собственники «вообще предпочли бы обойтись без профессиональных организаций и сами заниматься своими делами»⁵¹.

Подобная позиция накладывает отпечаток на деятельность и даже на структуру соответствующих движений и организаций. Как правило, мелкие собственники представлены несколькими профессиональными организациями, численность которых колеблется в весьма широких пределах. Часть организаций представляет собой большие общенациональные объединения предпринимательских союзов, часть — очень немногочисленные союзы лиц какой-нибудь одной профессии или района. Не меньшим разнообразием отличаются и программные установки организаций, ориентирующихся на интересы преимущественно данной узкой категории мелких собственников. Нередки случаи соперничества между отдельными организациями и даже откровенной вражды, порожденной взаимным недоверием и неприятием программных и тактических установок разных организаций. Это мешает развитию у мелких собственников духа солидарности, взаимопонимания, тяги к коллективным действиям и в конечном счете преодолению их внутренней разобщенности и осознанию ими себя единой социальной силой.

В большей мере, чем участие в формальных организациях, стремление традиционных средних слоев к коллективной защите своих интересов выражают массовые движения протеста против ущемляющей их интересы политики властей и крупного капитала. Массовые боевые выступления фермеров, сопровождающиеся демонстрациями, маршами протеста, блокированием путей сообщения, — обычное явление в ряде капиталистических стран. В первую очередь это относится к Франции, где временами вспыхивают крупные движения иного, корпоративного толка, объединяя вокруг «сильных личностей», вы-

ступающих в роли лидеров, многих представителей городской мелкой буржуазии. Такими были движения, возглавленные Пужадом в 50-х годах и Нику в конце 60-х — начале 70-х годов⁵².

Платформы движений Пужада и Нику органически включали все элементы ценностной системы, к которым мелкий буржуа сохраняет традиционно сильную привязанность: частная собственность, свобода предпринимательства, «справедливая конкуренция», «равенство шансов» и т. п. Идеалам, почерпнутым из прошлого, соответствовали и традиционные методы «мелкобуржуазной жакерии»: стихийный бунт, «сильные меры» в виде баррикад, взрывов, «налоговых забастовок», нападений на государственных служащих и др. «Безумство пужадизма, — отмечали французские исследователи, — идет от несоответствия, конфликта между представлениями мелких буржуа о мире и реальностью»⁵³. Неспособность разобраться в сущности происходящих изменений ведет к преобладанию «иррациональных мотивов» в идеологии этого движения. В равной мере это относится и к движению Нику.

Несмотря на относительную организованность выступлений, их массовость, они не перерастают рамок стихийного бунта, эмоционального взрыва протеста. В целом такие движения имеют скоропроходящий характер и исчезают так же быстро, как и возникают, не формируя сколько-нибудь устойчивых политических ориентаций. В этом находит свое проявление одна из специфических особенностей общественно-политического поведения мелкобуржуазных слоев, состоящая, по определению В. И. Ленина, в том, что «мелкий собственник, мелкий хозяйчик... испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости»⁵⁴.

Рассмотренные формы коллективной организации массовых движений традиционных средних слоев несут на себе печать корпоративности: защита групповых интересов не перерастает в борьбу за какую-либо позитивную программу, учитывающую интересы и других групп трудящихся и способную стать платформой союза с ними. Эта особенность группового сознания современной мелкой буржуазии является решающим препятствием для ее самостоятельного выступления на политической арене.

3. Политическое поведение мелкой буржуазии

В политическом поведении традиционных средних слоев отчетливо отражается коренная, органическая особенность их сознания: специфика их объективного положения и интересов исключает формирование собственно-го, ориентированного на будущее проекта общественно-политического устройства.

В то же время мощные, проводящие последовательно антимонополистический курс политические организации рабочего класса, которые действуют в ряде капиталистических стран, образуют «центр притяжения» для традиционных средних слоев, втягивая в орбиту своего влияния значительную их часть. Данные о партийных симпатиях традиционных средних слоев свидетельствуют об однородности их политического поведения в ряде капиталистических стран и в то же время о различиях, обусловленных расстановкой политических сил в отдельных странах. Так, в ФРГ городские и сельские мелкобуржуазные слои голосуют в большинстве своем за ХДС/ХСС, в Великобритании — за консерваторов. Во Франции на выборах 1981 г. 10% городской мелкой буржуазии и 6% крестьян голосовали за ФКП, соответственно 35 и 32% — за социалистов, остальные — за буржуазные партии, причем с перевесом в пользу голлистов (31% городской мелкой буржуазии и 32% крестьян). За 70-е годы влияние буржуазных партий в этой среде сократилось: доля крестьян, голосовавших за них, уменьшилась в 1974—1981 гг. с 69 до 60%, городских мелких буржуа — с 64 до 55%.

В Италии на протяжении послевоенных десятилетий росло влияние Коммунистической партии среди городских средних слоев, мелкого и среднего крестьянства: к концу 70-х годов примерно $\frac{1}{4}$ избирателей из этих социальных групп голосовали за ИКП. Соответственно уменьшалась их приверженность Христианско-демократической партии, которая, однако, сохраняет наибольшее политическое влияние в этой среде, собирая около половины голосов мелких производителей (в деревне значительно больше, чем в городе). Влияние социалистов, а также менее крупных буржуазных партий в традиционных средних слоях итальянского общества незначительно, а в отдельные моменты и в отдельных районах заметно увеличивалось (особенно в городах) влияние на них ультраправых сил⁵⁵.

В тех капиталистических странах, где возможен выбор между различными политическими силами, стоящими на позициях защиты существующего строя, мелкая буржуазия предпочитает партии, использующие консервативные и националистические лозунги (например, французских голлистов, английских консерваторов, западногерманских христианских демократов), более «модернизаторским» и «либеральным» буржуазным партиям. Данные о голосовании показывают, что традиционные средние слои чаще всего примыкают к партиям, придерживающимся консервативно-националистической и иерархической политических ориентаций.

Такая направленность политического поведения традиционных средних слоев не только, а часто и не столько выражает их последовательное приобщение к буржуазной политике, сколько присущую их сознанию неразвитость собственных общеполитических ценностей и представлений. Именно поэтому в среде мелкой буржуазии легче всего распространяются и закрепляются крайне реакционные мнения и установки по всем вопросам, *не связанным с ее непосредственными* интересами (например, по вопросам внешней политики), антикоммунистические и антисоветские стереотипы.

Это уточнение имеет существенное значение, ибо оно позволяет поставить вопрос о степени «органичности», непреодолимости той «правизны», реакционности, которая выражается в ряде показателей политического поведения и сознания традиционных средних слоев. Эти явления, очевидно, объясняются не столько их реальной заинтересованностью в защите устоев капиталистического общества, сколько узостью политического кругозора. Косвенным, но достаточно весомым подтверждением данного вывода может служить тот факт, что независимо от «формальной» политической ориентации традиционные средние слои в целом отличает крайне незначительный интерес к политике и политическим проблемам⁵⁶.

Не веря в свою способность оказывать сколько-нибудь заметное политическое влияние, мелкие собственники склонны отрицать значение всякой политической борьбы. Более того, в их среде, как свидетельствуют опросы, политика «не в почете», а политики считаются «подкупленными людьми», занимающимися лишь своими «делушками» и вовсе не интересующимися заботами мелких собственников. Французские лавочники обвиняли политических деятелей в том, что те «думают только о деньгах»,

и считали, что ими «правят воры и проходимцы»⁵⁷. Подобные установки выражаются в политической пассивности, слабом членстве в политических организациях, неучастии значительной части мелких собственников в парламентских или президентских выборах.

В 20—30-х годах XX в. мелкая буржуазия была основной массовой базой фашистских режимов в Италии и Германии; неофашистские течения последних десятилетий также опираются в значительной мере на эти слои. Подобные факты способствовали выработке мнения об «имманентности» правозэкстремистских настроений традиционных средних слоев. Р. Миллс, У. Корнхауэр и другие американские теоретики «маржинального поведения» и «массового общества» рассматривают их, например, как своего рода рудимент прежних стадий капиталистической индустриализации. Неадекватная оценка своего положения в изменившемся мире ведет, по мнению этих авторов, к развитию и упрочению в сознании мелкой буржуазии чувства отчужденности, а это в свою очередь способствует возрастанию восприимчивости к фашистским лозунгам, целям и методам действия.

Вопреки распространенному среди буржуазных социологов мнению правозэкстремистские настроения традиционных средних слоев далеко не всегда являются реакцией на процессы их разорения и пауперизации. В частности, исследования, проводившиеся в США, показали, что правые умонастроения распространены в «благополучных» с экономической точки зрения районах (юг, юго-запад и Калифорния). Аналогичные данные получены и в Италии, где в ходе общенационального опроса 1975 г. выявилось, что среди представителей традиционных средних слоев, критиковавших правящую ХДП справа за «уступки» профсоюзам и левым партиям, было немало мелких собственников из тех районов Юга и Центра, где в 70-х годах мелкая буржуазия укрепила свои экономические и социальные позиции⁵⁸. Во Франции немало участников движений Пуужада и Нику составляли представители «процветающих» мелкособственнических прослоек.

Подобные факты свидетельствуют о том, что на политические позиции мелкой буржуазии относительно ограниченное (по сравнению с другими классами и слоями) воздействие оказывают отражение и собственная оценка наличной объективной ситуации. Как уже отмечалось, в этом плане большую роль играют сформировав-

шие в прошлом стереотипные представления и реакции, в чем и выражаются устойчивость, иммобилизм мелко-буржуазного сознания.

В качестве характерного примера можно привести исследованное французским социологом А. Зигфридом политическое поведение французских крестьян XIX — первой половины XX в.⁵⁹ Голосование крестьян-протестантов за наиболее передовую (в ту эпоху) политическую силу, как показал анализ, определялось не их экономическим положением, не успехом пропагандистской деятельности политических сил, а прежде всего традицией. По определению А. Зигфрида, традицию приобщения к «силам, олицетворяющим перспективное направление в развитии нового мира», исторически сформировал протестантизм, который во Франции некогда отождествлялся с идеологической оппозицией господствующим в обществе силам, опиравшимся на католическую религию⁶⁰. Данная традиционная установка обуславливает иную, чем у крестьян-католиков, реакцию на ухудшение социально-экономического положения. В юго-западной Франции, так же, например, как в области Эмилия-Романья в Италии, антипапистские, республиканские традиции, связанные с участием местного крестьянства в освободительном движении прошлого, не позволили сформироваться барьеру предубеждений против революционного рабочего класса, помешали католической идеологии придать консервативный характер демократическим ценностям мелкой буржуазии. Учет традиционных представлений особенно важен при анализе психологии и мировоззрения сельской мелкой буржуазии, образующей основную часть современного фермерства. Следует иметь в виду, что существуют различия между фермерством западноевропейских стран, унаследовавшим многие черты традиционной крестьянской психологии, и мелкой сельской буржуазией, сформировавшейся в странах, где отсутствовало такое наследие (Соединенные Штаты, Канада, Австралия).

Западноевропейские фермеры в значительной мере ориентируются на вековые крестьянские ценности: страсть к земле и отношение к труду на ней как к своего рода священнодействию, «самоценной» деятельности. В фермерском сознании «американского» типа преобладает прагматическое отношение к земле главным образом как к средству производства и к труду как способу достижения делового успеха. Этот тип характеризуется

высокой мерой слияния с буржуазным сознанием, буржуазной системой ценностей. «Европейский» же тип препятствовал такому слиянию, поскольку крестьянская традиция накладывала сильный отпечаток на формирование сознания сельской мелкой буржуазии. Этим объясняется сильный налет консерватизма в сознании значительной части западноевропейского фермерства и в то же время наличие в нем значительных следов «антибуржуазности», облегчающей его сближение с рабочим классом. Так, даже в такой консервативной в целом общности, как западногерманское крестьянство, в ходе опроса выявилась значительная группа (27%) людей, которые в случае гипотетической ситуации (существования в стране только двух партий — предпринимателей и рабочих) поддержали бы рабочую партию, а некоторые даже коммунистическую партию («с тем, — как сказал один из крестьян, — чтобы впредь не было так много крупных капиталистов») ⁶¹.

Вместе с тем в современных условиях «европейский» тип эволюционирует, все очевиднее интегрирует ценностные установки «американского» типа. В частности, французские социологи отмечают растущее стремление фермеров к получению технической и экономической информации, массовое проникновение в фермерскую среду «морали рентабельности и производительности», которая начинает признаваться в качестве «программы действий». На таких позициях стоит, например, «Национальный синдикат молодых земледельцев», признающий «ценным все то, что рентабельно» и видящий моральный долг своих последователей «не в том, чтобы больше работать, а в том, чтобы быть рентабельным, модернизироваться, идти в ногу со временем» ⁶².

В таких странах, как Франция и Италия, при преобладании правых политических ориентаций среди мелкой городской буржуазии и крестьянства значительная часть этих слоев, как отмечалось, оказывает поддержку левым партиям, в том числе коммунистам. Этот факт важен для понимания возможностей размытия консервативного синдрома традиционных средних слоев, их идеологического и политического сближения с рабочим классом.

Леводемократическая ориентация части традиционных средних слоев этих стран во многом обусловлена историческими факторами и сложившимся соотношением общественно-политических сил. Укорененность и широ-

кая сфера влияния левой политической культуры, влияние рабочего класса и рабочего движения, выступающего под руководством коммунистических партий с боевых, последовательно антимонополистических позиций, способствуют активизации леводемократических тенденций в сознании средних слоев. Однако подобные факторы сами по себе вряд ли могли бы дать устойчивый и, главное, возрастающий эффект, если бы они не подкреплялись и не усиливались определенной политикой рабочего движения в отношении традиционных средних слоев.

На международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. говорилось о необходимости борьбы за союз рабочего класса капиталистических стран с мелким и средним крестьянством, с городскими средними слоями⁶³. Коммунистические партии ряда капиталистических стран стремятся раскрыть перед мелкими производителями реальную перспективу укрепления их положения как социального слоя, которая органически связывается с антимонополистическими, социалистическими преобразованиями.

Такая установка не имеет ничего общего с обычными для буржуазных партий и, как правило, невыполняемыми в основной своей части обещаниями защищать интересы мелкого бизнеса. Даже если такие обещания и воплощаются в тех или иных практических мероприятиях, они рано или поздно вступают в непримиримое противоречие с объективными законами капиталистической экономики, в силу которых более слабые и менее конкурентоспособные предприятия разоряются и поглощаются крупным капиталом.

Коммунистические партии развитых капиталистических стран предусматривают в своих программах сохранение и поддержку мелкого производства, рассматривая его как важный и полезный элемент экономической структуры общества в период построения социализма. Национализация крупного производства, планомерное руководство социально-экономическим развитием дадут мелким производителям надежные гарантии упрочения их положения, которых они лишены в условиях господства монополий⁶⁴.

Установку на длительное сохранение мелкой частной собственности в условиях социализма приняла, например, Французская коммунистическая партия. Как под-

черкивал Генеральный секретарь ЦК ФКП Ж. Марше, эта позиция «вызвана не тактическими соображениями и не является двурушнической. Она продиктована убеждением в том, что существование мелких торговых и промышленных предприятий, так же как и семейных ферм в сельском хозяйстве, будет полезно для социалистической Франции»⁶⁵.

Курс компартий в отношении традиционных средних слоев не ограничивается разработкой теоретических и программных положений, он воплощается в ряде практических мероприятий. Французские коммунисты в 70-х годах выдвинули в парламенте ряд законопроектов, в которых предусмотрен широкий комплекс мер в защиту интересов мелких предпринимателей: облегчение налогового бремени, улучшение их социального обеспечения и условий аренды торговых и производственных помещений и др.⁶⁶ Итальянские коммунисты, опираясь на позиции, завоеванные ими в законодательных органах и в местном управлении, стремятся организовать реальную помощь мелким предприятиям — техническую, коммерческую, финансовую. В ряде областей, управляемых левыми силами (в Эмилии-Романье, Тоскане, Умбрии), накоплен интересный опыт создания промышленных зон, в которых формируются благоприятные условия для деятельности таких предприятий⁶⁷.

Коммунистические партии ведут большую работу по развитию различных форм кооперации мелких производителей города и деревни, стремятся активизировать в их среде коллективистские тенденции.

Своей политикой в отношении традиционных средних слоев коммунистические партии доказывают этим слоям соответствие их интересов целям рабочего движения, выдвигаемой им социалистической перспективе. Политика компартий способствует перестройке общественно-политического сознания мелких производителей, их идеологической переориентации. Во Франции 70-х годов 14,2% сельских хозяев и 17,1% ремесленников и мелких торговцев выделили «радикальное изменение общества» в качестве главного фактора, от которого зависит улучшение их положения; соответственно 27 и 24,7% назвали «завоевание прав» (суждение, выражающее корпоратистские установки), а 29,1 и 27,5% — «личные усилия». Большинство крестьян и мелких городских производителей, голосующих за левые партии, высказались за

осуществление социалистических преобразований в случае прихода к власти союза левых сил⁶⁸.

Такого рода данные при всей неточности фиксируемых ими численных соотношений (обусловленной формулировкой вопросов) все же показывают, что наряду с преобладающим корпоратистским и индивидуалистическим типом общественно-политического сознания (по доле соответствующих ответов мелкие производители обгоняют другие категории) в данной среде определенное распространение получила ориентация на радикальные общественные изменения. Эта ориентация, отождествляемая с социалистической перспективой, взаимосвязана с поддержкой левых партий и стимулирует ее.

Подобная политическая ориентация части традиционных средних слоев, бесспорно, обусловлена конкретной национальной ситуацией. Однако она выражает тенденцию, которую порождают резкие сдвиги в положении этих слоев, происходящие во всех капиталистических странах. Превращение их «независимости» во все более иллюзорный, формальный феномен расшатывает стереотипы мелкобуржуазного сознания. Чем больше мелкие производители ощущают свою реальную зависимость от монополий и буржуазного государства, тем острее они испытывают потребность обновить свои политические взгляды и представления. Такое обновление предполагает отказ от политического консерватизма, от защиты того, что безвозвратно утеряно, ориентацию на улучшение положения группы на основе прогрессивных общественных изменений.

Разумеется, традиционным средним слоям пока еще очень трудно стать на такой путь, и в 70-х — 80-х годах их политическое поведение продолжает носить неустойчивый характер. С этой точки зрения весьма показательны колебания в настроениях и позициях мелкобуржуазных слоев во Франции. Недовольство политикой консервативного большинства повлекло за собой определенную радикализацию общественного настроения этих слоев, сказавшуюся в их голосовании на выборах 1981 г., в переходе значительной их части на сторону левых партий. Однако победа левых сил, включение коммунистов в правительство и реформаторская деятельность новой власти пробудили в сознании значительной части мелкобуржуазной массы старые страхи и классовые предрассудки, породили в ее среде панические и пессимистиче-

ские настроения. В конечном счете она оказалась в одних рядах с противниками преобразований⁶⁹.

Предрасположенность к консервативным и даже правоавторитарным политическим установкам все еще преобладает в мелкобуржуазной среде, и наблюдавшееся в большинстве капиталистических стран в конце 70-х — начале 80-х годов «поправление» общественных настроений, вызванное экономическим кризисом, по всей видимости, затронуло больше всего эти слои.

Подобные факты вновь говорят о сложности процесса преодоления общественно-политического консерватизма традиционных средних слоев. Однако они не должны заслонять реальности иных, антимонополистических и демократических тенденций в политическом поведении этих слоев. Авангард рабочего класса исходит из возможностей активизации и развития таких тенденций, опирается на них в своей борьбе за союз с мелкими производителями города и деревни.

На психологию всех классов и слоев современного капиталистического общества глубокое воздействие оказывает обострившийся в конце 70-х — начале 80-х годов кризис капитализма. Он вызвал углубление противоречия между возросшими потребностями народных масс и реальными условиями их социального бытия, принципами и нормами буржуазного образа жизни. Это ведет к расшатыванию сложившихся ранее жизненных и ценностных ориентаций, к росту социального протеста, к развитию антимонополистической борьбы, усилению стремления масс к глубоким общественным преобразованиям. Даже в среде господствующего класса нарастает ощущение ненадежности выработанных капитализмом способов организации экономической и общественной жизни.

В последние годы все более мощным стимулом развития антиимпериалистической борьбы становится обострение наиболее важной, затрагивающей коренные жизненные интересы народных масс глобальной проблемы — проблемы предотвращения мировой термоядерной войны.

В то же время империализм как общественная система далеко не исчерпал экономических и идеологических резервов своего господства. Опираясь на материальную мощь монополистического капитала, прибегая к тактике социального лавирования, господствующий класс использует пропагандистский аппарат для идеологического и психологического воздействия на сознание масс. Особенности развития массового сознания имеют поэтому первостепенное значение для понимания возможностей и путей революционизирования масс.

Минувшие десятилетия ознаменовались ростом образования широких слоев трудящихся капиталистических стран. Одним из важнейших результатов этого процесса стал рост их интеллектуальных потребностей, вызвавший заметное ослабление стереотипизированных форм общественно-политического мышления. Трудящимся при-

суща ныне растущая тенденция к осознанию экономических, социальных и политических отношений, сложившихся в капиталистических странах, к поиску соответствующих их интересам целей и средств общественно-политической деятельности. Это создает существенные предпосылки для повышения общественной активности и инициативы трудящихся, восприимчивости к научно-теоретическим знаниям, ведет к ломке многих устоявшихся стереотипов буржуазной и реформистской идеологии и психологии.

Кризисные экономические и социальные процессы затрудняют осознание частью трудящихся перспектив общественного развития, порождают у них фатализм, представления типа «никто не понимает, что происходит». Тактика раскола трудящихся, особенно интенсивно проводимая монополиями в условиях экономических кризисов и перестройки производства, серьезно препятствует осознанию общности интересов рабочего класса и других слоев трудящихся, реальных возможностей защитить свои интересы. Наряду с политической пассивностью и индифферентностью обстановка кризиса развивает в массовом сознании своего рода «осторожность», склонность к таким политическим решениям, которые воспринимаются как наименее рискованные, не подрывающие основ существующей организации экономики и общества.

Эти особенности современного массового сознания широко используются буржуазией в политике и идеологии. В прошлом капитализм духовно подчинял людей, опираясь на их страх перед якобы всемогущей и неодолимой силой классового господства буржуазии. В наши дни буржуазные идеологи чаще всего прибегают к «рационализированному» оправданию существующего строя: то изображают его якобы способным к улучшению, то преподносят реакционную политику как якобы диктуемую объективными потребностями общества, «общностью интересов» капиталистов и трудящихся. Одновременно буржуазные средства массовой пропаганды стремятся всячески опорочить реальный социализм, не останавливаясь перед самой чудовищной клеветой. В идеологической борьбе с прогрессивными силами монополистическая реакция наряду с «традиционными» стереотипами, черпаемыми из арсенала антикоммунизма (противопоставление социализма свободе, демократии, национальной независимости и т. п.), все шире применяет научно-образную, особенно «экономическую», критику их про-

граммных требований как якобы не реалистичных, ведущих к развалу экономики и т. д.

Влияние буржуазной идеологии на массовое сознание в странах капитала не определяет, однако, главных, ведущих тенденций развития этого сознания. Современные противоречия психологии рабочего класса, других слоев и групп трудящихся во многом возникают в результате неприятия ими стереотипов господствующей идеологии, поиска новых идейных ориентиров, выражающих возросший уровень потребностей масс, их протест против антигуманных капиталистических порядков.

В любой капиталистической стране люди труда — рабочие и служащие, фермеры и ремесленники, учащиеся и интеллигенты — хотят обеспеченного будущего, жизни без экономических кризисов и без угрозы термоядерной войны, реальной демократии и подлинного социального полноправия, ограничения власти и произвола могущественных монополистических групп. Такие потребности и стремления трудящихся масс образуют мощный социально-психологический резерв, который должен быть использован прогрессивными общественными силами, и прежде всего революционным рабочим движением. Мобилизация этого резерва ставит перед авангардом рабочего класса немало трудных и во многом новых проблем.

Своеобразное, типичное для сознания трудящихся развитых капиталистических стран сочетание относительно высокого уровня материальных и духовных потребностей с тенденцией к трезвой оценке политической деятельности предъявляет повышенные требования к революционной политике. Социально-экономические программы, выдвигаемые рабочими организациями, призваны одновременно удовлетворять насущные требования трудящихся и обеспечивать реальные пути выхода из кризиса. В этих условиях для революционного авангарда особенно важным становится научно обоснованное, убедительное для масс определение системы общественных приоритетов, очередности, масштабов и темпов демократических преобразований.

В социально-политической сфере на первый план выдвигается, как подчеркивают коммунистические партии капиталистических стран, требование реальной демократии на всех уровнях — от предприятий, учреждений и местного управления до масштабов всей страны. Возросшая потребность масс в решении вопросов, затрагиваю-

щих их жизненные интересы, протест трудящихся против государственно-монополистического бюрократизма и авторитаризма, конечно, не могут рассматриваться как требование децентрализации руководства общественными процессами. И в данном вопросе реализм, научная обоснованность революционных программ являются первоочередными: наиболее сознательные, политически активные трудящиеся не примут ни бюрократического «централизма», ни броских «демократических» лозунгов, за которыми не стоит научный анализ назревших проблем управления обществом.

Убежденность масс в реальности, достижимости, обоснованности программ, выдвигаемых революционными силами, является необходимым условием их решительных действий. Но такая убежденность не формируется одной лишь «просветительской», пропагандистской деятельностью. Страх, реакционные предубеждения, политическая апатия, наконец, просто парализующая волю неуверенность, проникшие в психологию масс за века капиталистического господства, преодолеваются только в ходе их активного участия в классовых битвах.

Для формирования у трудящихся понимания своей силы, способности ниспровергнуть систему капиталистической эксплуатации не менее важно развитие у них последовательно интернационалистского сознания. В современных условиях, когда в борьбе с революционными силами монополистический капитал объединяется в международном масштабе, боевое единство и солидарность всех прогрессивных сил являются необходимой гарантией успеха и необратимости революционных завоеваний народа любой страны, порвавшей с капитализмом.

В условиях обострения международной обстановки, вызванного активизацией агрессивной, милитаристской политики империализма, жизненно важное значение приобретает международная солидарность всех миролюбивых сил. Вместе с тем ширящаяся борьба за мир в развитых капиталистических странах и во всем мире открывает новые возможности для развития интернационального сознания масс, преодоления шовинистических, националистических настроений, которые стремятся насаждать реакционные силы.

Среди задач, возникающих перед последовательно антимонаполистическими, демократическими силами, на первый план выдвигается преодоление тенденции к разобщенности различных групп и слоев трудящихся, обо-

стрившейся в обстановке кризиса капитализма и активизации наиболее реакционных, милитаристских кругов господствующего класса. Эта тенденция существенно изменяет конкретное содержание одной из решающих проблем демократической и революционной борьбы — проблемы широких антимонополистических союзов, руководимых рабочим классом. Такие союзы жизненно необходимы не только для подготовки и осуществления коренных общественных преобразований, но и для отпора наступлению правых сил, срыва проводимой ими политики «социального реванша». Борьба за демократические союзы требует особенно тщательного учета особенностей психологии и сознания различных групп рабочего класса и его потенциальных союзников, того психологического воздействия, которое оказывают на них кризисные процессы в экономике и политике капитализма, идеологическое и политическое наступление реакции.

Данные, приведенные в настоящей работе, показывают, что в современных условиях структура массового сознания капиталистического общества значительно усложняется. В обстановке резких перемен в самом производстве, их неодинакового воздействия на положение различных слоев трудящихся, возросшей трудности осознания массами смысла и последствий происходящих изменений значительно увеличивается возможность появления подчас противоположных психологических реакций в рамках одного и того же класса и других больших социальных групп. В результате границы социально-психологических общностей становятся более подвижными, изменчивыми.

В одних случаях такие общности выступают как активные группы, объединяющиеся на основе своих специфических или более широких интересов, порождая массовые движения. Это относится, например, к рабочим традиционных отраслей (шахтеры, металлурги и т. д.), на положении которых особенно сильно сказываются кризис и структурные перестройки в экономике, и к оппозиционно настроенному слою демократической интеллигенции, играющему заметную роль в так называемых новых социальных движениях, в борьбе за мир. В других случаях речь идет скорее об аморфных общностях, объединяемых лишь сходными ориентациями и настроениями («защита» своего статуса и социальных привилегий, политический негативизм и антиэтатизм, индивидуалистический образ жизни) и отличающихся особой противоречивостью, «разорванностью» личного и группового со-

знания и поведения. В силу ряда особенностей современного общественного развития черты своеобразных социально-психологических общностей со своими специфическими потребностями и устремлениями приобрели такие демографические группы, как, например, молодежь.

В сложившихся условиях борьба за демократические союзы предполагает, во-первых, всемерное укрепление связей авангарда рабочего движения со всеми проявляющими стремление к борьбе с реакционной политикой господствующего класса социальными группами и общностями, каковы бы ни были их конкретные политические платформы (низовой актив реформистских рабочих организаций; трудящиеся, выступающие в защиту занятости и жизненного уровня; участники «новых социальных движений» и т. д.). Во-вторых, все более острой и актуальной становится задача мобилизации антимонополистически настроенной части масс, которая в той или иной мере находится под влиянием «неоконсервативной» идеологии, воспринимает идеи группового эгоизма либо фатализма для вовлечения ее в лагерь прогрессивных, демократических сил. Решение этой задачи возможно лишь при условии глубокого анализа реальных потребностей соответствующих слоев, тех особенностей их общественного опыта, которые влияют на их сегодняшние общественные политические позиции.

При всей разнородности социально-экономического положения, непосредственных интересов, типов сознания различных групп трудящихся все они кровно заинтересованы в предотвращении термоядерной войны, в защите и расширении демократических прав и свобод. Широкие массы трудящихся капиталистических стран волнуют проблемы содержания труда, устойчивости экономического положения, развития личности, оздоровления окружающей среды. Перспективы развития широких антимонополистических союзов во многом зависят от способности прогрессивных сил выработать пути решения этих проблем, реально противостоящие реакционной политике, вести борьбу за соответствующие цели на всех «этажах» общественного организма — от предприятия и квартала до общенационального уровня.

В деятельности авангарда рабочего класса борьба за мир и демократию тесно связана с борьбой за социализм, с подведением масс к пониманию необходимости социалистических преобразований. Исследование психологии рабочего класса, других слоев наемных трудящихся ка-

питалистических стран свидетельствует о глубоком влиянии на них социалистических идеалов, о неодолимости стихийного влечения масс к социализму. В то же время эти идеалы чаще всего выступают в массовом сознании в виде довольно абстрактных и расплывчатых представлений о справедливом общественном устройстве, сочетаются с сомнениями в их осуществимости, с реформистскими установками и политической пассивностью.

При всей неоднородности и противоречивости массового сознания его отличает сегодня особый динамизм, в основе которого лежит стремление к подлинно демократическому и гуманистическому общественному устройству. Только научная, социалистическая идеология может последовательно выразить это стремление, превратить его в доминанту сознания масс, стимулировать их общественное поведение. «Научность и демократизм, революционность и гуманизм этой идеологии, — говорил К. У. Черненко на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — коренным образом отличают ее от идеологии буржуазной, которая оправдывает и благословляет эксплуататорские порядки и агрессивную политику империализма, проповедует национализм и шовинизм»¹.

Как справедливо отмечают советские исследователи, «общий рост жизненного уровня и образованности рабочих, более широкое (хотя в целом по-прежнему далеко не достаточное) их приобщение к культуре (в частности, благодаря революции в средствах массовой информации)... способствуют повышению уровня их сознательности. Более высокий уровень образования позволяет рабочим глубже понять механизм усиления эксплуатации трудящихся, свою отчужденность от целей производства и собственного труда, роль буржуазного государства в защите интересов капитала, причины кризисного состояния общества и возможности демократического выхода из него»².

Борьба за умы и души людей предъявляет сегодня повышенные требования к пропаганде социалистических идей, опыта реального социализма. Действенность этой пропаганды больше, чем когда-либо раньше, предполагает научный анализ реальных проблем социалистического строительства, его особенностей в различных исторических и национальных условиях, соотношения общего и особенного в революционном переходе от капитализма к социализму.

Массовое сознание современного капиталистического общества отражает глубокий кризис буржуазной идеологии, возрастающую неудовлетворенность трудящихся буржуазным образом жизни. Учитывая это, революционный авангард масс — коммунистические партии используют в своей деятельности среди масс опыт и завоевания трудящихся социалистических стран, с тем чтобы показать возможность и необходимость социалистического переустройства общества. Главными направлениями их деятельности являются развитие и пропаганда научной социалистической идеологии, на основе которой разрабатываются обоснованные решения назревших проблем общественной жизни, революционная политика, подводящая людей труда к социалистическим целям на опыте собственной борьбы.

Предисловие (с. 3—6)

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 30.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 294.

³ Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 13 февраля 1984 г. М., 1984, с. 11—12.

Введение (с. 7—29)

¹ См., напр.: Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968, с. 169, 172; Исторический материализм. Учеб. пособие под ред. А. П. Шептулина и В. И. Разина. М., 1974, с. 265, 269.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 41 (примеч.).

⁴ Как отмечает Б. А. Грушин, в массовом сознании «сходятся все существующие сечения общественного сознания» (Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М., 1967, с. 61).

⁵ «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, — писал К. Маркс, — это — знание. Знание есть его единственный акт» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 165).

⁶ Современное политическое сознание в США. М., 1980, с. 30.

⁷ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980, с. 179—180.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 208.

⁹ Шаронов В. В. Психология класса. Проблемы методологии исследования. Л., 1975, с. 72—90.

¹⁰ См.: Уледов А. К. Структура общественного сознания, с. 172.

¹¹ Perroux P. Masse et classe. Paris — Tournaï, 1972.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2.

¹³ Там же, с. 3.

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 90.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 208.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 309—310.

¹⁸ Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. P., 1960, p. 22. Критический анализ концепции Дюркгейма см.: Анцыферова Л. И. К проблеме изучения исторического развития психики. — История и психология. М., 1971, с. 64—65; История буржуазной социологии XIX—начала XX века. М., 1979, с. 212—214.

¹⁹ Dupront A. Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective. — Annales, Economies, Sociétés, Civilisations, 1961, Janv. — Févr., p. 3—11.

²⁰ Spenser M. E. Images of groups. — Archives européennes de sociologie, 1975, t. 16, N 2, p. 194—214.

²¹ Как отмечает Г. М. Андреева, «психологические характеристики группы представляют собой то типичное, что характерно всем индивидам, и, следовательно, отнюдь не сумму черт, свойственных каждой

личности... Это типичное не есть «одинаковое» для всех, но именно общее» (Андреева Г. М. Социальная психология, с. 200—201).

²² Исторический материализм. М., 1974, с. 286.

²³ См., напр.: Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1973; Лебедев Б. К. Исторические формы социальных типов личности (социально-философский аспект). Казань, 1976.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 446.

²⁵ См.: Лебедев Б. К. Исторические формы социальных типов личности, с. 83.

²⁶ Понятие личностного смысла, разработанное в советской психологии, обозначает субъективное отношение человека к явлениям, образующим содержание его мотивов, объект его деятельности (см.: Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. С. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности. — Вопросы психологии, 1979, № 4).

²⁷ Проблема типологии жизненных ориентаций в условиях современного капитализма исследовалась в советской литературе (см.: Холодковский К. Г. Некоторые вопросы развития массового политического сознания. — МЭМО, 1979, № 6). Ю. А. Замошкин в книге «Личность в современной Америке» (М., 1980) также применяет термин «жизненная ориентация», не отличая его от понятия ценностной ориентации, которое является для него основным при выделении типов личности. Не ставя своей задачей построение социально-психологической типологии американского общества в целом, Ю. А. Замошкин обстоятельно исследует некоторые типы личности, сформировавшиеся в США в «русле индивидуалистической традиции», в историческом процессе ее развития, модификации и кризиса. Поскольку выявленные таким образом типы специфичны для любого капиталистического общества, они, естественно, вошли и в типологию, приводимую в нашей работе.

²⁸ Dalinval M. Une autre idée des français. P., 1977, p. 36—37; Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. The Quality of American Life. N. Y., 1976, p. 181; Ashton D. N., Field D. Young Workers. L., 1976, p. 51—53; The Germans. Public Opinions Poll. 1967—1980. Westport — London, 1981, p. 38.

²⁹ Bourdieu P. La distinction. Critique sociale du jugement. P., 1979.

³⁰ Подробное обоснование этих представлений см. в кн.: Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. 2. М., 1975, с. 211—235.

³¹ Как отмечал В. И. Ленин, в капиталистическом обществе имеются только три класса: буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 297).

³² См.: Гуревич П. С. Культура как объект социально-философского анализа. — Вопросы философии, 1984, № 5, с. 53, 57. Такое понимание культуры отстаивалось советскими философами на XVII Всемирном философском конгрессе, посвященном теме «Философия и культура». В марксистской науке разрабатывается также понятие политической культуры как зафиксированной в законах, обычаях и политическом сознании памяти «о прошлом как общества в целом, так и его отдельных элементов, в первую очередь классов и социальных слоев» (Галкин А. А. Феномен политической культуры как фактор познания. — Рабочий класс в мировом революционном процессе. 1983. М., 1983, с. 94—95).

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 102.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 39.

³⁵ Там же (примеч.).

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 145.

Глава I (с. 30—125)

¹ См., напр.: Вебер А. Б. Классовая структура общества в Западной Германии. М., 1961; Современный рабочий класс капиталистических стран (изменения в структуре). М., 1965; Гаузер Н. Д. Научно-технический прогресс и рабочий класс США. М., 1968; Мельников А. Н. Современная классовая структура США. М., 1974; Современный капитализм и рабочий класс: критика антимарксистских концепций. М., 1976; Рабочий класс в социальной структуре индустриально развитых капиталистических стран. М., 1977; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 6. М., 1981, гл. 6; Klassen- und Sozialstruktur der BRD 1950—1970. Frankfurt am Main, 1972.

² Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. 2, с. 216.

³ См.: Рабочий класс в социальной структуре индустриально развитых капиталистических стран, с. 311.

⁴ Horowitz J., Lipset S. Dialogues in American Politics. N. Y., 1978; Dahrendorf R. Widersprüche der Modernität und die Zukunft der Freiheit. — Die Zukunft der Westlichen Gesellschaft. Bern — Stuttgart, 1980; Gozz A. Adieux au prolétariat — au de là socialisme. P., 1980.

⁵ См.: Технологические сдвиги, наемный труд и рабочее движение развитых капиталистических стран. М., 1983.

⁶ Загладин Н. В. Страны Запада: проблемы развития рабочего движения. — Рабочий класс и современный мир, 1984, № 2, с. 51.

⁷ Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 6, с. 677.

⁸ См.: Рабочий класс и современный мир, 1984, № 2, с. 131.

⁹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 305.

¹⁰ См.: Стачки: история и современность. М., 1978.

¹¹ См.: Загладин В. В. За права трудящихся, за мир и безопасность народов. Коммунистический авангард рабочего движения в начале 80-х годов. М., 1982, с. 19.

¹² См.: Международное коммунистическое движение. М., 1983, с. 98.

¹³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 15—16.

¹⁴ Международное рабочее движение, т. 6, с. 157.

¹⁵ Там же, с. 47.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 10.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 192.

¹⁸ Проблемы мира и социализма, 1981, № 2, с. 22.

¹⁹ Проблемы мира и социализма, 1980, № 6, с. 8.

²⁰ См.: Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса. М., 1969; Иерусалимский В. П. О некоторых особенностях сознания рабочего класса Западной Германии. — Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. М., 1971; его же. Социально-политическое сознание трудящихся — некоторые

новые тенденции. — Классы и классовая борьба в ФРГ. М., 1978; *его же*. Рабочий класс ФРГ и кризис 70-х годов (некоторые аспекты социальной психологии и массового сознания). — Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1981; *Песчанский В. В.* Служащие в буржуазном обществе (на примере Англии). М., 1975; *Вайнштейн Г. И.* Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. М., 1977; *Михайлов С. В.* Социальный облик современного английского рабочего класса. М., 1981.

²¹ См., напр.: Социально-экономические проблемы трудящихся капиталистических стран. М., 1974; Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. II, гл. XXXII; Международное рабочее движение, т. 6, гл. 5.

²² Вследствие жизни в одних и тех же районах и домах, «смешанных» браков и т. д. Во Франции в 1982 г. лишь в 18% семей, в которых мужья были рабочими, жены являлись работницами, а в 39% таких семей — служащими и представительницами других нерабочих профессий, 43% — домашними хозяйками (*Projet*, 1983, N 177, p. 702).

²³ Развернутую критику буржуазных концепций сознания рабочего класса см.: Современный капитализм и рабочий класс: критика антимарксистских концепций; Борьба идей в современном мире, т. 2. М., 1976, разд. 4.

²⁴ *Dalival M.* Une autre idée des français. P., 1977, p. 40.

²⁵ *Levison A.* The divided working class. — *The Nation*, 1972, N 18, p. 560.

²⁶ *Nichols T., Armstrong P.* Workers Divided: A study of shop-floor politics. L., 1976, p. 157—158.

²⁷ К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» приводит высказывание немецкого публициста В. Шульца: «... в силу того, что вся продукция возрастает, и в меру ее роста растут и потребности, вожделения и притязания, а следовательно может возрастать относительная бедность, в то время как абсолютная бедность уменьшается» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 55).

²⁸ *Sennet R., Cobb J.* The Hidden Injuries of Class. Cambridge (Mass.), 1972, p. 163—164.

²⁹ В США в 1970—1979 гг. доля рабочих промышленности и транспорта старше 24 лет, имеющих законченное среднее образование, возросла с 33 до 45,8% для мужчин и с 29,9 до 43,4% для женщин, а имеющих незаконченное или законченное высшее образование — соответственно с 7,8 до 17,4% и с 3,7 до 8,4%. Среди конторских служащих той же возрастной группы 42,8% мужчин и 61,7% женщин имели в 1979 г. законченное среднее образование, соответственно 44,3 и 30,1% — законченное или незаконченное высшее (подсчитано по: *Monthly Labor Review*, 1980, N 7, p. 46).

³⁰ Как отмечается в одном французском исследовании, в технически наиболее передовых автоматизированных отраслях производства труд большинства рабочих характеризуется наиболее низким уровнем инициативы, самостоятельного воздействия на производственный процесс (*Verret M.* L'ouvrier français. Le travail ouvrier. P., 1982, p. 103).

³¹ В 1975 г. более половины французских рабочих в возрасте 17—34 лет, выполнявших неквалифицированный и малоквалифицированный труд, учились в школе 9 и более лет (*Ibid.*, p. 185).

³² Советский исследователь Б. И. Дубсон констатирует совпадение в развитых капиталистических странах «структуры использования повседневного свободного времени в ее самых общих чертах для

всего населения, в том числе и в социальном разрезе». Так, в США рабочие-мужчины затрачивают в день в среднем 2 часа на просмотр телепрограмм, а служащие и лица свободных профессий — 1,3 часа; на чтение рабочие затрачивают 0,6, а служащие — 0,6—0,8 часа; на спорт все эти группы тратят 0,2 часа (см.: Дубсон Б. И. Социально-экономические проблемы свободного времени трудящихся в условиях современного капитализма. М., 1980, с. 111—112).

³³ Verret M. L'ouvrier français. L'espace ouvrier. P., 1979, p. 178, 180, 181.

³⁴ «Молодые рабочие, — отмечает французский социолог Р. Сэн-соле, — недавно получившие среднее и техническое образование и широко приобщенные к соблазнам потребления, переживают настоящую драму. Им внушили, что с помощью образования и собственных усилий можно подняться, выйти из нищеты. Благодаря поездкам за границу и телевидению они узнали, насколько их жизненный уровень выше, чем в большинстве других стран. И вдруг они оказываются привязанными к заводскому конвейеру, без большой надежды на повышение квалификации и продвижение» (Sainsaulieu R. L'identité au travail. P., 1977, p. 54).

³⁵ Class and Personality in Society. N. Y., 1969, p. 99.

³⁶ Bourdieu P. La distinction. P., 1979, p. 384, 385; Yankelovich D. New Rules. N. Y., 1981, p. 117—118.

³⁷ Durand C., Durand M. De l'O.S. à l'ingénieur. P., 1972, p. 233; Working-Class Images of Society. L., 1975, p. 56, 68; Korpi W. The Working Class in Welfare Capitalism. Work, unions and politics in Sweden. L., 1978, p. 367—368.

³⁸ Durand C., Durand M. De l'O.S. à l'ingénieur, p. 233.

³⁹ Этот вывод (в отношении рабочих высшей — новейшей и «традиционной» квалификации и служащих) подтверждается и английским исследованием (Davis H. Beyond Class Images. L., 1979).

⁴⁰ Monthly Labor Review, 1971, Sept., p. 28.

⁴¹ Monthly Labor Review, 1982, Nov., p. 35.

⁴² Kudera W., Mangold W., Ruff K., Schmidt R. Zur gesellschaftlichen und politischen Bewusstsein von Arbeitern. — Sozial Welt (Göttingen), 1976, N 2, S. 232—259; International Labor Review, 1977, Nov. — Dec., p. 256; Curran J. Class Imagery, work environment and community. — British Journal of Sociology, 1981, N 1, p. 117.

⁴³ См. подробнее: Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии, с. 303—324.

⁴⁴ Verret M. L'ouvrier français. Le travail ouvrier, p. 75.

⁴⁵ The Germans, p. 325.

⁴⁶ Sennett R., Cobb J. The Hidden Injuries of Class, p. 131; La société française en mouvement. — Suppléments aux dossiers et documentations du «Monde». P., 1981, p. 58.

⁴⁷ См.: Особенности воспроизводства рабочего класса развитых капиталистических стран. М., 1978, с. 55, 62, 88, 130, 135, 264, 295, 296.

⁴⁸ Об «овеществлении» общественных отношений в сознании см.: Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса. — Вопросы философии, 1968, № 6, с. 19.

⁴⁹ Критику этих концепций, в частности работ представителей франкфуртской школы, см.: Борьба идей в современном мире, т. 2. М., 1976, с. 343—351.

⁵⁰ Davis H. Beyond Class Images, p. 61, 66, 70, 71, 77—80, 92, 93, 186.

⁵¹ Low-Beer J. R. Protest and Participation. The new working class in Italy. Cambridge, 1978, p. 106, 107, 112.

⁵² Shappard H., Herrick N. Where Have All the Robots Gone? N. Y., 1972, p. 133.

⁵³ Campbell A., Convers P. E., Rodgers W. L. The Quality of American Life, p. 300—303.

⁵⁴ US News and World Report, 1979, Sept. 3, p. 35, 38; Monthly Labor Review, 1982, Nov., p. 35.

⁵⁵ Monthly Labor Review, 1979, Jan., p. 4.

⁵⁶ US News and World Report, 1979, Sept. 3, p. 35.

⁵⁷ Sociology of work and occupation, vol. 4. L., 1977, p. 169; Matthöfer H. Humanisierung der Arbeit und Produktivität in der Industriegesellschaft. Köln, 1978, S. 19.

⁵⁸ Нихондзин-но сисо: то ко: до: Мидзусима Кэнъити та хэн. Токио, 1973, с. 143 (японские материалы представлены в русском переводе ИНИОН АН СССР. — Г. Д.).

⁵⁹ Корэ-пара-но сэкацу то дзю: дзикан. Токио, 1977, с. 25.

⁶⁰ Оути Цутому. 80-нэндай-ни окэру ро: си канкэй. — Кикан ро: до: хо. Токио, 1980, с. 8—17.

⁶¹ Yankelovich D. New Rules, p. 152.

⁶² Kern H., Schumann M. Industriearbeit und Arbeiterbewusstsein, B. 2. Frankfurt am Main, 1970, S. 150.

⁶³ The Germans, p. 328.

⁶⁴ Le Nouvel observateur, 1978, 4 déc., p. 93.

⁶⁵ The Germans, p. 317.

⁶⁶ Projet, 1983, N 177, p. 679—680.

⁶⁷ Terkel St. Working. N. Y., 1974, p. 38—39.

⁶⁸ Lévy-Leboyer C. L'ambition professionnelle et la mobilité sociale. P., 1971, p. 161, 181, 182.

⁶⁹ Arbois J., Schidlow J. La vraie vie des français. P., 1978, p. 121.

⁷⁰ См.: Дубсон Б. И. Социально-экономические проблемы свободного времени трудящихся в условиях современного капитализма, с. 75.

⁷¹ L'expansion, 1983, N 209, p. 43.

⁷² Arbois J., Schidlow J. La vraie vie des français, p. 121.

⁷³ Yankelovich D. Changed Youth Values in the 70-s. N. Y., 1974, p. 22—24.

⁷⁴ Yankelovich D. New Rules, p. 152.

⁷⁵ В специальном докладе, подготовленном в 1973 г. по заказу органов НАТО, отмечалось, что в странах, входящих в этот блок, прогулы охватывают 10—25% рабочей силы, выработка снижается на 8—10% из-за плохого качества труда. «Люди, — говорится в докладе, — выражают свою неудовлетворенность трудом в жалобах... индустриальных конфликтах, в прогулах и неаккуратности, в широко распространенной психологической невовлеченности в работу» (Wilson N. A. B. On the Quality of Working Life. Department of Employment. Manpower papers, 7. L., 1973, p. 4, 5, 26).

⁷⁶ Verret M. L'ouvrier français. Le travail ouvrier, p. 129—131; Оути Цутому. 80-нэндай-ни окэру ро: си канкэй. — Кикан ро: до: хо, с. 8—17.

⁷⁷ The Times, 1980, June 26.

⁷⁸ О развитии этой тенденции в рабочей среде см. подробнее: Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии, с. 268—302; Дубсон Б. И. Социально-экономические проблемы свободного времени трудящихся в условиях современного капитализма, с. 75, 110—127.

⁷⁹ Les jeunes ouvriers. Enquête effectuée par R. Mouriaux, J. Magniadas, M. Piolot. P., 1974, p. 123—136.

- ⁸⁰ *Arbois J., Schidlow J.* La vraie vie des français, p. 117.
- ⁸¹ Autrement, 1979, Oct., N 21, p. 14.
- ⁸² Из сборника автобиографий профсоюзных активистов: Autobiographies des militants CGTU — CGT présentées par J. Penneff. Nantes, 1979, p. 147, 148, 150.
- ⁸³ *Fosh P.* The Active Trade Unionist. Cambridge, 1981, p. 34.
- ⁸⁴ Ibid., p. 72—73.
- ⁸⁵ *Terkel St.* Working, p. 190.
- ⁸⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 40.
- ⁸⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 102.
- ⁸⁸ *Michelat G., Simon M.* Classe, religion et comportement politique. P., 1977, p. 51—52.
- ⁸⁹ *Mouriaux R.* Evolution de la classe ouvriere. — *Projet*, 1977, N 120, p. 1220; *Ahrne G. et al.* «Middle Way» Sweden at a Cross-Road: Problems Actors and Outcomes. — *Acta Sociologica*, 1978, N 4, p. 323; *Jackmann M. R. R.* The subjective meaning of social class identification in the United States. — *Public opinion quarterly*, 1979, N 1/2, p. 443; *Gallie D.* Social Radicalism in the French and British working class. — *British Journal of Sociology*, 1979, Dec., p. 509.
- ⁹⁰ *Le Nouvel économiste*, 1983, N 386, p. 61.
- ⁹¹ *Lalanne B.* Les ouvriers aujourd'hui. — *L'Expansion*, 1975, Déc., p. 76, 81.
- ⁹² *Durand C., Durand M.* De l'O. S. à l'ingénieur, p. 174—175.
- ⁹³ *Curran J.* Class imagery, work environment and community. — *British Journal of Sociology*, 1981, N 1, p. 119.
- ⁹⁴ *Goldthorpe J. H.* L'image des classes chez les travailleurs manuels aisés. — *Revue française de sociologie*, 1970, N 3, p. 320.
- ⁹⁵ *Kern H., Schumann M.* Industriearbeit und Arbeiterbewusstsein, B. 2, S. 182.
- ⁹⁶ *Goldthorpe J. H.* L'image des classes chez les travailleurs manuels aisés. — *Revue française de sociologie*, 1970, N 3, p. 321, 325; *Low-Beer J. R.* Protest and Participation, p. 142—150.
- ⁹⁷ *Le Nouvel économiste*, 1978, N 44, p. 48.
- ⁹⁸ *L'ouvrier français en 1970.* P., 1970, p. 171, 173, 180, 185, 206.
- ⁹⁹ *US News and World Report*, 1979, Sept. 3, p. 36; *Garson G. D.* Automobile workers and the radical dream. — *Politics and Society*, 1973, N 2, p. 175; *Berry G.* Steel worker' Class Consciousness: A Survey. — *Political Affairs*, 1982, Jan., p. 41.
- ¹⁰⁰ *The Germans*, p. 297—298.
- ¹⁰¹ См., напр.: *Стачки: история и современность*, с. 233—333.
- ¹⁰² *Международное рабочее движение*, т. 6, с. 326.
- ¹⁰³ 41% западногерманских рабочих и 40% служащих, опрошенных в 1976 г., считали, что у членов профсоюзов имеются преимущества по сравнению с неорганизованными трудящимися; соответственно 37 и 38% высказали противоположное мнение, а 22% вообще не имели определенного суждения по этому вопросу (*The Germans*, p. 295).
- ¹⁰⁴ См.: *Международное рабочее движение*, т. 6, с. 363.
- ¹⁰⁵ См.: *Рабочий класс и современный мир*, 1984, № 2, с. 131.
- ¹⁰⁶ *Michelat G., Simon M.* Classe, religion et comportement politique, p. 259—262.
- ¹⁰⁷ Например, 58% членов английских тред-юнионов считали в 1977 г., что профсоюзы контролируются немногими людьми (*Sunday Times*, 1977, Oct. 23, p. 1). 20% западных немцев, опрошенных в 1978 г., не согласились с мнением, что профсоюзы защищают инте-

ресы прежде всего рабочих и служащих; 17% наемных работников сочли их недостаточно требовательными (The Germans, p. 294).

¹⁰⁸ Marxistische Blätter, 1983, N 5, S. 53.

¹⁰⁹ Monthly Labour Review, 1979, Apr., p. 24.

¹¹⁰ Sunday Times, 1977, Oct. 23, p. 1.

¹¹¹ L'Expansion, 1979, N 138, p. 111; 1983, N 209, p. 43.

¹¹² Panorama, 1980, N 2, p. 64.

¹¹³ См.: Международное рабочее движение, т. 6, с. 363.

¹¹⁴ См.: Рабочий класс и современный мир, 1983, № 4, с. 131—

132.

¹¹⁵ Le Nouvel économiste, 1978, N 44, p. 46; Sunday Times, 1977, Oct. 23.

¹¹⁶ Heiseler J. H. Von zur Bewusstseinentwicklung der Arbeiter und Angestellten. — Marxistische Blätter, 1983, N 5, S. 53.

¹¹⁷ Rassegna sindacale, 1983, N 13, p. 4.

По наблюдению западногерманского социолога Шумана, сделанному на основании изучения забастовочного движения, при сохранении лояльного отношения рабочих к профсоюзу они проявляют растущую автономию, независимость от профсоюзных организаций (Schumann M. Am Beispiel der Septemberstreiks — Anfang der Rekonstruktionsperiode der Arbeiterklasse. — Der «neue Arbeiter». Frankfurt am Main, 1971, S. 254 fg. Cp.: Westley W. A., Westley M. W. The Emerging Worker. Montreal, 1971, p. 29, 35—39, 41—54).

¹¹⁸ Kudera W., Mangold W., Ruff K., Schmidt R. Gesellschaftliches und politisches Bewusstsein von Arbeitern. Frankfurt am Main, 1979, S. 184—185.

¹¹⁹ Deutschland-Magazin, 1974, N 5, S. 8 flg.

¹²⁰ См. подробнее: Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии, с. 177—182.

¹²¹ L'ouvrier français..., p. 107, 108, 112, 113, 127.

¹²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 351.

¹²³ Nichols T., Armstrong P. Workers Divided, p. 161—173.

¹²⁴ L'ouvrier français..., p. 127.

¹²⁵ Beynon H. Living with Capitalism. Class Relations and the Modern Factory. L., 1977, p. 113.

¹²⁶ Kudera W. et al. Gesellschaftliches und politisches Bewusstsein von Arbeitern, S. 280, 358, 359.

¹²⁷ L'ouvrier français..., p. 117.

¹²⁸ Die Zeit, 1975, 13 juni, S. 4; 1976, 23 apr., S. 6.

¹²⁹ Die Krise und die Entwicklung der Klassenbewusstsein. — Marxistische Blätter, 1977, N 3, S. 56—61.

¹³⁰ Rossman W. Gewerkschaftliches Streikbewegungen und Handlungsbereitschaft 1978/79. — Kapitalistische Krise, Arbeiterbewusstsein, Persönlichkeitsentwicklung. Köln, 1980, S. 139—140.

¹³¹ L'ouvrier français..., p. 108.

¹³² Les Européens et la libre entreprise. P., 1977, p. 6, 9.

¹³³ Kudera W. et al. Gesellschaftliches und politisches Bewusstsein von Arbeitern, S. 288.

¹³⁴ Nichols T., Armstrong P. Workers Divided, p. 160, 175—181.

¹³⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 347—348.

¹³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 536.

¹³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 79.

¹³⁸ Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie, 1976—1977, Bd. VII, S. 69.

¹³⁹ Kudera W. et al. Gesellschaftliches und politisches Bewusstsein von Arbeitern, S. 358—359.

¹⁴⁰ *Fosh P.* The Active Trade Unionist, p. 75; *Kudera W. et al.* Gesellschaftliches und politisches Bewusstsein von Arbeitern, S. 295—296; *L'ouvrier français...*, p. 231—233.

¹⁴¹ *Загладин В. В.* За права трудящихся, за мир и безопасность народов, с. 143, 144.

¹⁴² *Touraine A.* La conscience ouvrière. P., 1966.

¹⁴³ *Goldthorpe J. et al.* The Affluent Worker: Industrial Attitudes and Behavior. Cambridge, 1968, p. 84, 87; *Lipsitz L.* Work life and political attitudes. — White majority between poverty and affluence. N. Y., 1970, p. 160; Jahrbuch Öffentlichen Meinung. 1968—1973. Allensbach — Bonn, 1973, S. 486; Times, 1975, Jan. 14; *Martin R., Fryer R.* The Deferential Worker? — Working-Class Images of Society, p. 105; *Hill St.* The Dockers. Class and tradition in London. L., 1976, p. 112.

¹⁴⁴ *Werner H.* Zwischen Sozialpartnerschaftsideologie und Klassenbewusstsein Zur Bedeutung der Widersprüche im Arbeiterbewusstsein. — Marxistische Studien, 1979, Bd. 2; Rückkehr zur Sozialpartnerschaft? — Soziale Bewegungen. Frankfurt am Main, 1981; *Иерусалимский В. П.* Рабочий класс ФРГ и кризис 70-х годов. — Рабочий класс в мировом революционном процессе. 1981. М., 1981.

¹⁴⁵ *Heiseler J.-H. von.* Arbeiterbewusstsein und Krise. — Marxistische Studien, 1978, Bd. 1, S. 277.

¹⁴⁶ *Werner H.* Zwischen Sozialpartnerschaftsideologie und Klassenbewusstsein. — Marxistische Studien, 1979, Bd. 2, S. 355—358.

¹⁴⁷ Rückkehr zur Sozialpartnerschaft? — Soziale Bewegungen, S. 70—71; Marxistische Blätter, 1983, N 5, S. 53.

¹⁴⁸ *Scamuzzi S.* Operai e impiegati. Fiat tra vecchi e nuovi radicalismi. — Politica ed economia, 1982, N 6, p. 34—35.

¹⁴⁹ *Unita*, 1983, VI. 4, p. 4.

¹⁵⁰ *Werner H.* Arbeiterbildung und gesellschaftliches Bewusstsein. Köln, 1979, S. 151.

¹⁵¹ *Koski-Jännes A.* Gesellschaftliches Denken und Klassenbewusstsein der Werftarbeiter. — Kapitalistische Krise, Arbeiterbewusstsein, Persönlichkeitsentwicklung, S. 69.

¹⁵² См.: *Васильцов С. И.* Рабочий класс и общественное сознание. Коммунисты в социально-политической структуре Италии. М., 1983, с. 126, 132.

¹⁵³ См.: Рабочие избиратели в странах Западной Европы. М., 1980.

¹⁵⁴ *Garson G. D.* Automobile workers and radical dream. — Politics and Society, 1973, N 2, p. 167—168.

¹⁵⁵ *Berry G.* Steelworkers' Class Consciousness. — Political Affairs, 1982, Jun., N 1, p. 41.

¹⁵⁶ *Bierbaum C. et al.* Ende der Illusionen. Frankfurt am Main, 1975, S. 124.

¹⁵⁷ *Пономарев Б. Н.* Живое и действенное учение марксизма-ленинизма (Ответ критикам). М., 1981, с. 73.

¹⁵⁸ См.: *Вайнштейн Г. И.* Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. М., 1977, с. 204—205.

¹⁵⁹ См.: *Холодковский К. Г.* Некоторые вопросы развития массового политического сознания. — МЭМО, 1979, № 6, с. 126.

¹⁶⁰ Запись беседы из архива института по изучению общественного мнения — СОФРЕС (Париж).

¹⁶¹ *Botsch R. E.* We shall not over come. Populism and Southern Blue-collar Workers. Chapel Hill, 1980, p. 123.

¹⁶² См.: Рабочие избиратели в странах Западной Европы, с. 347.

¹⁶³ Quand la gauche peut gagner. P., 1973, p. 67. Накануне этих выборов 64% священников моложе 40 лет выразили намерение голосовать за левые партии (ibidem).

¹⁶⁴ Kuderer W. at al. Gesellschaftliches und politisches Bewusstsein von Arbeitern, S. 295.

¹⁶⁵ Goldthorpe J. H. L'image des classes chez les travailleurs manuels aisés. — Revue française de sociologie, 1970, N 3, p. 328.

¹⁶⁶ Kuderer W. at al. Gesellschaftliches und politisches Bewusstsein von Arbeitern, S. 295—296; Davis H. H. Beyond Class Images, p. 116.

¹⁶⁷ См.: Вайнштейн Г. И. Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании, с. 201.

¹⁶⁸ Высказывание пожилой английской работницы. Цит. по: Горюдецкий И. Е. Великобритания: избиратели, выборы, партии. 1945—1970. М., 1974, с. 103.

¹⁶⁹ Güllner M. Daten zur Mitgliederstruktur des SPD. Transfer-2, Frankfurt am Main, 1977, S. 101—102.

¹⁷⁰ Rabe B. Der sozialdemokratische Charakter: Drei Generation aktiver Parteimitglieder in einem Arbeitsviertel. Frankfurt am Main, 1978.

¹⁷¹ Jenkins H. Rank and File. L., 1980, p. 91.

¹⁷² Chamberlain C. W., Moorhouse H. F. Lower Class Attitude Towards the British Political System. — Sociological Review, 1974, N 4, p. 503 ff.

¹⁷³ Загладин В. В. За права трудящихся, за мир и безопасность народов, с. 149.

¹⁷⁴ Muraz R. La parole aux français. P., 1977, p. 215.

¹⁷⁵ См.: Современный монополистический капитализм. Италия. М., 1983, с. 267.

¹⁷⁶ Макленнан Г. Уроки выборов и перспективы британского рабочего движения. — Проблемы мира и социализма, 1979, № 8, с. 17.

¹⁷⁷ Загладин В. В. За права трудящихся, за мир и безопасность народов, с. 33.

¹⁷⁸ См.: Богорад В. А., Матвеев Р. Ф. Работа коммунистов капиталистических стран в массах. М., 1976; Коммунисты в массах. Прага, 1981; Мировое коммунистическое движение. М., 1982, с. 173—189.

¹⁷⁹ С 1973 по 1982 г. число полностью безработных в капиталистических странах, по значительно заниженным официальным данным, увеличилось с 9,2 до 27,4 млн. человек, или до 8,2% самодеятельного населения (см.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М., 1983, с. 87). В ноябре 1983 г. число безработных в США составило 9,4 млн. человек, или 8,4% рабочей силы; в странах «Общего рынка» — 11 млн. человек (10,5%); в Японии — 1,6 млн. человек (3%) (см.: Рабочий класс и современный мир, 1984, № 2, с. 123).

¹⁸⁰ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г., с. 24.

¹⁸¹ Heiseler J. H. von. Zur Bewusstseinentwicklung der Arbeiter und Angestellten. — Marxistische Blätter, 1983, N 5, S. 51.

¹⁸² В США, Великобритании, Франции в начале 80-х годов работы были лишены 17—20% людей в возрасте 16—25 лет. в Италии и Испании — 27—30% (см.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран, с. 89).

¹⁸³ Например, более 1/3 опрошенных рабочих крупных предприятий английской электронной промышленности высказали совершенно нетипичный для рабочих традиционных отраслей взгляд: «Различия

между классами не имеют большого значения; люди могут легко переходить из одного класса в другой» (British Journal of Sociology, 1981, N 1, p. 119).

¹⁸⁴ L'Expansion, 1983, N 209, p. 39, 43.

¹⁸⁵ Fufnham A. Attitudes toward the unemployed receiving social security benefits. — Human Relations, 1983, N 2, p. 135—150. В ФРГ, по данным опроса общественного мнения, 59% населения в начале 80-х годов считало, что многие безработные просто не хотят работать (Müller K. Das profitable Elend: Zum Beschäftigungsproblem im Kapitalismus. Berlin, 1982, S. 21).

¹⁸⁶ Stern, 1983, N 9; S. 178.

¹⁸⁷ XXIV съезд Французской коммунистической партии. М., 1982, с. 141.

¹⁸⁸ L'Express, 1983, 21 Sept., p. 48.

¹⁸⁹ Monthly Labor Review, 1982, N 11, p. 34, 35.

¹⁹⁰ Подсчитано по: Yankelovich D. New Rules, p. 84.

¹⁹¹ L'Express, 1983, 2 Sept., p. 47; Politica ed economia, 1980, N 4, p. 40.

¹⁹² Projet, 1983, N 177, p. 679, 680.

¹⁹³ Cathelat B. Jeunesse: vers un style de vie bipolaire? — Futuribles, 1980, Oct., p. 36—50; Schmid D. Zur Soziologie der Friedensbewegung und der Jugendprotests. — Aus Politik und Zeitgeschichte, 1982, 19 Juni, S. 19—24.

¹⁹⁴ См.: Хэниш Д. Молодое пополнение ГКП (результаты эмпирического исследования). — Рабочий класс в мировом революционном процессе. 1982. М., 1982, с. 127; Heiseler J. H. von. Zur Bewusstseinentwicklung der Arbeiter und Angestellten. — Marxistische Blätter, 1983, N 5, S. 53; Clot J. La crise, les jeunes et le travail: quelle issue? — Cahiers du communisme, 1982, N 5, p. 32—37.

¹⁹⁵ Le Nouvel économiste, 1983, N 386, p. 65.

¹⁹⁶ Cathelat B. Jeunesse: vers un style de vie bipolaire? — Futuribles, 1980, Oct.

¹⁹⁷ Clot J. La crise, les jeunes et le travail... — Cahiers du communisme, 1982, N 5, p. 34.

¹⁹⁸ Психологические последствия безработицы обстоятельно рассмотрены в кн.: Безработица — трагедия миллионов. М., 1983, с. 127—149.

¹⁹⁹ Le Mouël J. Le chômage des jeunes: des «vécus» très différents. — Sociologie du travail, 1981, N 2, p. 168—169.

²⁰⁰ Harrison R. The demoralising experience of prolonged unemployment. — Department of Employment Gazette, 1976, vol. 84, N 4, p. 344.

²⁰¹ Gewerkschaftlichen Monatshefte, 1983, N 1, S. 9.

²⁰² Harrison R. The demoralising experience of prolonged unemployment. — Department of Employment Gazette, 1976, vol. 84, N 4; Galland O., Louis M.-V. Chômage et action collective. — Sociologie du travail, 1981, N 2, p. 178—181.

²⁰³ Hayes J., Nutman P. Understanding the unemployed: The psychological effects of unemployment. L. — N. Y., 1981, p. 31.

²⁰⁴ См.: Безработица — трагедия миллионов, с. 137—144.

²⁰⁵ Процесс «маргинализации» групп населения, отстраненных от участия в общественном производстве, и его социально-политические последствия анализируются в кн.: Технологические сдвиги, наемный труд и рабочее движение развитых капиталистических стран. М., 1983.

²⁰⁶ Средняя продолжительность безработицы в развитых капита-

листических странах значительно возросла в конце 70-х — начале 80-х годов (Безработица — трагедия миллионов, с. 46).

²⁰⁷ Stern J. Job duration of men becoming unemployed. — British Journal of Industrial Relations, 1982, N 3, p. 375.

²⁰⁸ Clot J. La crise, les jeunes et le travail... — Cahiers du communisme, 1982, N 5, p. 36.

²⁰⁹ Цит. по: Le Mouël J. Le chômage des jeunes... — Sociologie du travail, 1981, N 2, p. 170—171.

²¹⁰ Так, «лево»террористическая итальянская группировка «Рабочая автономия» ориентируется, по словам ее лидеров, на «гетто больших индустриальных городов... люмпен-пролетариев... маргиналов» (Panorama, 1978, N 620, p. 36). Одна довольно многочисленная французская террористическая организация возникла в 1976 г. на базе комитета помощи безработным в Париже. Ее участники — люди в возрасте 20—30 лет, не имевшие ни какой-либо специальности, ни постоянных заработков, — выдвигали лозунг «права на зарплату» (вместо традиционного «права на труд») (Le Nouvel observateur, 1977, N 683, p. 56—59).

²¹¹ New Statesman, 1983, June 17, p. 8.

²¹² Gallup Report, 1983, May, N 212, p. 9.

²¹³ Heiseler J. H. von. Zur Bewusstseinentwicklung der Arbeiter und Angestellten. — Marxistische Blätter, 1983, N 5, S. 51.

²¹⁴ Public Opinion, 1983, June — July, N 3, p. 12—15.

²¹⁵ Ibid., p. 13—14.

²¹⁶ Gallup Report, 1983, May, N 212, p. 9.

²¹⁷ Gallup Report, 1983, Febr., N 209, p. 18.

²¹⁸ Public Opinion, 1983, Dec. — Jan., N 6, p. 5.

²¹⁹ L'Expansion, 1983, N 209, p. 41.

²²⁰ Nuestra Bandera, 1980, N 105, p. 29—30.

²²¹ L'Expansion, 1983, N 209, p. 40.

²²² Cambio-16, 1979, N 403, p. 17, 18.

²²³ The Economist, 1983, July 9, p. 26; Public Opinion, 1983, June — July, N 3, p. 8—9.

²²⁴ Stern, 1983, N 9, S. 176—177.

²²⁵ Ibidem.

²²⁶ Ibidem.

²²⁷ Bass T. B., Hofstetter C. R., Redburn F. S. The psychology of mass employment: some political and social implications. — Political Psychology, 1980, N 3-4, p. 95—113; Berry G. Steel Workers' Class Consciousness: A Survey. — Political Affairs, 1982, Jan., N 1, p. 41.

²²⁸ Schäfers B., Weiss W. Zur politischen Partizipation der Jugendlichen. — Gegenwartskunde, 1980, Jg. 29, Sonderheft 2: Jugend in der Gegenwartsgesellschaft, S. 204—209.

²²⁹ Leinemann J. Die Angst der Deutschen. Hamburg, 1982, S. 173.

²³⁰ Unita, 1982, 8.VI, p. 3.

²³¹ Об этой работе компартий см.: Загладин В. В. За права трудящихся, за мир и безопасность народов, с. 109—115.

²³² L'Expansion, 1983, N 209, p. 39.

²³³ Marchais G. Les travailleurs, les forces populaires, la France elle-même ont un grand besoin du Parti communiste. — Cahiers du communisme, 1983, N 6, p. 53.

²³⁴ Droits nouveaux. Allons-y. — Supplément à L'Economie et Politique, 1983, Juin, N 74 (347).

²³⁵ Gayssot J.-C. Le parti communiste français à l'entreprise. — Cahiers du communisme, 1983, N 6, p. 47.

²³⁶ *Bieniok Y.* Kongress der Arbeitslosen in der BRD. — IPW-Berichte, 1983, N 3, S. 60—62.

²³⁷ *L'Expansion*, 1983, N 209, p. 43.

²³⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 69—70.

²³⁹ *Le Nouvel Observateur*, 1981, 21 Nov., N 889, p. 33.

²⁴⁰ *Правда*, 1984, 3 марта.

²⁴¹ *Gallup Report*, 1983, May, N 212, p. 30.

²⁴² *Harms T.* Problems der neuen Friedensbewegung. — *Marxistische Studien*, 1982, vol. 5, S. 205; *Financial Times*, 1983, March 2, p. 13.

²⁴³ Цит. по: *Храмцов А. Ф.* ФРГ: рабочий класс в современном антивоенном движении. — *Рабочий класс и современный мир*, 1982, № 5, с. 55.

²⁴⁴ *Le AGLI per la sviluppo della società italiana (1978—1981)*. Roma, 1981, p. 316; *Ordentlicher Bundeskongress der DGB vom 16—21. Mai 1982*. Frankfurt am Main, 1982, S. 32; *Webb T.* *The Arms Drain: Job Risk and Industrial decline*. L., 1982.

²⁴⁵ *Проблемы мира и социализма*, 1982, № 9, с. 35.

²⁴⁶ *Plener U.* Reformistische Arbeiterbewegung und Friedenskampf heute. — *Beitrage zur Geschichte der Arbeiterbewegung*. 1983, Jg. 25. N 1, S. 48—61.

Глава II (с. 126—169)

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 611.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 606.

³ См.: *Ньюмен П.* Канадский истэблишмент. М., 1980, с. 138.

⁴ См.: *Вебер М.* История хозяйства. Пг., 1923, с. 221.

⁵ См.: *Вебер М.* Протестантская этика. М., 1972.

⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 276.

⁷ См.: *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982.

⁸ *Schumpeter J.* Capitalisme, Socialisme et Démocratie. P., 1969, p. 186.

⁹ Исследование установок руководителей западноевропейских фирм выявило наличие среди них трех социально-психологических типов: близких к «нормальному капиталисту» предпринимателей-агрессоров, ориентированных на экономический рост и пренебрегающих традиционными правилами игры; противоположный тип предпринимателей — «соней», не озабоченных проблемами экономического роста и предпочитающих «не раскачивать лодку», а также промежуточный между этими двумя тип (*Landes D. S.* *L'Europe technicienne*. P., 1975, 713).

¹⁰ Крупнейший американский бизнесмен, ныне покойный, П. Гетти вспоминал о том, как его отец в 20-х годах сравнивал себя со знаменитым в то время менеджером Стюартом, являвшимся профессиональным управляющим и возглавлявшим корпорацию «Стюарт Ойл оф Индиана». Гетти-старший считал Стюарта «великим администратором» и говорил, что он был бы польщен, если бы его самого считали таковым. Однако, объясняя, почему Стюарт при всех своих выдающихся способностях не обладает таким богатством, как он, Гетти-старший говорил: «Стюарт, подобно многим другим блестящим администраторам, поклоняется святыне безопасности. Что же касается меня, то если бы я поклонялся этой святыне, то, возможно, должен был бы лет двадцать назад продать все свои акции и вложить

деньги в облигации правительственных займов» (Dun's Review, 1971, N 5, p. 42).

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 276.

¹² Цит. по: Terkel S. Working, p. 463.

¹³ В своей книге об отношении американцев к труду С. Теркел приводит слова одного среднего предпринимателя о том, что вся его деятельность предопределена свыше божественной волей, что его успех является богоугодным. «Все свои способности я желаю посвятить богу. Я бы не хотел предпринимать ничего такого в бизнесе, что было бы неуютно Спасителю... Если бог призвет меня, то в любой день я стану кем угодно, хоть миссионером», — говорил этот бизнесмен (Terkel S. Working, p. 448, 450).

¹⁴ Объясняя причины своего перехода из государственного аппарата в частный сектор, А. Ру, в прошлом крупный чиновник, ставший президентом известной французской фирмы «Компани женераль д'Электрисите», заявил: «Я обладал столь сильным капиталистическим духом, что у меня возникло страстное желание уйти в частный сектор. Я ушел туда, как уходит в религию. С моей точки зрения, капитализм — это призвание» (Цит. по: Fredet J.-G., Pingaud D. Les patrons face à la gauche. P., 1982, p. 225).

¹⁵ Цит. по: Ньюмен П. Канадский истэблишмент, с. 60.

¹⁶ Fortune, 1981, 9 March, p. 56.

¹⁷ L'Expansion, 1972, Oct., p. 105.

¹⁸ Fredet J.-G., Pingaud D. Les patrons face à la gauche, p. 225.

¹⁹ Bensman J., Vidich A. J. The New American Society: the revolution of the middle class. Chicago, 1971, p. 69—70.

²⁰ С. Флуара, начавший с нуля и основавший несколько крупных компаний в различных отраслях французской промышленности, как-то самоуверенно заявил: «Пусть меня оставят совсем голым, без единого су, в середине Сахары (но вблизи караванных путей), и несколько месяцев спустя я вернусь миллионером» (Цит. по: Peyrefitte A. Le mal français. P., 1976, p. 189).

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 606.

²² Harris H., Sedouy A. de. Les patrons. P., 1977, p. 39.

²³ См.: Личность в XX столетии. М., 1979, с. 124.

²⁴ Рассказывая о своих родителях, известный французский фабрикант Ф. Бегин отмечал: «Все, что зарабатывали, они вкладывали в дело, развивая его, покупая новые предприятия и таким образом разрастаясь, разрастаясь... Это было подобно снежному кому» (Harris H., Sedouy A. de. Les patrons, p. 14).

²⁵ Цит. по: Ньюмен П. Канадский истэблишмент, с. 138.

²⁶ Harris H., Sedouy A. de. Les patrons, p. 18.

²⁷ Savage D. Les dirigeants et la croissance des entreprises françaises. — Sociologie du travail, 1975, N 2, p. 136—277.

²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 276—277. Мировая художественная литература создала ряд образов «лишних людей», принадлежащих по рождению к классу капиталистов, но непригодных к предпринимательской деятельности. К «никчемным» людям принадлежит и флореровский Фредерик Моро, и слабловый, но стремящийся приобщиться к миру «хватающих добычу» Дзено, герой романа итальянского писателя Итало Звено «Самопознание Дзено», и любящий музыку, но ненавидящий деньги герой романа французского писателя А. Эгпарса «Час правды» банкир Пьер Бендетти, который признается: «Я разорился потому, что ненавижу деньги. Богатство процветает не во всяких руках» (Эгпарс А. Час правды. М., 1974, с. 181).

²⁹ В немонополистическом секторе экономики советские экономисты выделяют мелкотоварное и товарно-капиталистическое хозяйство. Мелкотоварное предприятие базируется на частной собственности и личном труде хозяина. Товарно-капиталистическое хозяйство — это сфера работающих на рынок предприятий, которые используют труд наемных рабочих и служащих, но в которых, однако, отделение капитала-собственности от капитала-функции еще не завершено (см.: Политическая экономика современного монополистического капитализма, т. 1. М., 1975, с. 238—242).

³⁰ *Golby C. W., Johns G. Attitude and Motivation. L., 1971, p. 20.*

³¹ *Lannurien P. Cent ans de retard. P., 1968, p. 11.*

³² *Bunel J., Saglio J. L'action patronale. P., 1979, p. 86.*

³³ *Frischer D. Les faiseurs d'argent. P., 1983, p. 111.*

³⁴ *Ibid., p. 77, 87.*

³⁵ *Entreprise, 1971, 9 déc., p. 94.*

³⁶ *Bensman J., Vidich A. J. The New American Society. ..., p. 71.*

³⁷ *Golby C. W., Johns G. Attitude and Motivation, p. 6.*

³⁸ *Bunel J., Saglio J. L'action patronale, p. 87.*

³⁹ См.: *Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке, с. 56—63.*

⁴⁰ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 217.*

⁴¹ *Schumpeter J. Capitalisme, Socialisme et Démocratie, p. 236.*

⁴² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 46.*

⁴³ Об упоминавшемся С. Флуара представители французского крупного бизнеса говорили, что его вхождение в светское общество предполагает, что он должен «усовершенствовать свои манеры» и исправить «свой уличный акцент» (*Tendrou R. Establishment: les intouchables. — Le Nouvel économiste, 1977, 17 oct., p. 67*).

⁴⁴ *Ibid., p. 72.*

⁴⁵ Джон Д. Рокфеллер, основатель семейной династии, так и не получил доступа в элитарные клубы. «Вдовствующая королева» из нью-йоркской семьи Гардинеров миссис Дэвид Лайон Гардинер, узнав, что ее внук собирается прогуляться и поиграть с детьми Рокфеллеров, сказала: «Никто из Гардинеров никогда не станет играть с внуками гангстера». Лишь внуки Джона Д. Рокфеллера стали членами фешенебельных вашингтонских клубов (см.: *Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. М., 1975, с. 400*).

⁴⁶ *Ньюмен П. Канадский истеблишмент, с. 113.*

⁴⁷ *Bourdieu P. Reproduction culturelle et reproduction sociale. — Information sur les sciences sociales, 1971, N 10, p. 45—79.*

⁴⁸ См., напр.: *Бунин И. М. Буржуазия в современном французском обществе. М., 1978.*

⁴⁹ О предпринимательских союзах см.: *Куликов А. Г. Генеральные штабы монополий. М., 1969; Федоров Р. П. Анонимная власть. Классовые организации монополистического капитала в ФРГ. М., 1970; Бунин И. М. Буржуазия в современном французском обществе, и др.*

⁵⁰ См.: *Федоров Р. П. Анонимная власть, с. 12.*

⁵¹ См.: *Меньшиков С. М. Миллионеры и менеджеры. Современная структура финансовой олигархии США. М., 1965; Бунин И. М., Вайнштейн Г. И. Еще раз о проблеме власти в современных корпорациях. — МЭМО, 1978, № 11, с. 84—91.*

⁵² *Jay A. Corporation Man. N. Y., 1971, p. 42.*

⁵³ *European Business, 1970, N 26, p. 59.*

⁵⁴ *Spiegel, 1965, 16 Juni, S. 52.*

⁵⁵ На основе интервью с 221 руководителем корпораций различного ранга американские социологи пришли к выводу, что «средний руководитель проводит примерно 6 из 8 рабочих часов в разговорах с другими руководителями в ходе деловых встреч и конференций. На него посмотрели бы как на чудака, если бы он в одиночку пошел обедать» (см.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969, с. 199).

⁵⁶ Maccoby M. The Games-Man. N. Y., 1976, p. 34.

⁵⁷ Mills C. W. White collar. N. Y., 1956, p. 263.

⁵⁸ Соловьев Э. Ю. Внутрикorporативная конкуренция и некоторые аспекты доктрины «массового общества». — Современная буржуазная идеология в США. М., 1967, с. 236.

⁵⁹ Maccoby M. The Games-Man, p. 38, 48—49.

⁶⁰ Понятие «коммуникативная этика» введено в научный оборот американским ученым Р. Хьюбером (Huber R. M. The American Idea of Success. N. Y., 1971).

⁶¹ Цит по: Child J. Man and organization. L., 1973, p. 140—141.

⁶² См.: Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке, с. 66—67.

⁶³ Whyte W. The Organization Man, p. 152.

⁶⁴ Например, в 1969 г. подавляющее большинство членов элитарного французского клуба «Ротари» одобрили следующие принципы поведения: «Старайтесь извлечь из вашего положения не непосредственную материальную выгоду, а опыт и связи»; «Связи — это состояние, ценный капитал, в обращении с которыми требуется бережливость» (цит. по: Бирнбаум П. и др. Французский правящий класс. М., 1981, с. 217).

⁶⁵ Bourdieu P., Boltanski L., Saint-Martin M. de. Les strategies de reconversion. — Information sur les sciences sociales, 1972, N 12, p. 81—82.

⁶⁶ Winter J. A. Elective affinities between religious beliefs and ideologies of management in two eras. — American Journal of Sociology, 1974, N 5, p. 1134—1150.

⁶⁷ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество, с. 223.

⁶⁸ Цит. по: Ньюмен П. Канадский истеблишмент, с. 148.

⁶⁹ Цит. по: Энштейн С. Капитаны большого бизнеса. Социальный портрет менеджера. М., 1979, с. 162.

⁷⁰ Maccoby M. The Games-Man, p. 96.

⁷¹ Whyte W. The Organization Man, p. 167.

⁷² Fortune, 1976, N 5, p. 176.

⁷³ Koehne R. Das Selbstbild deutscher Unternehmer. Berlin, 1976, S. 91.

⁷⁴ Maccoby M. The Games-Man, p. 48—49. Говоря о менеджерах этого типа, Л. Хоган, в то время вице-президент «Фэйрнайлд Камера энд Инструмент Корпорейшн», заметил: «Наша главная особенность заключается в том, что мы знаем, как победить в игре под названием «бизнес». Общество может вводить любые правила в эту игру... мы все равно одержим в ней верх» (ibid., p. 120).

⁷⁵ Ibid., p. 126.

⁷⁶ Fortune, 1981, 14 dec., p. 71.

⁷⁷ «Если вы несколько часов поработаете в саду, у вас появится прекрасная возможность подумать о некоторых проблемах организации», — заявил в интервью один из английских менеджеров (цит. по: King R., Raynor Y. The Middle Class. L. — N. Y., 1981, p. 183).

⁷⁸ Times, 1973, 28 aug. Для сравнения: доля инженерно-техниче-

ских и управленческих работников, удовлетворенных своей работой, намного ниже — 28, 42 и 30% соответственно.

⁷⁹ Whyte W. The Organization Man, p. 61. «Читая детективы, — рассказывает президент одной из американских корпораций, — я думаю о том, что я сегодня сделал, какие решения принял, что сказал тому-то и тому-то, когда те сказали мне то-то и то-то. Во время переговоров о заработной плате бывает, что я просыпаюсь среди ночи и думаю до рассвета, какие шаги предпринять. Я являюсь на переговоры, проспав какой-нибудь час или два за ночь, и иду в постель лишь после того, как переговоры закончены. Когда у меня обостряется язва, я регулярно попадаю в больницу и перехожу на диету. Но в больнице у меня появляется возможность обо всем хорошенько подумать... Сверхзагруженность ли это? Может быть... Но я вырос в бизнесе, я люблю бизнес... Это приносит мне удовлетворенность, чувство совершенства» (ibidem).

⁸⁰ Times, 1973, 28 aug.

⁸¹ Maccoby M. The Games-Man, p. 34.

⁸² Ibid., p. 39.

⁸³ По данным опроса западногерманских предпринимателей, менеджеры называли мотив «власти» в качестве ведущего в предпринимательской деятельности почти в два раза чаще, чем собственники (соответственно 23,9 и 13,5%) (Koehne R. Das Selbstbild deutscher Unternehmer, S. 91).

⁸⁴ По словам американского экономиста А. Берли, мотивы деятельности сегодняшних лидеров бизнеса отличаются от мотивов поведения мелкого предпринимателя эпохи Адама Смита: они ближе к Александру Македонскому, который стремился к захватам новых империй (см.: Энштейн С. Капитаны большого бизнеса, с. 58).

⁸⁵ Europe's New Managers. Going Global with a U. S. Style? — Business Week, 1982, May 24, p. 116—122.

⁸⁶ Harris A., Sedouy A. de. Les patrons, p. 290.

⁸⁷ Цит. по: Ньюмен П. Канадский истеблишмент, с. 158.

⁸⁸ Цит. по: Gilpin R. US Power and the Multinational Corporation. N. Y., 1975, p. 136.

⁸⁹ Industrial Democracy: International Views. Coventry, 1978, p. 45.

⁹⁰ Galbraith J. K. The Age of uncertainty. Boston, 1977, p. 74.

⁹¹ См.: Юдин Б. Г. Новые элементы в технологии капиталистического управления. — Вопросы философии, 1973, № 1.

⁹² Baumer W. H., Herzberg D. G. Politics is Your Business. N. Y., 1960, p. 19 (см. подробнее: Борисюк В. Усиление политической активности американского бизнеса. — Новые явления в механизме политического господства монополий, ч. I. М., 1975, с. 54—110).

⁹³ Bourdieu P., Saint-Martin M. de. Le Patronat. — Actes de la recherche en sciences sociales, 1978, N 20—21, p. 9—82.

⁹⁴ Bradshaw T. My case for national planning. — Fortune, 1977, Feb.

⁹⁵ National Journal, 1978, N 15, p. 596.

⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 176.

⁹⁷ Из интервью с французским предпринимателем Ж. Рибурелем (Fredet J.-G., Pingaud D. Les patrons face à la gauche, p. 279).

⁹⁸ Из интервью с металлургическим магнатом А. Шнейдером (Beau de Lomenie E. Les Responsabilités des dynasties bourgeoises, vol. II. P., 1947, p. 235).

⁹⁹ Riviere J. Le monde des affaires aux Etats-Unies. P., 1973, p. 134.

¹⁰⁰ Direction, 1973, nov., p. 51.

- ¹⁰¹ Koehne R. Das Selbstbild deutscher Unternehmer, S. 91.
- ¹⁰² Economie et humanisme, 1977, N 236, p. 33—35.
- ¹⁰³ L'Expansion, 1973, oct., p. 126, 128.
- ¹⁰⁴ Boswell J. The Rise and Decline of Small Firms. L., 1973, p. 34.
- ¹⁰⁵ Suleiman E. Les élites en France. P., 1978, p. 158.
- ¹⁰⁶ Ibid., p. 159.
- ¹⁰⁷ Public Opinion, 1978, March — Apr., p. 48—49.
- ¹⁰⁸ Замошкин Ю. А., Мотрошилова Н. В. «Техницистское» сознание и его эволюция. — США: экономика, политика, идеология, 1975, № 6, с. 21.
- ¹⁰⁹ Hartman H. Authority and Organization in German management. Princeton, 1955, p. 22—50.
- ¹¹⁰ Bunel J., Saglio J. L'action patronale, p. 87.
- ¹¹¹ Cohen S. Modern Capitalist Planning. Cambridge (Mass.), 1969, p. 50.
- ¹¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 47.
- ¹¹³ Harvard Business Review, 1978, N 2, p. 101.
- ¹¹⁴ Harvard Business Review, 1977, N 2, p. 92—93.
- ¹¹⁵ Business Week, 1983, July 4, p. 36—41; Harvard Business Review, 1983, N 4, p. 83—90.
- ¹¹⁶ См. подробнее: Борисюк В. И., Бунин И. М. Современная буржуазия: изменения в системе ценностей. — Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1983.
- ¹¹⁷ Fortune, 1981, 15 June, p. 164.
- ¹¹⁸ Ackermann R. W. The Social Challenge to Business. Cambridge (Mass.), 1975, p. 8.
- ¹¹⁹ Проблемы мира и социализма, 1980, № 1, с. 24.
- ¹²⁰ Simon W. E. Time for Action. N. Y., 1980, p. 21.
- ¹²¹ Friedman M., Friedman R. Free to Choose: A personal statement. N. Y., 1980, p. 127.
- ¹²² Deregulation: A fast start for the Reagan strategy. — Business Week, 1981, Mar., 9, p. 47.
- ¹²³ The welfare state in crise: A account of the conference on social policies in the 1980/OECD. P., 1980, 20—23 October. P., 1981, p. 37.
- ¹²⁴ The Reindustrialization of America. — Business Week, 1980, 30.VI.
- ¹²⁵ См.: Бунин И. М. Буржуазия в современном французском обществе, с. 205.
- ¹²⁶ Harvard Business Review, 1977, N 3, p. 93.
- ¹²⁷ Один предприниматель прямо заявил: «Рабочий — это баран из стада Панурга» (Bunel J., Saglio J. L'action patronale, n. 208).

Глава III (с. 170—228)

¹ Between Capital and Labour. Hassocks, 1979.

² В советской научной литературе проблемы интеллигенции в современном буржуазном обществе рассматривались в ряде работ: Кувалдин В. Б. Интеллигенция в современной Италии. Положение, психология, поведение. М., 1973; его же. Американский капитализм и интеллигенция. М., 1983; Надель С. Н. Современный капитализм и средние слои. М., 1978; Шляхун П. А. Интеллигенция в современном буржуазном обществе. Киев, 1980. Специальных исследований о сознании интеллигенции нет. Средний управленческий персонал в социо-

логическом и социально-психологическом ракурсе в советской литературе изучен слабо.

³ Такое понимание интеллигенции, когда основной упор делается на характере ее социальных функций, обусловленных общественным разделением труда, широко распространено в советской литературе (см., напр.: Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. 2, с. 233).

⁴ Social Class in the Contemporary United States. Minneapolis, 1980, p. 76.

⁵ См.: Технологические сдвиги, наемный труд и рабочее движение развитых капиталистических стран. М., 1983, с. 92, 279, 345.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 432.

⁷ В 1978 г. в странах Западной Европы число студентов вузов превысило 6 млн. человек (в 1950 г. — менее 1 млн.). В США за тот же период оно выросло с 2,3 до 11,5 млн., а в Японии — с 0,4 до 2,4 млн. человек (подсчитано по: UNESCO. Statistical Year Book 1963, 1981).

⁸ См., напр.: Бунин И. М. Инженерно-технические и управленческие работники Франции в поисках социально-политической ориентации. — Рабочий класс в мировом революционном процессе. 1980. М., 1980, с. 171—172.

⁹ Frankel H. Capitalist Society and Modern Sociology. L., 1970, p. 191.

¹⁰ Work in America. Report of a Special Task Force. Cambridge (Mass.), 1973, p. 15—16.

¹¹ Цит. по: Bradley I. The English Middle Classes are Alive and Kicking. L., 1982, p. 169.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 254.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 15.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 330.

¹⁵ Blau P., Scott W. Formal Organizations. A comparative approach. L., 1966, p. 61—71.

¹⁶ U. S. News and World Report, 1983, Sept. 12, p. 77.

¹⁷ Time, 1978, Apr. 10, p. 51.

¹⁸ Подробнее об этих организациях см. дальше.

¹⁹ См., напр.: Кувалдин В. Б. Место и роль писателя в современном капиталистическом обществе. — Художник и общество. Свобода личности и свобода творчества. М., 1980, с. 195—218.

²⁰ Brym R. Intellectuals and Politics. L., 1980, p. 27—28.

²¹ U. S. News and World Report, 1981, June 1, p. 4.

²² Alexander K. O. Scientists, Engineers and the Organization of Work. — The American Journal of Economics and Sociology, 1981, Jan., p. 54.

²³ Les Informations, 1975, janv. 20, p. 33—34.

²⁴ New Scientist, 1983, Sept. 1, p. 617—620.

²⁵ U. S. News and World Report, 1975, Jan. 27, p. 53. См. также: Кувалдин В. Б. Американский капитализм и интеллигенция, с. 132—138.

²⁶ Chomage: les cadres brisés. — Le Point, 1980, dec. 29, p. 46—47.

²⁷ См.: Надель С. Н. Современный капитализм и средние слои, с. 250—251; Кувалдин В. Б. Интеллигенция в современной Италии, с. 83—90.

В Англии в 1913—1914 гг. доход представителя «высших профессий» умственного труда был в 4,7 раза больше зарплаты полуквалифицированного рабочего-мужчины, в 1955—1956 гг. — в 3,3 раза, в 1978 г. — в 2,2 раза (Routh G. Occupation and Pay in Great Bri-

tain, 1906—1979. L., 1980, p. 120—121). В Японии интеллигенция «в своем промежуточном положении... сейчас стоит гораздо ближе к квалифицированным рабочим, нежели к буржуазии» (*Арская Л. П.* Научно-техническая интеллигенция Японии. М., 1974, с. 81). Это подтверждается цифрами: к концу 60-х годов средний доход специалистов с высшим образованием был на 62% выше, чем у квалифицированных рабочих, но в 2,5 раза ниже, чем у предпринимателей (там же).

²⁸ *Benguigni G., Monjardet D.* Etre cadre en France. P., 1970, p. 20; *Boltanski L.* Les cadres. La formation d'un groupe sociale. P., 1982, p. 415—416.

²⁹ Большинство западногерманских инженеров, по данным конца 60-х — середины 70-х годов, не читали серьезных журналов и газет общественно-политического характера, но 90% регулярно читали журналы по своей специальности; большинство было склонно завышать свой социальный статус, было равнодушно к общественным проблемам (*Hortleder G.* Das Gesellschaftsbild des Ingenieure: Zum politischen Verhalten der technischen Intelligenz in Deutschland. Frankfurt am Main, 1970, S. 161; *Kogon E.* Die Stunde der Ingenieure. Technologische Intelligenz und Politik. Düsseldorf, 1976, S. 198).

³⁰ По утверждению буржуазных идеологов, общественные отношения в условиях современного капитализма основаны на принципе вознаграждения по заслугам — на меритократии (буквально — «власть заслуженных»).

³¹ *Boltanski L.* Les cadres, p. 21—22.

³² *Arbois J., Schidlow J.* La vraie vie des français, p. 161—162.

³³ *Boltanski L.* Les cadres, p. 34, 42.

³⁴ *Faits et opinions. Les jeunes cadres de Renault. Leur avenir et leur entreprise. Rapport.* P., 1981, p. 24, 37.

³⁵ *Arbois J., Schidlow J.* La vraie vie des français, p. 169—170.

³⁶ 58% французских специалистов, опрошенных в 1982 г., мечтают о том, чтобы отдавать себя интересной работе; 37% хотят найти в работе равновесие, охраняющее их частную жизнь, и лишь 12% думают в первую очередь о материальном благополучии (*L'Expansion*, 1982, Sept., 24, p. 105—111).

³⁷ *Ibid.*, p. 163.

³⁸ *Catelat B.* Les styles de vie des Français. 1978—1998. P., 1977, p. 81, 84; *Valance G., Arnoux P.* Cadres: nous ne sommes pas que des électeurs. — *L'Express*, 1977, Oct., 31, p. 42—48; *Fontaine J.* La grande tentation des cadres: décrocher. — *L'Expansion*, 1979, Oct., 5, p. 128.

³⁹ *Dun's Review*, 1979, June, p. 84.

⁴⁰ *Sampson A.* The New Anatomy of Britain. L., 1971, p. 403. Об этом же в 1983 г. писал журнал «Нью стейтсмен» (*New Statesman*, 1983, Sept., 2, p. 15).

⁴¹ *Burke V.* Teachers in Turmoil. Harmondsworth, 1971, p. 32—37.

⁴² *U. S. News and World Report*, 1983, Sept. 19, p. 52.

⁴³ *The New York Times*, 1982, May 26.

⁴⁴ *U. S. News and World Report*, 1983, Sept. 19, p. 49.

⁴⁵ *Wilson L.* American Academics. N. Y., 1979, p. 196.

⁴⁶ *Kadushin Ch.* The American Intellectual Elite. Boston — Toronto, 1974, p. 20, 23.

⁴⁷ Аналогичный процесс происходит и в Италии (*Il Mondo*, 1983, 22 ag., p. 30).

⁴⁸ *Wilson L.* American Academics, p. 15; *Jeager R. C.* Losing It. N. Y., 1980, p. 87—93.

⁴⁹ По данным опросов, в США лица с высшим образованием

меньше используют телевидение в качестве источника информации, чем остальные американцы (Public Opinion, 1981, Oct. — Nov., p. 35).

⁵⁰ Ученые из ГДР Х. Хаупт и Г. Кольбе, исследуя проблемы западногерманской интеллигенции, отмечали, что «профессиональное образование, получаемое представителями интеллигенции, открывает возможности не только для понимания взаимосвязей в областях профессионально специфических, но и для постижения взаимосвязей общественных» (*Haupt H., Kolbe H. Zur Entwicklung der Intelligenz der BRD in den 70 er Jahr. — IPW-Forschungshefte, 1978, N 1, S. 79*). Это, безусловно, справедливо для многих специальностей лиц умственного труда.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

⁵² См.: Новинская М. И. Студенчество США. Социально-психологический очерк, с. 5, 6, 60.

⁵³ Yankelovich D. New Rules, p. 60.

⁵⁴ Ibid., p. 82—84.

⁵⁵ Ibid., p. 49—52.

⁵⁶ U. S. News and World Report, 1979, Dec. 24, p. 64.

⁵⁷ Arbois J., Schidlow J. La vraie vie des français, p. 97.

⁵⁸ Bensman J., Vidich A. J. The New American Society, p. 28.

⁵⁹ Доля интеллигенции в составе Итальянской коммунистической партии возросла в 70-х годах в 3,8 раза, студентов — в 2 раза (см.: Васильцов С. И. Рабочий класс и общественное сознание, с. 131).

⁶⁰ См.: Пох А. С., Трухан А. Б. Партия «зеленых» на политической арене ФРГ. — Рабочий класс и современный мир, 1983, № 3, с. 150.

⁶¹ Cotgrove S., Duff A. Environmentalism, values and social change. — British Journal of Sociology, 1981, N 1, p. 96—103.

⁶² См.: Гернс В. Антимонополистический потенциал новых социальных движений. — Коммунист, 1983, № 11, с. 108.

⁶³ Они могут называться и «обществами», и «институтами», и даже, как в Италии, «орденами».

⁶⁴ См. подробнее: Ситников Б. А. Инженерно-технические работники в профсоюзном движении Франции. — Рабочий класс и современный мир, 1978, № 4, с. 96—97; Кувалдин В. Б. Американский капитализм и интеллигенция, с. 310—325.

⁶⁵ The Times, 1980, Jan. 4.

⁶⁶ См.: Левин И. Б. Рабочее движение в Италии, 1966—1976 гг. М., 1983, с. 166. В западногерманском исследовании сознания инженеров «антипролетарский» настрой отмечается в качестве одной из наиболее устойчивых его черт (*Hortleder G. Das Gesellschaftsbild des Ingenieure, S. 178*).

⁶⁷ Такую точку зрения высказали 24% французских специалистов (*Grunberg G., Mouriaux R. Les cadres français et la politique. P., 1975, p. 182—184*). В 1983 г. только 30% опрошенных специалистов полагали, что их отделяет от рабочих большая социальная дистанция, чем от хозяев-капиталистов.

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.

⁶⁹ См.: Смоляков Л. Я. Некоторые проблемы ленинского анализа интеллигенции. — Вопросы философии, 1983, № 6, с. 120.

⁷⁰ Bell D. The Cultural Contradiction of Capitalism. N. Y., 1976, p. 144—145.

⁷¹ Sartre J.-P. Préface. — Nizan P. Aden Arabie. P., 1960, p. 24.

⁷² О развитии подобной тенденции см.: Кувалдин В. Б. Интеллигенция в современной Италии, гл. IV. Заключение.

⁷³ См. подробнее: *Кувалдин В.* Научно-техническая интеллигенция и «неокапиталистическая» идеология (на примере Италии). — Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма; *Boltanski L.* Les cadres, p. 176—179.

⁷⁴ Le Point, 1981, Mars, 2, p. 53.

⁷⁵ *Grunberg G., Mouriaux R.* L'Univers politique et syndical des cadres. P., 1979, p. 191.

⁷⁶ *Portelli H.* Le socialisme français tel qu'il est. P., 1980, p. 125.

⁷⁷ Так, в местной организации лейбористской партии в Патни, обследованной Х. Дженкинсом, половину членов составляли люди из рабочих семей, традиционно поддерживавших лейбористов, а половину — «новые» лейбористы — выходцы из средних слоев, убедившиеся в «моральной правоте» социализма (*Jenkins H.* Rank and File, p. 119).

⁷⁸ Public Opinion, 1981, Febr. — March, p. 21.

⁷⁹ Public Opinion, 1980, Febr. — March, p. 38—39.

⁸⁰ Безработица — трагедия миллионов, с. 70—75, 83—86.

⁸¹ *Crozier M.* Le mal américain. P., 1980, p. 59.

⁸² Public Opinion, 1980, Febr. — March, p. 38—39; June — July, p. 35; Oct. — Nov., p. 15, 25, 27; 1982, Febr. — March, p. 31; U. S. News and World Report, 1980, Febr., 25, p. 68.

⁸³ U. S. News and World Report, 1980, Febr. 25, p. 80; Oct. 20, p. 39, 42; Newsweek, 1982, Jan. 25, p. 62.

⁸⁴ U. S. News and World Report, 1981, Dec. 28; 1982, Jan. 4, p. 87—88.

⁸⁵ The Nation, 1979, Sept. 22, p. 228; Le Monde, 1981, Janv. 21 (см. подробнее: *Мельвиль А. Ю.* Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980).

⁸⁶ *Rothman S., Lichter S. R.* Media and business elites: two classes in conflict? — Public Interest, 1982, N 69, p. 117—125.

⁸⁷ См.: XXII Национальный съезд Коммунистической партии США, 23—26 августа 1979 г. М., 1982, с. 96—97; Political Affairs, 1980, N 12, p. 12, 29—30; U. S. News and World Report, 1979, Dec. 31, p. 85.

⁸⁸ *Rébertoux M.* Crise chez les intellectuels de gauche. — Politique aujourd'hui, 1982, N 1—2, p. 57.

⁸⁹ Le Nouvel observateur, 1983, juin, 24, p. 21.

⁹⁰ *Jenkins H.* Rank and File, p. 87—163.

⁹¹ *Gegenwartskunde*, 1980, Jg. 29, Sonderheft, 2: Jugend in der Gegenwartsgesellschaft, S. 203.

⁹² По данным опроса, проведенного в 1979 г. в девяти странах «Общего рынка», высококвалифицированные специалисты и студенты значительно чаще, чем другие группы населения, высказываются за такие приоритеты общественного развития, как «менее безличное общество», участие в управлении, свобода самовыражения личности. Среди них меньше, чем в большинстве других групп, сторонников таких «консервативных» приоритетов, как «закон и порядок» или «укрепление обороноспособности» (*Inglehart R.* Post-Materialism in an Environment of Insecurity. — The American Political Science Review, 1981, vol. 75, N 4, p. 891).

⁹³ Например, в 1980 г. в Австралии 46% лиц с начальным и 44% лиц со средним образованием согласились с распространяемым официальной пропагандой мнением о наличии «советской угрозы», и соответственно 3 и 6% лиц видели военную угрозу со стороны США. Среди лиц с высшим образованием первую точку зрения поддержали лишь 26%, а вторую — 12% (*Australian Outlook*, 1981, N 1,

р. 82—91). В США в 1983 г. 79% опрошенных, имеющих высшее образование, и лишь 56% опрошенных, имеющих начальное образование, согласились с идеей замораживания ядерных вооружений США и СССР (Gallup Report, 1983, May, N 212, p. 26).

⁹⁴ Marsh A. Protest and Political Consciousness. L., 1977; Rühle H. Protest gegen Etablierten? — Politische Meinung, 1978, Jg. 23, N 180, S. 11; Inglehart R. Post-Materialism in an Environment of Insecurity. — The American Political Science Review, 1981, vol. 75, N 4, 891.

⁹⁵ См.: Международное рабочее движение, т. 6, с. 584.

⁹⁶ Portelli H. Le socialisme français tel qu'il est, p. 126.

⁹⁷ Schmid G. Zur Soziologie des Friedensbewegung und des Jugendprotestes. — Aus Politik und Zeitgeschichte, 1982, 19 Juni, S. 18.

⁹⁸ Ibid., S. 19.

⁹⁹ Понятие «низшие» (или «младшие») менеджеры фигурирует довольно редко. Обычно выделяют «высший» (иногда — «старший», что более широко) менеджмент, а всех остальных управляющих считают «средними». Руководителей первой линии (мастеров и др.) к менеджерам, как правило, не относят.

¹⁰⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 343—347; т. 25, ч. I, с. 421—424, 428 и др. См. также: Песчанский В. К. Маркс об управленческом труде и классовое положение средних менеджеров. — МЭМО, 1983, № 8, с. 74—76.

¹⁰¹ Business, 1980, Jan. — Febr., p. 3.

¹⁰² Weir D. Radical Managerialism: Middle Manager's Perceptions of Collective Bargaining. — British Journal of Industrial Relations, 1976, Nov., p. 328.

¹⁰³ Harvard Business Review, 1979, Jan. — Febr., p. 120.

¹⁰⁴ Noble T. Modern British Society. Structure and Change. L., 1975, p. 155.

¹⁰⁵ Цит. по: Administrative Management, 1974, Jan., p. 18.

¹⁰⁶ Mills C. W. White Collar, p. 86.

¹⁰⁷ Dun's Review, 1972, July, p. 40.

¹⁰⁸ Ibidem.

¹⁰⁹ International Management, 1978, June, p. 5.

¹¹⁰ Management Unionization in Western Europe. — European Association for Personnel Management, 1978, p. 80.

¹¹¹ «Совет директоров и я решили, что нам не нравится цвет Ваших глаз...» — такими словами символического руководителя фирмы один из английских профсоюзов сформулировал в объявлении — обращении к менеджерам — необеспеченность их положения (The Times, 1968, Nov., 27).

¹¹² International Management, 1978, Dec., p. 5.

¹¹³ Administrative Management, 1974, Jan., p. 19.

¹¹⁴ Business, 1980, Jan. — Febr., p. 9.

¹¹⁵ Weir D. Radical Managerialism. — British Journal of Industrial Relations, 1976, Nov., p. 327.

¹¹⁶ Косвенным показателем этого процесса можно считать рост так называемой преступности «белых воротничков» и, в частности, растраты, присвоение денег и товаров (White Collar Crime. N. Y., 1977, ch. II, III). Наибольший ущерб причиняли своим компаниям менеджеры и контролирующий персонал.

¹¹⁷ Не случайно молодые менеджеры, согласно результатам опроса, были, «как правило, намного менее критичны по отношению к молодежи и молодежным ценностям, чем большинство старшего поколения» (Administrative Management, 1974, Jan., p. 19).

¹¹⁸ *Berkwitt D.* Management-Sitting on a Time Bomb? — *Dun's Review*, 1972, July, p. 41.

¹¹⁹ *Management Today*, 1981, Sept., p. 75.

¹²⁰ *Ewing D. W.* Who Wants Corporate Democracy? — *Harvard Business Review*, 1971, Sept. — Oct.; *Krishnan R.* Business Philosophy and Executive Responsibility. — *Academy of Management Journal*, 1973, Dec.

¹²¹ *Dun's Review*, 1972, Aug., p. 56.

¹²² *Business*, 1980, Jan. — Febr., p. 3.

¹²³ *Management Today*, 1981, Sept., p. 75.

¹²⁴ *Business*, 1980, Jan. — Febr., p. 7.

¹²⁵ *Berkwitt D.* Management-Sitting on a Time Bomb. — *Dun's Review*, 1972, July; *Williams R., Guest D.* Are the Middle Classes Becoming Work Shy? — *New Society*, 1971, 1.VII.

¹²⁶ *Dun's Review*, 1972, July, p. 38.

¹²⁷ *Ibidem.* При этом нельзя забывать, что в США несколько миллионов управленческих работников.

¹²⁸ *Hartmann H.* Managerial Employees — New Participants in Industrial Relations. — *British Journal of Industrial Relations*, 1974, July, p. 273.

¹²⁹ *Dun's Review*, 1978, June, p. 60.

¹³⁰ *Management Review*, 1981, May, p. 35.

¹³¹ *Business*, 1980, Jan. — Febr., p. 8.

¹³² *Owen T.* The Manager and Industrial Relations. Oxford, 1979, p. 163.

¹³³ *International Management*, 1978, Febr., p. 14.

¹³⁴ *Levi R.* Top Management and Turned-Off Executives. — *Dun's Review*, 1972, Aug., p. 55.

¹³⁵ 38% менеджеров, опрошенных в Великобритании, выражали взгляды типа: «Я сам лучше со всем справлюсь»; «Мне никогда не требовался» (профсоюз. — *Авт.*); «Я удовлетворен своей работой» (*Weir D.* Radical Managerialism... — *British Journal of Industrial Relations*, 1974, July, p. 330).

¹³⁶ Большинство опрошенных выбрали «независимую» позицию (*Hartmann H.* Managerial Employees... — *British Journal of Industrial Relations*, 1974, July, p. 269, 271).

¹³⁷ Цит. по: *Dun's Review*, 1974, Apr., p. 88.

¹³⁸ *Hartmann H.* Managerial Employees... — *British Journal of Industrial Relations*, 1974, July, p. 272.

¹³⁹ *Dun's Review*, 1972, July, p. 40—41.

¹⁴⁰ *Hartmann H.* Managerial Employees... — *British Journal of Industrial Relations*, 1974, July, p. 271.

¹⁴¹ *Clegg C. et al.* Managers' Attitudes towards Industrial Democracy. — *Industrial Relations Journal*, 1979, Autumn, p. 4.

¹⁴² В докладе об итогах западноевропейского обследования о примыкающем к ВКТ Всеобщем союзе инженеров, кадров и техников говорится, что этот союз «соответствует потребностям тех менеджеров, которые отождествляют себя с рабочим классом и его организациями как на предприятии, так и в национальном масштабе» (*Management Unionization in Western Europe*, p. 20). Подробнее о разных типах организаций средних менеджеров см.: *Песчанский В. В.* Управленческий персонал и классовая борьба. — Рабочий класс в мировом революционном процессе. 1983.

¹⁴³ См.: Современный капитализм: политические отношения и институты власти, гл. VI. М., 1984; *Poole M. et al.* Managerial attitudes

and behaviour in industrial relations: evidence from a national survey. — *British Journal of Industrial Relations*, 1982, Nov., p. 293.

¹⁴⁴ См.: *Бунин И. М.* Социально-политическая дифференциация государственного аппарата во Франции. — *Рабочий класс в мировом революционном процессе*. 1981.

¹⁴⁵ *U. S. News and World Report*, 1983, Aug., 29, p. 53.

¹⁴⁶ *Ibidem*.

¹⁴⁷ *Management Unionization in Western Europe*, p. 101—102.

¹⁴⁸ *Hartmann H.* Managerial Employees... — *British Journal of Industrial Relations*, 1974, July, p. 275.

¹⁴⁹ При этом следует видеть разницу между заявлениями высшего менеджмента, для которого разговоры об «общественной пользе» служат средством легитимизации своей деятельности по получению высоких прибылей, и высказываниями средних менеджеров, отражающими сдвиги в их жизненных, «производственных» и общественно-политических ориентациях.

¹⁵⁰ *Dun's Review*, 1972, July, p. 40.

¹⁵¹ *Clegg C. et al.* Managers' Attitudes... — *Industrial Relations Journal*, 1979, Autumn, p. 4. В других случаях большинство менеджеров высказывались против «участия» рядовых работников в управлении (*Kuhne R. J.* Co-determination in Business. N. Y., 1980, p. 81).

¹⁵² См., напр.: *Disenchantment of the middle class*. — *Business Week*, 1983, 25.IV, p. 56—58.

¹⁵³ Положение осложняется тем, что у значительной части передовой интеллигенции весьма сильны антибюрократические настроения и антиэтатизм, маскирующийся лозунгами «борьбы с бюрократией», в какой-то мере оказывается созвучным настрою этих людей. В то же время их не устраивает консервативное и реакционное — в духе возврата к «свободе рынка» — решение проблем «гипертрофии государства» и «бюрократического склероза», отстаиваемое правыми.

¹⁵⁴ «Люди весьма скептически относятся к системе (партийно-политической. — *Авт.*), но более охотно включаются в кампании по отдельным конкретным вопросам», — говорил представитель известной американской фирмы по исследованию общественного мнения «Янкелович, Скелли и Уайт», имея в виду именно эти слои (*Yankelovich D.* New Roles, p. 58).

Глава IV (с. 229—257)

¹ См.: *Международное рабочее движение*, т. 6, с. 152.

² См.: *Городские средние слои современного капиталистического общества*, гл. 2. М., 1963; *Надель С. Н.* Современный капитализм и средние слои, разд. 2, 3, 5; *Западная Европа в современном мире*, т. I. М., 1979, с. 274—277.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 417—418.

⁴ В результате обследования условий труда мелких фермеров Восточной Англии выяснилось, что большинство их (97%) работают более 50 часов в неделю, в том числе 41% — больше 60 часов (*The Petite Bourgeoisie. Comparative Studies of the Uneasy Stratum*, L., 1981, p. 54).

⁵ *Golby C. W., Johns G.* Attitudes and motivation, p. 12; *Boswell J.* The Rise and Decline of Small Firms, p. 32; *Bechhofer F., Elliott B. et al.* Small shopkeepers: matters of money and meanings. — *The Sociological review*, 1974, N 4, p. 477.

- ⁶ Mayer N. Les petits commerçants face au progrès. P., 1975, p. 11, 12, 16.
- ⁷ Ibid., p. 11; Figaro, 1978, 15.II.
- ⁸ Newby H. et al. Farming for Survival: the Small Farmer in the Contemporary Rural Class Structure. — The Petite Bourgeoisie, p. 55.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 215.
- ¹⁰ Mayer N. Les petits commerçants face au progrès, p. 44.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 31.
- ¹² Mayer N. Les petits commerçants face au progrès, p. 18, 23, 25.
- ¹³ Le Point, 1979, N 350, p. 121.
- ¹⁴ Golby C. W., Johns G. Attitudes and motivation, p. 20.
- ¹⁵ Panorama, 1979, 23.I, p. 87.
- ¹⁶ L'Univers politique des paysans dans la France contemporaine. P., 1972, p. 301.
- ¹⁷ Цит. по: Gresle F. Indépendants et petits patrons. Pérennité et transformations d'une classe sociale, t. 2. Lille — Paris, 1980, p. 849.
- ¹⁸ Mayer N. Les petits commerçants face au progrès, p. 6, 7.
- ¹⁹ Robinet J. Les paysans parlent. P., 1970, p. 54.
- ²⁰ Цит. по: Baudelot C., Estabiet R., Malmort J. La petite bourgeoisie en France. P., 1981, p. 269.
- ²¹ См.: Городские средние слои современного капиталистического общества, с. 119.
- ²² См.: Попов Н. П. Политизация массового сознания в США. М., 1981, с. 114.
- ²³ Nouvel économiste, 1976, N 22, p. 34; L'Express, 1982, № 1636, p. 60.
- ²⁴ Rinascita, 1980, N 41, p. 14—15.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 40.
- ²⁶ Bourdieu P. Anatomie du goût. — Actes de la recherche en sciences sociales, 1976, N 5, p. 70.
- ²⁷ Le Point, 1979, N 350, p. 120.
- ²⁸ Robinet J. Les paysans parlent, p. 214—215.
- ²⁹ L'Express, 1977, N 1373, p. 48.
- ³⁰ Golby C. W., Johns G. Attitudes and Motivation, p. 6—9.
- ³¹ Le Nouvel observateur, 1974, N 519, p. 50.
- ³² Leppert-Fögen A. Die deklassierte Klasse: Studien zur Geschichte und Ideologie des Kleinbürgertum. Frankfurt am Main, 1974, S. 205.
- ³³ La sagesse et le désordre. France 1980. P., 1980, p. 25—28.
- ³⁴ Robinet J. Les paysans parlent, p. 202.
- ³⁵ Newby H. et al. Farming for Survival... — The Petite Bourgeoisie..., p. 66.
- ³⁶ L'Expansion, 1977, N 104, p. 76.
- ³⁷ Mayer N. Les petits commerçants face au progrès, p. 15.
- ³⁸ L'Expansion, 1977, N 104, p. 76.
- ³⁹ Newby H. et al. Farming for Survival... — The Petite Bourgeoisie..., p. 59.
- ⁴⁰ Poppinga O. H. Politischen Verhalten und Bewusstsein deutscher Bauern und Arbeiter-Bauern. Stuttgart, 1973, S. 232.
- ⁴¹ Cantelli P. L'economia sommersa. Roma, 1980, p. 19.
- ⁴² L'Express, 1973, N 1128, p. 20.
- ⁴³ Newby H. et al. Farming for Survival... — The Petite Bourgeoisie..., p. 53.
- ⁴⁴ Mayer N. Les petits commerçants face au progrès, p. 11.
- ⁴⁵ Newby H. et al. Farming for Survival... — The Petite Bourgeoisie..., p. 63.
- ⁴⁶ См.: Соединенные Штаты Америки. М., 1982, с. 296.

⁴⁷ Small Firms and the Code of Industrial Relations Practice. L., 1974, p. 16; The Observer, 1975, febr. 23.

⁴⁸ *Bechhofer F., Elliott B. E.* An approach to a study of small shopkeepers in a class structure. — Archives européennes de sociologie, 1968, t. 9, N 2, p. 196.

⁴⁹ *Poppinga O. H.* Politischen Verhalten und Bewusstsein deutscher Bauern und Arbeiter-Bauern, S. 230, 233.

⁵⁰ *Robinet J.* Les paysans parlent, p. 66.

⁵¹ *Mayer N.* Les petits commerçants face au progrès, p. 14.

⁵² *Hoffmann S.* Le mouvement Poujade. P., 1956; *Borne D.* Petits bourgeois en révolte? Le mouvement Poujade. P., 1977.

⁵³ *Baudelot C., Estabiet R., Malmort J.* La petite bourgeoisie en France, p. 267.

⁵⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 14.

⁵⁵ Financial Times, 1974, 25.X; *Are G.* Industria e politica in Italia. Roma, 1975, p. 176; Nouvelle revue socialiste, 1978, N 32, p. 33; Le Nouvel observateur, 1981, N 869, p. 38; *Городецкая И. Е.* Великобритания: избиратели, выборы, партии, с. 139—142; Рабочие избиратели в странах Западной Европы, с. 123, 129, 214, 217, 219, 350, 404.

⁵⁶ Opinion française en 1977. P., 1978, p. 222.

⁵⁷ *Mayer N.* Les petits commerçants face au progrès, p. 11.

⁵⁸ La politica nell'Italia che cambia. Milano, 1978, p. 76.

⁵⁹ *Siegfried A.* Géographie électorale de l'Ardèche sous de III-e République. P., 1949.

⁶⁰ Ibid., p. 51.

⁶¹ *Poppinga O. H.* Politischen Verhalten und Bewusstsein deutscher Bauern und Arbeiter-Bauern, S. 241, 259.

⁶² La sagesse et le désordre. France 1980, p. 56; L'Univers politique des paysans dans la France contemporaine, p. 328—330.

⁶³ См.: Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 307—308.

⁶⁴ О политике коммунистических партий капиталистических стран в отношении крестьянства и городской мелкой буржуазии см.: Мировое коммунистическое движение, с. 228, 229, 237—239.

⁶⁵ *Marchais G.* Le défi démocratique. P., 1973, p. 56.

⁶⁶ Parlement. Assemblée Nationale. Annexe au procès verbal de la séance du 12 avril 1973. Proposition de loi, N 75. P., 1973; Parlement. Assemblée Nationale... — 11 juillet 1974. Proposition de loi, N 1129. P., 1974; Parlement. Assemblée Nationale... — 20 novembre 1974. Proposition de loi, N 1314, 1319. P., 1974.

⁶⁷ La piccola e la media industria nella crisi dell'economia italiana: Atti del Convegno tenuto a Milano 4—5—6 nov. 1974. Roma, 1974, p. 60—61.

⁶⁸ *Muraz R.* La parole aux français. P., 1977, p. 62, 215.

⁶⁹ L'Express, 1982, N 1609, p. 40—41; Le Nouvel observateur, 1983, N 972, p. 22—23; Le Point, 1983, N 555, p. 57.

Заклучение (с. 258—265)

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г., с. 30.

² Мировое коммунистическое движение, с. 175.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	7
Глава I. Психология рабочего класса развитых капиталистических стран	30
1. Рабочий класс в социальной структуре и общественно-политической жизни капиталистических стран	—
2. Пролетарий в «обществе потребления»	42
3. Труд и сознание	52
4. Потребности и ценностные ориентации	59
5. Рабочий класс как социально-психологическая общность	68
6. Отражение классовых отношений в сознании трудящихся	81
7. Динамика массового политического сознания рабочего класса	93
8. Психология рабочего класса в условиях обострения кризиса капитализма	101
Глава II. Особенности общественного сознания современной буржуазии	126
1. Традиционное буржуазное сознание	127
2. Возникновение «корпоративной» личности	143
3. Система ценностей современной буржуазии	156
Глава III. Психология новых средних слоев	170
1. Интеллигенция: динамика психологического склада	171
2. Групповое и общественно-политическое сознание интеллигенции	198
3. Средний управленческо-административный персонал	213
Глава IV. Особенности сознания и политического поведения традиционных средних слоев	229
1. Социально-психологический облик мелкого буржуа	230
2. Общественно-политическое сознание мелкой буржуазии	240
3. Политическое поведение мелкой буржуазии	249
Заключение	258
Цитируемая литература	266

Социальная психология классов: Пробл. классовой
С 69 психологии в соврем. кап. о-ве. — М.: Мысль,
1985. — 293 с.
В пер.: 1 р. 50 к.

На материале ряда развитых капиталистических стран — США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии — анализируется психология классов и социальных слоев современного капиталистического общества: рабочего класса, буржуазии, мелкобуржуазных слоев, интеллигенции. Выделяются социально-психологические типы личности, характерные для этих классов и слоев, выявляются тенденции массового сознания в современном капиталистическом обществе.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КЛАССОВ

Заведующая редакцией В. Е. Викторова

Редактор М. А. Рыжова

Младший редактор Е. С. Дых

Оформление художника И. И. Загурного

Художественный редактор А. М. Павлов

Технический редактор Е. А. Молодова

Корректор Г. Б. Абудеева

ИБ № 2791

Сдано в набор 10.07.84. Подписано в печать 30.11.84. А10105. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 17,33. Тираж 11 000 экз. Заказ № 616. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Мысль», 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союз-полиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КЛАССОВ